СОВРЕМЕННИКЪ.

28

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1842.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXVIII.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1842.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 – 1160

О ЕЖЕМѢСЯЧНОМЪ ИЗДАНІИ СОВРЕМЕННИКА ВЪ 1843 ГОДУ.

Съ 1843 года книжки *Современника* будутъ выходить *каждый мѣсяцъ* въ первое число. Три номера составятъ прежній одинъ томъ сего журнала. Все, что должно обратить на себя вниманіе въ исторіи нашего времени, въ литературѣ, въ наукахъ и вообще въ явленіяхъ образованности, все по-прежнему составлять будетъ содержаніе Современника. Онъ останется вѣренъ истинѣ, безпристрастію и тому спокойному тону сужденій, который до сихъ поръ составлялъ его отличительный характеръ.

Семь лѣтъ прошло съ того времени, какъ покойный *А. С. Пушкинъ* предпринялъ изданіе Современника. Онъ далъ образецъ небывалаго въ Россіи журнала, который, на подобіе нѣкоторыхъ Англій

скихъ *Обозрѣній*, выходилъ только четыре раза въ годъ и былъ представителемъ чисто-литературной дѣятельности въ Отечествѣ.

Нынѣшній издатель Современника, въ продолженіе пяти лѣтъ, ничего не измѣнялъ ни въ планѣ, ни въ направленіи, ни въ духѣ сего журнала. Это было причиною, что въ составленіи Современника постоянно участвовали всѣ лица, которыя дорого цѣнятъ искуство и любятъ Литературу какъ художники. Ихъ статьи, кромѣ занимательности содержанія, навсегда останутся образцами вкуса, языка и слога.

Предполагаемая на будущее время перемѣна въ выходѣ книжекъ Современника ни сколько не ослабитъ идеи Пушкина. Напротивъ, его идея выразится совершеннѣе. Самая отличительная черта умственной дѣятельности нынѣшняго времени есть необыкновенная движимость явленій, которая вынуждаетъ и наблюдателя представлять быстрѣе одинъ отчетъ за другимъ. Это ощутительнѣе всего въ библіографіи. Въ послѣднемъ году она должна была обнять почти столько же предметовъ, сколько при началѣ изданія журнала она встрѣчала ихъ въ продолженіе двухъ, а иногда и трехъ лѣтъ.

Рецензенты, завѣдывавшіе постоянно пять лѣтъ библіографіею Современника, справедливо заслужили

отъ знатоковъ дѣла одобрительные отзывы за труды свои. Но сколько ни усиливались они уравновѣсить избытокъ новыхъ сочиненій съ отвѣтственностію на все указать во-время и все существенное выяснить, часто однако же чувствовали себя въ необходимости откладывать много занимательнаго до новаго появленія журнала. Теперь, когда ежемѣсячно можно будетъ выдавать отчеты, они безъ сомнѣнія сообщатъ своимъ трудамъ новыя достоинства. Библіографія есть существенная часть журнала въ наше время. Ея полнота, опредѣлительность и вѣрность ставятъ читателя на такую точку зрѣнія, съ которой онъ легко наблюдаетъ движеніе современной умственной дѣятельности и—не выходя на сцену — участвуетъ во всемъ, какъ долженъ участвовать человѣкъ образованный.

Но не одна библіографія въ Современникѣ выиграетъ отъ перемѣны въ выходѣ книжекъ. Современныя записки, критика, исторія, этнографія, ученыя открытія, труды поэтическихъ талантовъ—все получитъ ту своевременную жизнь, которая сообщила журналамъ столь обширный кругъ ихъ вліянія на образованіе умственное, нравственное и эстетическое.

До сихъ поръ внутреннее достоинство Современника не встрѣтило опроверженія ни въ какомъ отношеніи. Редакція не приписываетъ этаго успѣха избытку своихъ способовъ: онъ былъ слѣдствіемъ правильности идеи перваго основателя журнала, точно-

сти, съ которою смотрѣла Редакція на эту идею, и постоянству, съ которымъ охраняла она журналъ отъ вліянія перемѣнъ, господствовавшихъ въ литературныхъ мнѣніяхъ. Внѣшнее обновленіе Современника не коснется его внутренней жизни.

Подписка на Современникъ 1843 года принимается: 1) Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта ; 2) у Издателя Д. С. С. Петра Александровича Плетнева въ Санктпетербургскомъ Университетѣ ; 3) у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ въ С. Петербургѣ: Юнгмейстера, К. Полеваго и нѣк. др.

Условія подписки остаются прежнія: за 12 книжекъ годоваго изданія безъ доставки или пересылки 25 р. ас. (7 р. 15 к. сереб.); съ доставкою на домъ или съ пересылкою въ города 30 р. ас. (8 р. 60 к. сер.)

ГЛАЗГОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Знаменитый Сиръ Робертъ Пиль, бывъ въ 1837 году избранъ Лордъ-Ректоромъ Глазговскаго Университета, произнесъ по этому случаю рѣчь, въ которой замѣтилъ, что академическое воспитаніе во всѣхъ Шотландскихъ Университетахъ удивительно соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. «Въ нихъ» продолжалъ онъ «утверждается система, вообще сходная съ положеніемъ Бѣкона—что ученіе должно быть подчинено дѣлу—система, не заключающая въ себѣ ничего чисто-учебнаго, но объемлющая всѣ оттѣнки и отличія различныхъ классовъ общества и приготовляющая людей высшаго сословія къ исполненію государственныхъ должностей.»

Эти слова, произнесенныя славнымъ Ораторомъ, должны въ каждомъ любителѣ просвѣщенія возбуж-

дать особенное любопытство относительно Университетовъ Шотландскихъ, тѣмъ болѣе, что о нихъ на твердой землѣ Европы такъ рѣдко упоминается. Вотъ почему мы спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ нѣсколько извѣстій, доставленныхъ намъ о Глазговскомъ Университетѣ.

Шотландія, хотя и давно пользовалась выгодами, какія соединены съ училищами, не имѣла однако жъ Университетовъ до XV-го столѣтія. Во время малолѣтства Іакова I основанъ былъ Университетъ *Св. Андрея*; при его преемникѣ, въ 1450 году, *Глазговскій*. Основателемъ послѣдняго былъ Епископъ Вилліамъ Турнбуль, получившій по просьбѣ Іакова II буллу отъ Папы Николая V на учрежденіе въ Глазговѣ общаго училища (studium generale) богословія, духовныхъ и гражданскихъ правъ, свободныхъ искуствъ, и всякаго другаго законамъ непротивнаго факультета, съ властью раздавать степени, которыя были бы дѣйствительны во всѣхъ Христіанскихъ владѣніяхъ. Новому училищу — въ полномъ смыслѣ Университету — данъ былъ уставъ Университета Болонскаго; магистрамъ, докторамъ и студентамъ въ Глазговѣ предоставлены тѣже права, преимущества и почести, какими пользовались лица съ этими званіями въ Болоньѣ. Университетъ открытъ былъ 1451 года, и вскорѣ члены его Королевскою грамотою избавлены отъ всѣхъ податей и общественныхъ налоговъ.

Епископъ Турибуль, вопреки порядку, принятому въ извѣстнѣйшихъ Университетахъ твердой земли, но подобно другимъ Епископамъ, основавшимъ Университеты и Коллегіи въ Шотландіи, утвердилъ за собою достоинство и власть Канцлера, т. е. главы новоучрежденнаго сословія.

Въ первое время своего существованія Университетъ Глазговскій состоялъ изъ Канцлера и Ректора, изъ магистровъ и докторовъ *, четырехъ факультетовъ и наконецъ изъ поступавшихъ въ эти факультеты студентовъ, которые по окончаніи курса, предписаннаго уставомъ, могли пріобрѣтать академическія степени. Въ 1456 Андрей Стюартъ, братъ Короля Іакова II, записанъ былъ въ этотъ Университетъ и потомъ былъ тамъ Поддеканомъ. Всѣ студенты, доктора и магистры раздѣлялись на четыре *націи*, смотря по мѣсту ихъ рожденія въ одномъ изъ четырехъ округовъ, на которые дѣлилось все Шотландское королевство съ островами. Каждая нація избирала изъ среды своей Прокуратора, а всѣ вмѣстѣ Ректора и въ помощники ему по депутату отъ каждой націи. Ректоръ согласно съ Совѣтомъ четырехъ депутатовъ отправлялъ верховную судебную и исполнительную власть надъ всѣми членами Университета.

Нынѣ первое лицо въ составѣ его есть по-прежнему Лордъ-Канцлеръ, дѣйствующій либо самъ, либо

* Они получили свои степени въ другихъ Университетахъ.

посредствомъ намѣстника своего, Вице-Канцлера. Онъ избирается на всю жизнь Сенатомъ Академическимъ, состоящимъ изъ Ректора, Декана и всѣхъ профессоровъ Университета. Власть Канцлера ограничивается исключительнымъ правомъ возводить въ академическія степени особъ, удостоенныхъ Сенатомъ: въ управленіи дѣлами Университета онъ не участвуетъ. Онъ присутствуетъ только въ одномъ особенномъ собраніи, когда избирается такъ называемый *Принципалъ*, лице, котораго должность учреждена при самомъ основаніи Университета. Принципалъ долженъ быть изъ пасторовъ Шотландской церкви; онъ имѣетъ верховный надзоръ за поведеніемъ всѣхъ членовъ Университета и носитъ званіе старшаго Профессора богословія, хотя и не преподаетъ. Титулъ Лордъ-Канцлера, который, какъ сказано, участвуетъ въ избраніи Принципала, въ прежнія времена принадлежалъ всегда Архіепископу Глазговскому, но давно уже Сенатъ подноситъ это званіе, какъ почесть, знаменитостямъ націи.

Первое лице послѣ Канцлера есть Лордъ-Ректоръ, какъ хранитель статутовъ, преимуществъ и всего устройства Университета. Должность эта въ Глазговскомъ Университетѣ всегда отправляема была людьми, отличавшимися глубокою ученостью, знаменитымъ происхожденіемъ или какимъ-либо почетнымъ мѣстомъ въ обществѣ. Но особенный интересъ и достоинство придалъ этому званію избранный 1820

года въ Лордъ-Ректоры Франциск Джеффрей. Вмѣсто того, чтобы принять свое ректорство такъ же форменно и почти *безмолвно*, какъ поступали его предшественники, знаменитый Критикъ краснорѣчиво привѣтствовалъ слушателей, тѣснившихся съ нетерпѣливымъ желаніемъ видѣть его возвратъ въ колыбель его ученія. Этому примѣру послѣдовали именитые преемники его, и рѣчи Ректоровъ Глазговскаго Университета составляютъ теперь достойное прибавленіе къ памятникамъ Англійскаго краснорѣчія. Года три тому назадъ онѣ изданы особою книжкою, откуда мы и заимствовали тѣ немногія строки изъ рѣчи Спра Роберта Пиля, которыя приведены въ началѣ нашей статьи.

До реформаціи, въ Университетѣ вѣроятно не было правильнаго курса ученія. Однако жъ въ факультетѣ искуствъ, самомъ обширномъ изъ всѣхъ (соотвѣтствующемъ философскому факультету другихъ Университетовъ) держались опредѣленныхъ формъ подъ управленіемъ собственнаго Декана и при особенныхъ статутахъ. Въ такомъ состояніи былъ Университетъ въ продолженіе болѣе ста лѣтъ.

Реформація 1560 года, нанесшая смертельный ударъ Папскому вліянію, очистившая и умножившая средства къ воспитанію, произвела большой безпорядокъ въ Университетѣ, потому-что члены и глава его были католики. Коллегія искуствъ почти одна

пережила бурю, но и то въ самомъ невѣрномъ положеніи. Наконецъ Королева Марія въ 1560 году даровала Университету многія милости и пособія.

Въ началѣ вся собственность Глазговскаго Университета состояла изъ небольшаго сбора при раздачѣ степеней и незначительныхъ доходовъ съ двухъ или трехъ капелей, завѣщанныхъ нѣкоторыми изъ первыхъ членовъ. Однако жъ Университетъ отправлялъ важныя обязанности свои съ большою ревностію и дѣятельностію, и число членовъ его увеличивалось болѣе, нежели можно было ожидать въ тотъ грубый періодъ общества. Черезъ три или четыре года послѣ основанія молодые люди записывались въ такомъ множествѣ въ факультетъ свободныхъ искуствъ, что надобно было подумать о домѣ для помѣщенія ихъ, и о назначеніи для нихъ опредѣленнаго числа преподавателей. Для этаго Епископъ отдалъ домъ, находившійся подлѣ Соборной церкви, а Канцлеръ и Ректоръ назначили учителями трехъ магистровъ искуствъ. Домъ, отданный студентамъ этаго факультета, былъ извѣстенъ подъ именемъ Педагогіума (Pedagogium) или Коллегіи искуствъ; эта Коллегія вскорѣ сдѣлалась конечно полезнѣйшею въ кругу прочихъ частей Университета—и, кажется, это сознавали даже въ то время, потому-что вскорѣ уже она получила во владѣніе свое отдѣльную собственность. Въ 1458 она хотѣла строить изъ общей суммы своей новое зданіе *Педагогіума*, но въ 1459 получила въ

даръ отъ Лорда Гампльтона богатый домъ со всѣми принадлежностями и землею. Онъ желалъ увѣковѣчить этимъ имя свое и супруги своей, Леди Эвфиміи, и они названы были *основателями Коллегіи*. Въ 1466 и сосѣдній домъ былъ завѣщанъ Коллегіи Томасомъ Артурлеемъ. Другіе факультеты не имѣли собственности подобно факультету искуствъ, но пользовались богатыми доходами во всемъ королевствѣ, аббатствами, пріорствами, ректорствами и викарствами.

Въ 1560 году Королева Марія, оказавъ Университету, какъ упомянуто, разныя милости, пожаловала ему священническій домъ и церковь Братьевъ-проповѣдниковъ со всѣми принадлежностями. Но это мало помогло Университету, который даже 1572 г. находился въ такомъ жалкомъ состояніи, что имѣлъ неболѣе 15-ти человѣкъ всѣхъ членовъ, составлявшихъ его.

Въ 1577 году Іаковъ IV увеличилъ значительно доходы Университета. Его жалованная грамота обыкновенно называется Nova Erectio, и главныя статьи ея составляютъ основаніе настоящаго Устава или Magna Charta Университета. Въ штатѣ было 12 человѣкъ, въ томъ числѣ трое постоянныхъ профессоровъ или регентовъ. Отъ короны назначался Принципалъ; профессоры выбирались Ректоромъ, Деканомъ факультета и Принципаломъ. Профессоры или

регенты не проходили съ студентами своими, какъ въ другихъ Шотландскихъ Университетахъ, весь трехгодичный курсъ, но каждый назначался по особому отдѣленію ученія, такъ что студенты каждый годъ имѣли новаго профессора.

Въ 1581 году Архіепископъ Бойдъ приношеніемъ своимъ доставилъ Университету возможность имѣть четвертаго профессора; это былъ профессоръ Греческаго языка. Въ 1639 году опредѣленъ профессоръ humaniorum litterarum, т. е. словесныхъ наукъ. Въ то же время назначены были новые два профессора богословіи и профессоръ медицины.

Въ 1693 году каждый изъ Шотландскихъ Университетовъ получилъ 300 ф. ст. въ годъ изъ доходовъ Епископствъ въ Шотландіи, и съ этаго времени состояніе Университета Глазговскаго начало улучшаться, число студентовъ увеличивалось. Въ 1702 ихъ было уже въ 3-хъ факультетахъ: Богословскомъ, Греческомъ и Философическомъ до 402. Въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ новыя приношенія отъ короны и частныхъ лицъ улучшили еще болѣе состояніе его, и теперь онъ стоитъ наряду со всѣми лучшими Университетами въ Европѣ.

Студенты, записавшись въ Университетъ по всѣмъ предписаннымъ правиламъ, получаютъ право избирать Лордъ-Ректора и быть допущенными въ

библіотеку Университетскую и музей. Они раздѣляются на студентовъ искуствъ, богословія, правъ и медицины, смотря по свойству главныхъ предметовъ ученія ихъ.

Такъ-какъ курсъ свободныхъ искуствъ считается первоначальнымъ основаніемъ воспитанія, то студенты этаго факультета и особенно пяти форменныхъ классовъ, т. е. студенты, которымъ предписано носить красные плащи, бываютъ обыкновенно моложе и подвержены строжайшей дисциплинѣ и надзору, нежели другіе. Профессоры понуждаютъ ихъ къ слушанію лекцій; оживляютъ вниманіе ихъ частыми экзаменами, задачами и упражненіями; труды и честолюбіе ихъ поощряются наградами, которыя присуждаются самыми достойными голосами товарищей ихъ. Система классныхъ наградъ распространена и на нѣкоторые другіе классы, какъ то: на классы математики, правъ, богословія и Еврейскаго языка, куда введены также экзамены и различныя упражненія по причинѣ видимаго вліянія ихъ на успѣхи студентовъ форменныхъ классовъ.

Каждый форменный студентъ долженъ принадлежать къ тому или другому изъ пяти классовъ полнаго курса по факультету свободныхъ искуствъ. Онъ не можетъ записаться съ намѣреніемъ пройти болѣе однаго класса въ годъ; но можетъ въ тѣ часы, ког-

да бываетъ свободенъ отъ своихъ собственныхъ лекцій, слушать и другихъ профессоровъ.

Въ форменныхъ классахъ есть различіе между *публичными* и *приватными* студентами. Первые, составляя въ каждомъ классѣ большую часть студентовъ, обязаны носить академическое платье, постоянно слушать лекціи, выдерживать экзамены и заниматься въ опредѣленные часы упражненіями въ томъ предметѣ, о которомъ читаются лекціи — и имъ однимъ позволяется считать выслушанныя ими лекціи какъ нѣкоторое право къ возвышенію въ степени. Частные или приватные студенты суть только добровольные слушатели лекцій: ученіе и успѣхи ихъ въ большей мѣрѣ предоставляются ихъ собственному желанію и вкусу. Форменные студенты считаются *публичными* только въ тѣхъ классахъ, къ которымъ они принадлежатъ; во всѣхъ же другихъ они считаются *частными*.

Всѣ другіе студенты Университета могутъ относиться къ общему разряду или неформенныхъ. Они составляютъ большую, смѣшанную и нѣсколько волнующуюся толпу, которой число трудно опредѣлить. Подъ это названіе подходятъ всѣ тѣ, которые, окончивъ свой курсъ ученія въ факультетѣ искуствъ, продолжаютъ слушать курсы другихъ факультетовъ, смотря по непосредственно избранному званію; также многіе среднихъ лѣтъ люди,

которые живутъ въ городѣ или окрестностяхъ его, и хотя имѣютъ уже другія обязанности, но все еще расположены заниматься или литературными изслѣдованіями прежнихъ лѣтъ своихъ, или какими-либо любимыми вѣтвями ученія, и для того слушаютъ лекціи Университетскія.

Профессоры, такъ же какъ и студенты, раздѣляются, смотря по отраслямъ наукъ, къ которымъ принадлежатъ, на четыре факультета: (свободныхъ) искуствъ, богословія, правъ и медицины.

Къ факультету искуствъ принадлежатъ профессоры Латинскаго языка или словесныхъ наукъ, Греческаго языка, логики, этики и натуральной философіи. Они завѣдываютъ классами такъ называемыхъ *носящихъ плащи*, и постоянное посѣщеніе ихъ лекцій въ продолженіе пяти лѣтъ составляетъ то, что называется curriculum, т. е. полный академическій курсъ, предписанный древнимъ уставомъ Университета. Къ этому же факультету могутъ относиться и профессоры математики, астрономіи и натуральной исторіи, которыхъ лекціи однако жъ не входятъ въ curriculum, и питомцы ихъ не обязаны носить академическаго платья.

Въ факультетѣ богословія, кромѣ Принципала, находятся еще три профессора: богословія, церковной исторіи и восточныхъ языковъ.

Въ факультетѣ юридическомъ одна каѳедра гражданскихъ правъ.

Въ факультетѣ медицинскомъ находятся профессоры анатоміи, медицины, хирургіи, повивальнаго искуства, химіи, ботаники и materiae medicae; кромѣ того лекторства о медицинскихъ заведеніяхъ и глазныхъ болѣзняхъ.

Профессоры логики, Греческаго языка, этики и натуральной философіи, которыхъ каѳедры были прежде всѣхъ другихъ въ Университетѣ, называются Регентами, и по праву этаго регентства пользуются нѣкоторыми незначительными преимуществами противъ другихъ своихъ собратій профессоровъ.

Тѣ профессоры, которыхъ каѳедры недавно учреждены и поддерживаются отъ короны (именно натур. исторіи, хирургіи, акушерства, химіи, ботаники и materiae medicae) называются Королевскими (regii). Они только члены Сената (Совѣта), а не факультета.

Жалованье профессоровъ оченьум ѣренное. Королевскіе профессоры имѣютъ каждый небольшую сумму отъ казны, а Принципалъ и профессоры факультетовъ годовое жалованье частію изъ капиталовъ Университета, частію отъ Короля. Оба класса профессоровъ получаютъ кромѣ того плату отъ своихъ

студентовъ — установленіе, послужившее къ большому поощренію усердія и прилежанія профессоровъ.

Къ управленію Университета служатъ разнаго рода собранія. О Сенатѣ было уже упомянуто. Онъ собирается по случаю избранія и принятія Канцлера или Декана факультета, по случаю принятія Вице-Канцлера и Вице-Ректора, присужденія и раздачи степеней, по случаю распоряженій относительно библіотеки и по другимъ дѣламъ, касающимся Университета. Ректоръ или Вице-Ректоръ предсѣдательствуетъ въ этихъ собраніяхъ, исключая сужденія о дѣлахъ, гдѣ довольно и однаго Декана.

Собраніе факультета состоитъ изъ Принципала и профессоровъ, обыкновенно принадлежащихъ къ факультету. Принципалъ предсѣдательствуетъ въ этихъ собраніяхъ и имѣетъ рѣшительный, а не совѣщательный голосъ. Члены факультета управляютъ всѣми доходами и собственностію Университета, исключая нѣсколько завѣщаній, гдѣ именно упомянуты Ректоръ и другіе члены.

Общее собраніе Университета или Комитетъ состоитъ изъ Ректора, Декана, Принципала, профессоровъ и записанныхъ студентовъ Университета. Въ Комитетѣ избирается и вводится въ должность Ректоръ; выслушиваются публичныя диссертаціи; произ-

носятся вступительныя рѣчи; объявляются законы Университета, и ежегодно раздаются награды.

Jurisdictio ordinaria есть собраніе, состоящее изъ ограниченнаго числа членовъ Комитета, Принципала и пяти профессоровъ форменныхъ классовъ, т. е. профессоровъ словесныхъ наукъ, Греческаго языка, логики, нравственности и натуральной философіи.

Обыкновенная академическая дисциплина отправляется этимъ собраніемъ, которое сходится вмѣстѣ со студентами по субботамъ въ общей залѣ и разсматриваетъ малѣйшія нарушенія дисциплины въ форменныхъ классахъ.

ЭТО ОЧЕНЬ ЛЮБОПЫТНО.

Много было у Французовъ предчувствій, много предсказаній на 1840 годъ—*l'an quarante*. Многаго и, разумѣется, болѣе худаго ожидали отъ этаго года. Нашлись люди, которые увѣряли (даже печатно!), что 1840 годъ приведетъ съ собою большія бѣдствія, по крайней мѣрѣ *важныя событія*. Нашлись *другіе*, которые смѣялись надъ предсказаніями первыхъ и, въ отраженіе всѣхъ заключеній и догадокъ, выставляли впередъ старинную пословицу: «je m'en moque comme de l'an quarante!» На этотъ разъ послѣдніе, т. е. *насмѣхающіеся* одержали верхъ надъ *первыми*, т. е. *увѣряющими*. Сороковой годъ прошелъ какъ и всякой другой. Указывали правда на недавнее паденіе Арарата, говорили о разрушеніи знаменитаго порога Ніагарскаго, о двухъ или трехъ опустошительныхъ *ураганахъ* и двухъ каменныхъ *дождяхъ*; толковали о томъ, о другомъ, но все-таки *сороковой*

годъ прошелъ, какъ и другіе: люди плясали на балахъ, скользили по желѣзнымъ дорогамъ, судили, судились, суетились, играли въ барышъ и убытокъ на биржахъ, и наслаждались заманчивымъ плодомъ новѣйшей образованности — *комфортомъ*. Про 1841 годъ не было такихъ дурныхъ вѣстей, хотя этотъ *непредсказанный* годъ отличался, по мѣстамъ, необычайнымъ зноемъ своихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, какими-то мглами и куревомъ, производившимъ затмѣнія воздушныя; преждевременною зрѣлостію жатвъ; совершеннымъ бездождіемъ и рановременнымъ наступленіемъ зимы съ бурями, дорого стоившими торговымъ флотамъ на моряхъ. Но наступавшій 1842 годъ пробудилъ опять голосъ прорицателей. Въ книжныхъ Французскихъ лавкахъ замелькали книжки небольшаго формата (въ малую осьмушку) съ заглавіями чрезвычайно заманчивыми. Эти книжки появились въ магазинахъ продавцевъ и въ рукахъ досужихъ Парижскихъ читателей съ слѣдующими надписями: «Le livre rouge, Nostradamus, Almanach prophètique и *La fin des tems*, съ эпиграфомъ изъ нашего полу-соотечественника, по крайней мѣрѣ очень извѣстнаго, въ свое время, С. Петербургскаго жителя, написавшаго очень извѣстную книгу: «Les Soirées de St. Pétersbourg», *Графа Местра*. Вотъ этотъ эпиграфъ: «*Des oracles redoutables annoncent d'ailleurs que les temps sont arrivés.*»

Въ одной изъ этихъ книжекъ, богатыхъ предсказаніями о частныхъ и міровыхъ событіяхъ,

представленъ очень любопытный ариѳметическій расчетъ на 1842 годъ, который, прежде появленія своего въ нашъ міръ, щедро осыпанъ уже предсказаніями о событіяхъ важныхъ. Выкладки или расчетъ, о которомъ идетъ дѣло, есть слѣдующій. Неизвѣстный *числитель* беретъ 1794 годъ, подлѣ котораго ставитъ съ боку *историческую отмѣтку: паденіе Роберспьера* (la chute de Roberspièrre.) Сложивъ одно съ другимъ всѣ числа, какъ они стоятъ въ именованіи года (одинъ съ семью и девять съ четырьмя), онъ получаетъ сумму 21, которую подписываетъ подъ числа года, и дѣлаетъ обѣимъ суммамъ сложеніе и получаетъ: 1815 годъ — *паденіе Наполеона.* Сложивъ опять числа года и подписавъ подъ ними сумму: 15, онъ получаетъ 1830 — годъ паденіе Карла X-го, а продолжая операцію сказаннымъ путемъ, имѣетъ наконецъ: 1842 годъ, который отмѣчаетъ словами: «*паденіе неизвѣстное* — «chute *inconnue.*»

Насталъ сей 1842 годъ, и многіе очень весело улыбались надъ пророчествомъ небольшой книженки, съ *краснымъ бортикомъ* на лосинной ея оберткѣ. Но вотъ сгорѣлъ Гамбургъ, погорѣли города въ Кроаціи, города на берегахъ Дуная, повѣстили о многихъ пожарахъ въ средней Германіи, о многихъ разрушительныхъ буряхъ въ Европѣ и Индіи и — наконецъ послѣдовало огромное землетрясеніе на островъ Гаити. Это землетрясеніе, всколыхнувшее пространство земли и морей на 10,000 верстъ, опро-

кинуло нѣсколько городовъ и погубило до 70,000 народу.

Но это все еще *не паденіе!* Точно такъ. Но вотъ на Версальской желѣзной дорогѣ разорвались и сгорѣли вагоны. Болѣе ста человѣкъ (въ томъ числѣ особы очень знаменитыя) погибло среди лѣтней прогулки изъ Версаля въ Парижъ.

И это однако жъ *не паденіе!* Быть можетъ. Но вотъ сынъ Короля Французовъ, *сынъ Франціи* (какъ выражаются журналисты), тотъ храбрый воинъ, котораго мы видимъ въ *литографированныхъ* эстампахъ *Африканскаго похода* статнымъ ѣздокомъ, на славномъ Арабскомъ конѣ, который—взнузданный вихорь—крутится подъ нимъ, весь охваченный дымомъ и пламенемъ взорваннаго подкопа подъ стѣнами *Константины*, въ ту самую минуту, когда штурмуютъ ее колоны Французскія; вотъ наслѣдникъ престола, *серединный столпъ*, на который опирались надежды династіи; вотъ юный *Орлеанъ*, слитый изъ мужества и силы, падаетъ изъ легкой коляски, запряженной парою старыхъ лошадей (имъ было по 10 лѣтъ!) и ушибается на-смерть...

Это ужъ *паденіе!* Паденіе въ прямомъ и переносномъ смыслѣ! C'est une *chute!* И это *паденіе*, извлекшее самый горькій, самый искренній стонъ изъ груди *Королевы-Матери*, находитъ сочувствіе и отголосокъ во всѣхъ слояхъ народа. И вотъ всѣ легкія и ле-

тучія мысли Французовъ слились, спаялись мгновенно въ одну тяжкую, заботную думу народную!.. И шумливые, говорливые исполины-ораторы Франціи онѣмѣли предъ великимъ краснорѣчіемъ безмолвнаго событія!... Это *паденіе* конечно отмѣчено будетъ нарочною чертою на страницахъ исторіи Французовъ...

И вотъ *счетчикъ*, вычислившій на 1842 годъ *паденіе неизвѣстное* (chute inconnue), не совсѣмъ остается неправымъ!

Повторимъ же теперь занимательную нашу выкладку въ самыхъ ея числахъ:

1794 годъ . . . паденіе Роберспьера.
21 —
1815 — . . . паденіе Наполеона.
15 —
1830 — . - . паденіе Карла X-го.
12 —
1842 — . . . паденіе *неизвѣстное* (chute *inconnue*), теперь уже переставшее быть *таковымъ*: паденіе Герцога Орлеанскаго—послѣдовало 13-го *Іюля* *)

Паденіе Наполеона можно также нѣкоторымъ образомъ пріурочить къ *Іюлю*: и тогда выйдутъ три паденія *Іюльскихъ*. Но

И такъ — хорошо смѣяться надъ смѣшными усиліями заглядывать впередъ, а иногда по неволѣ скажешь: *это очень любопытно!*

Ѳедоръ Глинка.

1842-го, *Августа* 2-*го*.
С. Бутырки.

случаю *паденія* Герц. Орлеанскаго замѣчаютъ также, что лошади его возмутились не прежде, какъ взойдя *на дорогу возмущенія*, и что онъ упалъ и убился 13-го числа подлѣ столба, на которомъ стоитъ число: 13 (т. е. 13 льё).

ЛИСТКИ
ИЗЪ СКАНДИНАВСКАГО МІРА.

Въ современной жизни Скандинавіи и Финляндіи много встрѣчается явленій, которыя для Русскихъ были бы и занимательны и поучительны, если бъ доходили до нихъ. Но обѣ эти страны, по своимъ малоизвѣстнымъ языкамъ, для Россіи еще составляютъ міръ почти совершенно чуждый. Живя въ Финляндіи, гдѣ Скандинавскія вѣсти быстро обращаются вмѣстѣ съ ея собственными, одинъ изъ Корреспондентовъ Современника намѣренъ, въ краткихъ замѣткахъ, собирать любопытнѣйшіе факты современной дѣятельности въ Скандинавіи и Финляндіи. Преимущественно онъ будетъ запимствовать свои замѣтки изъ области литературы, не ограничиваясь однако жъ ни исключительно этимъ кругомъ, ни даже одною только современною жизнію, и вообще не предписывая себѣ никакаго особеннаго порядка.

I.

Замѣчательно, что въ то же время, когда Исторія Петра Великаго тетрадками и съ гравюрами издается въ отечествѣ его на Русскомъ языкѣ, въ то же время и такимъ же образомъ издается она и въ отечествѣ Карла XII на Шведскомъ языкѣ. Въ г. Гётеборгѣ, или, по Нѣмецкому названію, Готенбургѣ, первомъ городѣ въ Швеціи послѣ Стокгольма, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, напечатано было объявленіе, изъ котораго узнаемъ, что какой-то г. Шюслеръ (Schüssler) собираетъ подписку на Шведскій переводъ Исторіи Петра В., составленной по Нѣмецки г. Рейхе (Reiche) и появившейся прошлаго года въ Лейпцигѣ. Переводчикъ хвалитъ умѣнье сочинителя располагать и оцѣнивать многочисленные матеріалы, относящіеся къ избранному времени, и искуство, съ которымъ онъ представилъ столь же безпристрастную, какъ и занимательную Исторію Петра I. Но еще болѣе хвалитъ онъ точность и изящество гравюръ, приложенныхъ къ сочиненію. Онъ обѣщаетъ, что переводъ будетъ напечатанъ щегольски на лучшей веленевой бумагѣ новыми буквами, нарочно выписанными изъ Англіи, и составитъ, какъ въ подлинникѣ, 7 тетрадей, изъ которыхъ каждая будетъ содержать въ себѣ по 3—4 листа текста и по 2 гравюры. Каждыя двѣ недѣли будетъ выходить въ свѣтъ одна тетрадь, цѣною въ 32 банк шиллинга (1 р. 28 к. ас.) каждая.

Чтобы узнать духъ сочиненія Рейхе, довольно прочесть его вступленіе. Мы оттуда съ особеннымъ удовольствіемъ выписываемъ въ Русскомъ переводѣ нѣсколько мыслей о Петрѣ Великомъ: радостное свидѣтельство торжества истины заключается сколько въ самыхъ словахъ, столько и въ томъ, что ихъ за безпристрастнымъ Германцемъ повторяетъ Шведъ во всеуслышаніе своей націи.

«Петръ Великій принадлежитъ къ числу трехъ политическихъ героевъ, явившихся на поприщѣ міра XVIII столѣтія. Первый между ними по времени, онъ такъ же точно принадлежитъ XVII столѣтію, какъ Наполеонъ XIX. По-истинѣ, многозначительное явленіе на Янусовомъ образѣ времени: Петръ, творецъ просвѣщенія Россіи въ XVIII столѣтіи, показываетъ намъ, глядя назадъ, тѣни старинnаго образованія XVII вѣка, которыя остались не безъ вліянія на свѣтлое его твореніе, и даже часто были съ нимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи. Съ другой стороны Наполеонъ смотритъ впередъ и вмѣщаетъ въ себѣ духъ всего XIX столѣтія, тогда какъ XVIII еще не успѣло кончиться. Между обоими стоитъ Фридрихъ Великій, который принадлежалъ исключительно своему вѣку и при всемъ блескѣ генія своего не могъ вполнѣ освободиться отъ оковъ нѣкоторыхъ предразсудковъ.

«Настоящій трудъ вовсе не имѣетъ притязанія представить для исторіи Петра и Россіи какіе-ни-

будь новые, доселѣ неизвѣстные источники, и такимъ образомъ обогатить ученый міръ матеріалами и пособіями. Напротивъ, вся цѣль его — на простомъ, но все-таки историческомъ, и благородномъ языкѣ ознакомить тѣхъ, кто не любитъ ученыхъ сочиненій, щедро снабженныхъ цитатами, съ исторіею Государя, котораго время еще не такъ отдаленно отъ насъ и которому, по идеѣ Гердера (Adrastea. III. 85), долженъ бы быть поставленъ монументъ, описанный имъ такъ: «Я бы лучше всего хотѣлъ изобразить его стоящимъ, ибо во всю жизнь онъ былъ на ногахъ; я бы желалъ одѣть его въ латы, ибо онъ былъ латникъ всего своего царства. Въ рукѣ его я не помѣстилъ бы ничего, кромѣ свертка, заключающаго въ себѣ карту его исполинскаго государства и планъ Петербурга. Этотъ свертокъ онъ выставлялъ бы впередъ, обративъ лице въ сторону, какъ будто бы кто-то, другъ или недругъ, стоялъ возлѣ него, и Петръ спокойно смотрѣлъ ему въ глаза. По-моему, его лице, всюду извѣстное и всегда похожее, ни сколько бы не должно быть идеализировано; Петру ли было стыдиться своего лица? На немъ какое-то суровое величіе смѣшивалось съ веселымъ добродушіемъ. Величіе сіяло на челѣ его, а въ глазахъ выражалась важность мыслителя. Его густые волосы долженъ бы обвивать дубовый вѣнокъ. У ногъ его я бы положилъ вѣнокъ лавровый, и еще мечь, и разные математическіе инструменты, которыми онъ творилъ и дѣйствовалъ. На самомъ пьедесталѣ,

возлѣ него, хотѣлъ бы я помѣстить Русскаго орла, съ молніею въ когтяхъ. На сторонахъ пьедестала были бы изображены главные подвиги его и начертанъ единственный титулъ, которымъ онъ повелѣлъ называть себя: «Петръ Алексѣевичь Первый.» Совершенно правъ будетъ историкъ, который, представивъ Петра, указывающаго на карту своего государства и своего города, вложитъ въ уста его слова: «Смотрите! я сдѣлалъ, что могъ: я началъ тамъ, гдѣ, измѣривъ силы свои, считалъ должнымъ начать, то есть, снизу. Смерть и судьба не позволили мнѣ продолжать, но всегда принимался я за дѣло добросовѣстно и предоставилъ преемникамъ моимъ довершить начатое мною.»

II.

До сихъ поръ посѣтители Иматры, желавшіе видѣть знаменитые пороги съ обоихъ береговъ Вокссы, должны были вмѣстѣ съ своими экипажами на паромѣ переправляться черезъ рѣку въ такомъ мѣстѣ, которое не всякому внушало достаточную къ тому смѣлость. Теперь предполагается провести черезъ Иматру мостъ и сверхъ того устроить для посѣтителей порядочную гостинницу.

«Верстахъ въ 120 за Иматрою и около 35 до Нейшлота есть мѣсто, особенно достойное вниманія. Это гранитный мостъ, самою природою устроен-

ный на озерѣ *Саймъ*. Тамъ, на протяженіи семи верстъ, дорога идетъ по двумъ узенькимъ, но возвышеннымъ и неровнымъ островамъ; между собой они соединены искуственнымъ мостомъ, а отъ береговъ озера отдѣляютъ ихъ съ обоихъ концевъ небольшіе проливы, черезъ которые должно переправляться на плотахъ. Эти два острова вмѣстѣ составляютъ такъ называемый *Свиной-хребетъ* (по-Фински Pungaharju, по-Шведски Svinrygg). Устланные превосходною, хотя и тѣсною, дорогой, а по краямъ то обставленные лѣсомъ и кустарникомъ, то обнаженные (отъ чего образуются мѣстами грозныя пропасти), они со всѣхъ сторонъ открываютъ взору безпрестанно-смѣняющіеся виды, изумительные красотой и разнообразіемъ.» Эти строки были напечатаны въ Современникѣ еще 1840 года *. Теперь можно къ нимъ прибавить, что чудное Pungaharju, которое донынѣ такъ мало посѣщалось, обратило на себя вниманіе мѣстнаго правительства. И здѣсь предположено учредить гостиницу; сверхъ того тутъ же разведенъ будетъ небольшой паркъ.

III.

Въ Финляндіи всякій Епископъ разъ въ годъ обозрѣваетъ свою епархію, и народъ привыкъ смотрѣть на него почти какъ на земнаго бога, который легко можетъ пресѣчь всякое зло. Во время прошло-

* Соврем. Т. XVIII, стран. 80, перв. нумераціи, въ статьѣ: *Гельсингфорсъ*.

годняго путешествія * * скаго Епископа по ввѣренной ему епархіи, явилась къ нему между прочими крестьянка не первой уже молодости, съ жалобою, что никто не беретъ ее за-мужъ. «А что жъ, милая, развѣ женихъ твой бросилъ тебя? спросилъ Епископъ, думая, что разгадалъ айный смыслъ ея жалобы.» — Нѣтъ; въ томъ-то и бѣда, отвѣчала недовольная, что я не могу найти жениха! — Епископъ отвѣчалъ, что этому горю никто, кромѣ ея самой, пособить не можетъ.

IV.

Изъ Остроботніи писали, что прошлое лѣто было изъ самыхъ сухихъ и теплыхъ, какія старожилы могутъ припомнить; съ нимъ сравнивали только лѣто 1819 знаменитаго «Императорскаго» года, въ который Финляндія осчастливлена была милостивымъ путешествіемъ по ней Императора Александра. Но мѣстами, на значительномъ пространствѣ, свирѣпствовали въ минувшее лѣто лѣсные пожары, увеличившіеся отъ сильнаго западнаго вѣтра, и путешественникъ иногда въ недоумѣніи останавливался на дорогахъ, пылавшихъ съ обѣихъ сторонъ и наполненныхъ дымомъ. Озера и рѣки мелѣли отъ зноя. У морскихъ береговъ обнажились отъ воды неизмѣримыя поля, похожія на сѣверо-Американскія саванны, только не такъ обильно поросшія травою.

V.

Между мелкими сочиненіями славнаго Шведскаго писателя, епископа Францёна, составляющими особый томъ, есть одно, особенно занимательное для Русскихъ. Это рѣчь, которую онъ, переселившись изъ Финляндіи, своей родины, въ Швецію, произнесъ лѣтъ двадцать тому назадъ въ Академіи словесности, исторіи и древностей: въ ней дѣло идетъ «О происхожденіи имени и государства Русскаго.» Авторъ старается доказать, что народъ, отъ котораго Русь получила свое названіе, жилъ еще за-долго до основанія Рюриковой державы въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, именно около озера Ильменя, и былъ Шведскаго племени. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ этаго мнѣнія служитъ Францёну городъ *Старая Руса*, который будто бы существовалъ уже, когда прибылъ Рюрикъ съ братьями и былъ основанъ Шведскими колонистами, Русами, сообщившими ему свое имя. Эта историческая статья замѣчательна остроуміемъ и начитанностію, о которыхъ свидѣтельствуютъ изслѣдованія и многочисленныя ссылки автора; но при всемъ томъ, кажется, доводы его не вполнѣ убѣдительны.

VI.

Въ томъ же Гётеборгѣ, гдѣ готовится переводъ Исторіи Петра Великаго, строительная контора

сбирается издавать *Журналъ Архитектуры*. Его главною цѣлью будетъ сообщать нужныя по этой части свѣдѣнія людямъ, которые, принимая постройки, не имѣютъ средствъ совѣтоваться съ опытнымъ архитекторомъ. Журналъ будетъ имѣть въ виду особенно потребности Скандинавіи; иногда къ нему прилагаться будутъ рисунки. Предполагается выпускать его въ свѣтъ ежемѣсячно тетрадями отъ 3-хъ до 4-хъ листовъ. Подписная цѣна за годъ 4 р. 20 серебромъ.

VII.

Въ Швеціи, особливо въ области Вермландъ, вообще по южной части границы Швеціи съ Норвегіею (въ странѣ, нѣкогда извѣстной подъ именемъ *Альфгеймъ*), живетъ множество Финновъ; даже и въ Далекарліи не мало жителей этаго племени. Но въ Швеціи Финны не имѣютъ ни особыхъ церквей, ни пасторовъ изъ земляковъ своихъ. Живутъ они въ лѣсахъ между рѣкъ и по большой части, какъ и въ Финляндіи, отдѣльными избами; есть однако жъ у нихъ и довольно значительныя деревни. Въ XVII столѣтіи правительство края принуждало ихъ учиться по-Шведски; было постановлено, что Финнъ, не знающій этаго языка, лишается покровительства закона. Но именно отъ такаго стѣсненія произошло, что тамошніе Финны упорно хранили свой языкъ и въ теченіе вѣковъ не забыли его. Однако жъ большая часть ихъ говоритъ по Шведски,

а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Далекарліи) они, даже и между собой, только тогда объясняются по-Фински, когда ихъ не могутъ слышать Шведы, предъ которыми они тщательно скрываютъ свое происхожденіе. Отъ того, около мѣстъ, гдѣ живутъ Финны, множество Шведовъ совсѣмъ и не знаетъ о ихъ близкомъ сосѣдствѣ. Надобно прибавить, что и въ Финляндіи крестьяне-Финны и крестьяне-Шведы не очень жалуютъ другъ друга.

VIII.

Францѣну теперь уже около 70 лѣтъ отъ роду; но онъ все еще не измѣняетъ своей необыкновенной дѣятельности: каждый годъ, онъ къ огромному собранію своихъ стихотвореній прибавляетъ какой-нибудь новый значительный трудъ (не считая мелкихъ пьесъ), пишетъ біографіи, печатаетъ свои проповѣди и трудолюбиво отправляетъ свою епископскую должность. Въ молодости онъ, разумѣется, былъ еще гораздо живѣе; говорятъ однакожъ, что, не смотря на то, онъ всегда былъ подверженъ припадкамъ неодолимой сонливости всякій разъ, когда при немъ происходило что-нибудь не занимавшее его. Однажды онъ былъ въ литературномъ обществѣ, гдѣ читали новые труды присутствующихъ. При чтеніи стиховъ одного изъ своихъ собратовъ, Францѣнъ, по обыкновенію, отъ скуки заснулъ. Между-тѣмъ злополучную пьесу кончили и принялись за стихотвореніе самаго

Францѣна. Въ срединѣ ея чтенія онъ вдругъ проснулся, сталъ вслушиваться въ стихи и думая, что еще все читаютъ пьесу товарища, съ негодованіемъ сказалъ: «это украдено!» Всѣ съ недоумѣніемъ обратили на него взоры. «Да, Мм. Гг.», продолжалъ онъ съ таинственною увѣренностію: «это мнѣ лучше всѣхъ извѣстно.» Эти слова, сначала показавшіяся всему обществу забавнымъ, хотя и очень откровеннымъ признаніемъ, подали поводъ къ объясненію, которое возбудило всеобщій хохотъ.

IX.

Въ Финляндіи 1-ое Октября и 1-ое Ноября составляютъ двѣ замѣчательныя эпохи.

По обычаю, перешедшему сюда изъ Швеціи, 1-ое Октября служитъ общимъ срокомъ для перемѣны квартиръ. Къ этому дню всѣ недовольные жильцы, начиная еще съ Мая и даже съ Апрѣля мѣсяца, пріискиваютъ себѣ квартиры, о которыхъ или заблаговременно объявляется въ газетахъ, или знакомые узнаютъ другъ отъ друга. Домовъ здѣсь строится очень много; но такъ-какъ при постройкѣ ихъ всего болѣе заботятся о выгодномъ доходѣ, то не мудрено, что жители, не имѣющіе собственныхъ домовъ, ведутъ жизнь довольно кочевую. Въ послѣдніе три дня Сентября мѣсяца вдругъ начинается какъ будто общее переселеніе: по всѣмъ улицамъ солдаты и слу-

ги носятъ мебель. Тоже замѣтно еще и 1-го Октября, но 2-го переѣзжаютъ уже только развѣ запоздавшіе по какимъ-нибудь причинамъ. По мѣрѣ приближенія этаго срока, чаще и чаще слышится между знакомыми вопросъ: «Что? вы остаетесь на своей квартирѣ?» Любопытно въ началѣ Октября прохаживаться по городу и видѣть множество старыхъ, знакомыхъ вывѣсокъ на новыхъ мѣстахъ. Въ Швеціи, какъ мы слышали, общая перемѣна квартиръ происходитъ въ два срока: 1-го Мая и 1-го Октября. Въ Упсалѣ онѣ отдаются особо на весенній и на осенній учебный курсъ тамошняго Университета, и хотя эти курсы продолжаются не равное время, однако жъ цѣна квартиръ за оба одна и та же.

Другой срокъ, въ Финляндіи, 1 Ноября, есть какъ бы *Юрьевъ день* для тамошнихъ слугъ. Въ этотъ день отпускаются прежніе и принимаются новые слуги. Уговоръ съ ними заблаговременно дѣлается на годъ, при чемъ нанявшійся получаетъ не въ задатокъ, а въ придачу небольшую сумму денегъ (städsel) руб. 10-15). Впрочемъ господинъ, недовольный слугою по какой-нибудь уважительной причинѣ, можетъ во всякое время отпустить его; условіе въ такомъ случаѣ теряетъ свою обязательную силу. Въ Гельсингфорсѣ годовая плата слугамъ составляетъ отъ 35 до 120 р. въ годъ; въ другихъ Финляндскихъ городахъ она несравненно ниже. Прежде здѣсь перемѣна слугъ происходила также 1 Октября; но суматоха, которая

была неизбѣжна при таковомъ двоякомъ переворотѣ въ домахъ, подала поводъ къ новому порядку.

X.

Есть на Шведскомъ языкѣ книга, особенно любопытная для Русскихъ. Это *Замѣтки о Россіи, написанныя* (однимъ не назвавшимъ себя Шведомъ) *во время краткаго пребыванія въ Петербургѣ и поѣздки въ Москву.* Книга издана 1838 года въ Стокгольмѣ и состоитъ изъ двухъ частей (8°, въ 1-й 218 стр., во 2-й 199) съ приложеніемъ карты водяныхъ сообщеній между Невой и Волгою. Эти скромныя замѣтки, въ ряду сочиненій о Россіи, составляютъ разительное исключеніе: авторъ писалъ ихъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ, скорѣе даже съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ въ пользу Россіи, нежели противъ нея, съ необыкновенною добросовѣстностію и, по большой части, съ основательнымъ знаніемъ дѣла. Извлеченія и ссылки всего лучше покажутъ это.

Прежде всего, чтобы дать понятіе о планѣ книги, выпишемъ отдѣлы ея (въ началѣ каждаго изъ нихъ исчислены въ книгѣ предметы, входящіе въ составъ его). *Часть первая.* Глава I. Петербургъ. II. Прогулка по улицамъ. III. Церкви. Греко-Россійская вѣра. Русское духовенство. IV. Крѣпость, монетный дворъ. Горный корпусъ. Горное производство въ Сибири. V. Языкъ и Литература. VI. Библіотеки, гал-

лереи. театры. VII. Училища и учрежденія для просвѣщенія народнаго. VIII. Мужики.

Часть вторая. I. Гостиный дворъ и внутренняя торговля. II. Дворянство. III. Войско; IV. Мраморный Дворецъ, Лѣтній садъ; нравы и обычаи и пр. V. Поѣздка въ Москву. VI Москва.

Мы нарочно начнемъ съ Главы о языкѣ и литературѣ. Изъ нея одно мѣсто уже переведено въ «Альманахъ Александровскаго Университета» (см. стр. 283). Непосредственно передъ выписанными тамъ строками авторъ, начиная Главу, говоритъ:

«Нынѣ чрезвычайная рѣдкость—найти человѣка, съ малѣйшими притязаніями на образованность, который не зналъ бы нѣсколькихъ или, по крайней мѣрѣ, хоть однаго изъ иноземныхъ языковъ. Шведы вообще учатся имъ очень легко и съ такимъ успѣхомъ, что если недавно знаніе иностранныхъ языковъ въ нашемъ краю приносило честь, то теперь оно сдѣлалось до того необходимымъ, что не знать ихъ почти стыдно; и однако жъ, какъ ни распространилось у насъ повсюду языкознаніе — въ столицѣ Швеціи едва ли наберется и десятокъ Шведовъ, которые бы имѣли хоть какое-нибудь понятіе о языкѣ и литературѣ нашихъ ближайшихъ сосѣдовъ; вѣроятно, число людей, коротко знакомыхъ съ ихъ исторіею, статистикою и внутреннею жизнію, также незначительно у насъ.

«Это конечно происходитъ частію отъ той неблагосклонности ко всему *Русскому*, которая между нами господствуетъ. Однако жъ ничего не можетъ быть несправедливѣе и даже безразсуднѣе такой неблагосклонности, когда она доходитъ до того, что подавляетъ желаніе ознакомиться съ предметами, которые во многихъ отношеніяхъ такъ близки къ намъ.... Авторъ вовсе чуждъ *подобныхъ* неблагосклонностей, которыя сами не знаютъ, откуда онѣ родомъ; онъ также не слишкомъ любитъ пускаться въ политическія разсужденія, по весьма простой причинѣ, что не позволяетъ себѣ судить о предметахъ, которые ему не довольно извѣстны» и т. д.

Много есть и другихъ мѣстъ, гдѣ авторъ говоритъ съ такимъ же духомъ скромности и безпристрастія. Нельзя сказать, чтобы всѣ его извѣстія были вѣрны, но по крайней мѣрѣ число ошибокъ у него очень незначительно, и когда онъ чего-нибудь не знаетъ въ точности, то всегда сознается въ томъ. Укажемъ нѣкоторые промахи для начала въ 1-й части. Описывая домикъ Петра Великаго, авторъ (на стр. 75) говоритъ, что хранящійся тамъ ботикъ называется *матерью Россійскаго флота*, и такимъ образомъ смѣшиваетъ его съ другимъ ботикомъ, который содержится въ особенномъ домѣ близъ Собора Петропавловской Крѣпости и знаменитъ подъ именемъ не *матери*, а *дѣдушки* Русскаго флота. На стр. 92 сказано, что буквъ въ Кирилловской азбукѣ 43, тогда,

какъ ихъ въ ней только 35 или, считая и позднѣйшія дополненія, 38. «Этотъ языкъ» замѣчено, на стр. 96-й, чрезвычайно способенъ къ каламбурамъ». Напротивъ, совсѣмъ почти неспособенъ. Херасковъ названъ: *Шераскоѣ* (Scheraskow, стр. 124), а Гоголь— *Глаголей* (Glagolej, стр. 126).

Съ восторгомъ говоритъ авторъ о красотѣ Петербурга, особливо о видахъ, которыми обставлена Нева. «Едва ли есть гдѣ-нибудь (прибавляетъ онъ) видъ обширнѣе, великолѣпнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ богаче содержаніемъ. Тутъ смотришь не на одни мертвые камни и массы; тутъ видишь представителей жизни народа, его дѣятельности и его образованія, или, по крайней мѣрѣ, того образованія, къ которому онъ стремится исполинскими шагами. Тутъ видишь также, что совершила могучая воля наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, противопоставленнымъ ей и природою и обстоятельствами.»

Любопытно послушать, какъ дѣйствуетъ Русскій языкъ на слухъ природнаго Шведа. Исчисливъ нѣкоторые трудные для иностранца звуки нашей азбуки (лъ, ы, щ), онъ замѣчаетъ:

«Пріятный, особливо женскій органъ отнимаетъ у этихъ звуковъ ихъ жесткость; но когда ихъ произноситъ простой народъ, который не старается умягчать ихъ, то они ужасны (afskyvärda). За исключе-

ніемъ этихъ звуковъ, Русскій языкъ пріятенъ для слуха; это много происходитъ отъ того, что Русскіе вообще умѣютъ чрезвычайно разнообразить тонъ, смотря по различнымъ предметамъ, о которыхъ они говорятъ.»

О нашихъ бородатыхъ мужичкахъ сочинитель замѣтокъ вездѣ отзывается съ большою любовью и даже посвятилъ имъ, въ концѣ 1-й части, особую Главу (Mushikerne). По этому предмету, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ иногда пользовался прелестными очерками Е. А. Энгельгардта (Russische Miscelleu). Во второй Главѣ есть статья о Русскихъ извощикахъ. Выпишемъ изъ нея нѣсколько строкъ:

«Ихъ способность понимать иностранца, который не знаетъ языка ихъ, невѣроятна. Кажется, они умѣютъ отгадывать, куда онъ намѣренъ ѣхать, гораздо прежде, нежели онъ заговоритъ съ ними. Разъ я поѣхалъ къ Калинкину мосту, на край города, къ сторонѣ моря. Мой извощикъ, хотя я уже заплатилъ ему, расчиталъ однако жъ, что я долженъ буду возвратиться и что по-этому онъ мнѣ еще разъ понадобится. Когда я вышелъ на улицу, онъ все еще былъ на томъ же мѣстѣ. Я отправлялся въ домъ, до котораго было очень далеко, верстъ 5 по крайней мѣрѣ. Дорогу зналъ я очень хорошо и зналъ также, что домъ тотъ стоитъ близъ какаго-то моста, на Фонтанкѣ, противъ церкви Пантелеймона, но за-

былъ имена. На вопросъ его: Kudà's? я отвѣчалъ, какъ умѣлъ: Fontanka , most, Tserkof. Мой Русскій пристально глядѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто хотѣлъ проглотить каждое слово, и на минуту призадумался. Вдругъ его лицо прояснилось, и онъ сказалъ: *na Panteleimona tserkvu?* Тогда я вспомнилъ имя, и мы поѣхали. Наймите-ка извощика въ Стокгольмѣ и скажите ему: мостъ, площадь, церковь!»

Въ очеркѣ исторіи Русскаго языка и Русской Литературы авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ Ломоносовѣ много сходства съ Шведскимъ поэтомъ *Шернъельмомъ* (Stjernjelm). Въ самомъ дѣлѣ: Исторія Шведской Литературы также начинается собственно только съ Шернъельма, жившаго въ XVII столѣтіи. Шернъельмъ былъ также болѣе ученый, нежели поэтъ: онъ до 45 лѣтняго возраста не писалъ стиховъ и никогда не заслужилъ славы поэта первостепеннаго. Но онъ умѣлъ придать стихамъ своимъ то, чего не было у предшествовавшихъ ему Шведскихъ поэтовъ: вкусъ и гармонію. Онъ вдругъ какъ бы открылъ глаза своимъ соотечественникамъ и надолго сталъ образцемъ ихъ стихотворцевъ. Всего замѣчательнѣе, что и его главная заслуга состоитъ въ преобразованіи Литературнаго *языка* и во введеніи новыхъ *размѣровъ* въ Шведскую піитику. Подобно Ломоносову, обогатилъ онъ свой языкъ множествомъ словъ; онъ заимствовалъ ихъ частію изъ стариннаго Шведскаго, частію изъ родственныхъ съ нимъ Германскихъ язы-

ковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изгналъ изъ употребленія большое число Французскихъ словъ, чувствуя, какъ насильственно ихъ привитіе къ языку Скандинавскаго корня. Особливо поэтическій языкъ Шведовъ обязанъ Шернъельму обильнымъ запасомъ новыхъ словъ и оборотовъ. Что касается до стихосложенія, то онъ удачно перенялъ у западныхъ народовъ разные метры, которые до него не были извѣстны въ Шведской Литературѣ и навсегда остались ея достояніемъ. Вотъ какое разительное сходство въ значеніи Ломоносова и Шернъельма для двухъ сѣверныхъ сосѣдственныхъ націй, которыя еще въ младенчествѣ встрѣтились на пути къ развитію. Прибавимъ, что въ своихъ произведеніяхъ Шернъельмъ показалъ талантъ чрезвычайно разнообразный. Его прозвали *отцемъ Шведской поэзіи.*

Отъ вниманія автора не ускользнулъ извѣстный анекдотъ, не совсѣмъ выгодный для Ломоносова, что, когда исторіографъ Миллеръ въ 1749 г. для торжественнаго случая написалъ рѣчь о происхожденіи народа и имени Русскаго, и въ ней доказывалъ, что Варяги были Скандинавами и даже Шведами, то, по настоянію Ломоносова, запрещено было произносить и издавать эту рѣчь, какъ содержавшую въ себѣ положеніе, оскорбительное для чести государства. Упоминая объ этомъ, авторъ мимоходомъ разсказываетъ другой подобный случай, бывшій въ Шведской Литературѣ. Одинъ пасторъ въ прошломъ сто-

лѣтіи, написалъ книгу, гдѣ утверждалъ, что подъ именемъ острова *Атлантиды*, о которомъ упоминаетъ Платонъ, надобно разумѣть *Палестину*. Тотчасъ ученый Бьёрнеръ вошелъ къ тогдашнему президенту Коллегіи древностей графу Густаву Бонде съ прошеніемъ, въ которомъ обвинялъ автора въ безстыдствѣ за то, что онъ хотѣлъ перенести Атлантиду въ Палестину, тогда, какъ ясно уже было доказано, что Платонъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ не что иное, какъ *Скандинавію*, что давно уже всѣми учеными принято и *служитъ къ чести и славѣ отечества*. Потому онъ всепокорнѣйше проситъ Его Сіятельство, не благоугодно ли будетъ приказать реченную книгу совсѣмъ *уничтожить* или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть *строжайшей цензурѣ*. Что заносчивый и упрямый Бьёрнеръ умѣлъ достигнуть своей цѣли, можно вывести изъ того, что книга та напечатана не прежде, какъ спустя годъ послѣ его смерти, именно въ 1751 году. *

XI.

Къ утѣшенію тѣхъ, которыхъ часто приводятъ въ уныніе нѣкоторыя явленія современной періодической Литературы въ нашемъ отечествѣ, можно указать имъ на то, что дѣлается у нашихъ сосѣдей, Шведовъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о журналахъ, потому-что тамъ издается всего одинъ только литера-

* Надѣемся къ слѣдующему Т. Современника приготовить еще нѣсколько выписокъ изъ сей книги. Корресп.

турный журналъ (Фрей), а о газетахъ, которыхъ въ одномъ Стокгольмѣ нынѣ выходитъ въ свѣтъ до 7, изъ которыхъ одна имѣетъ около 6000 подписчиковъ, что для такаго незначительнаго и малонаселеннаго края, какъ Швеція, чрезвычайно много. Редакторы нѣкоторыхъ изъ этихъ газетъ, подъ видомъ усердія въ пользу какаго-нибудь политическаго мнѣнія, хлопочутъ только о пользѣ своихъ кармановъ, безпрестанно ведутъ между собою войну и нерѣдко наполняютъ листки свои самыми оскорбительными личностями. Къ этому публика уже привыкла; но недавно, именно прошлаго лѣта, онѣ въ своей площадной бранн представили такой примѣръ безумнаго озлобленія, который всю Шведскую публику, особливо въ Стокгольмѣ, привелъ въ совершенное негодованіе. Дѣло вотъ въ чемъ.

Одна изъ самыхъ громкихъ репутацій въ нынѣшней Шведской Литературѣ принадлежитъ *Альмквисту*, таланту, удивительному по своей неимовѣрной плодовитости, самобытной силѣ и рѣдкой многосторонности. Онъ пишетъ во всѣхъ родахъ. Многочисленныя сочиненія его состоятъ изъ ученыхъ разсужденій и изъ романовъ, изъ сухихъ учебниковъ, какъ-то: грамматикъ, географій, ариѳметикъ, и изъ стихотворныхъ драмъ, поражающихъ своею оригинальностію и глубокою поэзіею. Извѣстнѣйшій трудъ Альмквиста есть длинный рядъ повѣстей и романовъ, издаваемыхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ:

Книга шиповника, свободныя фантазіи, и кипящихъ игрою воображенія самаго необузданнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ изобилующихъ новыми, разительными взглядами на жизнь и міръ. Надобно однако жъ прибавить, что между идеями Альмквиста часто встрѣчаются самые странные парадоксы и противорѣчія, и что вообще въ творческомъ духѣ его слишкомъ мало гармоніи и истинно-художническаго разумѣнія. Въ умѣ его есть чрезвычайная рѣзкость, перо его краснорѣчиво, увлекательно, но не менѣе того и язвительно. По всему этому понятно, что у Альмквиста множество и самыхъ пламенныхъ почитателей и самыхъ ожесточенныхъ враговъ.

Въ послѣднее время онъ принялъ дѣятельное участіе въ одной изъ Стокгольмскихъ политическихъ газетъ и тѣмъ обратилъ на себя ядовитое жало другой, которой столбцы стали безпрерывно повторять имя Альмквиста, разумѣется не въ самомъ выгодномъ для него смыслѣ. Сильно оскорбленное самолюбіе гордаго автора побудило его прибѣгнуть къ средству не совсѣмъ позволительному. Онъ погрозилъ враждебной газетѣ, что если она не умолкнетъ, то онъ нападетъ на одно близкое къ ея редактору частное лице. Угроза не помогла—и была выполнена. Теперь раздраженный противникъ (редакторъ газеты) вызвалъ поэта на дуэль; поэтъ не принялъ вызова, и вскорѣ послѣ того понесъ отъ обиженнаго публичное оскорбленіе! Газеты съ обѣихъ сторонъ на-

полнились выраженіями самыми чувствительными для чести.

Весь Стокгольмъ знаетъ позорную исторію и казнитъ говоромъ презрѣнія литераторовъ, такъ недостойно унижающихъ свой талантъ, литераторовъ, забывающихъ, что онъ священный даръ, небомъ ввѣренный имъ для цѣли высокой. Надѣются, что такое неслыханное посрамленіе періодической литературы, образумивъ ослѣпленныхъ, произведетъ въ ней благодѣтельный и прочный переворотъ.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1 Поучительныя Слова *Протоіерея* Сергія Соколовскаго. *Въ* 8; 122 *стран.*

Краснорѣчіе Русскихъ проповѣдниковъ всегда замѣчательно было по убѣжденію кроткому, по ясному изображенію истинъ душеспасительныхъ, по важной простотѣ мыслей и выраженій. Такими точно качествами отличаются и Поучительныя Слова проповѣдника, котораго книгу мы разсматриваемъ. Ихъ чтеніе доставитъ благочестивымъ душамъ много усладительныхъ и назидательныхъ размышленій.

2. О Христіанскомъ Православномъ Богослуженіи и присутствіи въ Церкви во время Богослуженія. *Свящ.* П. Солярскаго. *Въ* 8; 50 *стран.*

Эта небольшая, но драгоцѣнная для всякаго православнаго Христіанина книжка есть плодъ благоговѣйнаго размышленія и самаго внимательнаго чтенія духовныхъ сочиненій. Отстранивъ все, не прямо относящееся къ избранному авторомъ предмету, онъ кратко, но съ надлежащею полнотою и ясностію предложилъ о немъ свои наставленія. Самый обильный здѣсь источникъ поученія для человѣка, жаждущаго свѣдѣній назидательныхъ, заключается въ приводимыхъ авторомъ мѣстахъ изъ разныхъ учителей Вѣры и изъ Священнаго Писанія. Книжка его есть какъ бы ключь къ высокимъ таинствамъ Вѣры и спасенія души. Она изложена языкомъ чистымъ и яснымъ.

*

3. *Обзоръ мнѣній Древнихъ*: I. О смерти, удаленіи страха смерти и о жизни за гробомъ; II. О судьбѣ (de Fato). III. О жертвоприношеніяхъ древнихъ Грековъ. *Въ* 8; 83 *стран.*

Изученіе Литературы какаго-нибудь народа, или даже какаго-нибудь столѣтія, есть обильнѣйшій источникъ самыхъ вѣрныхъ, самыхъ занимательныхъ и самыхъ полезныхъ истинъ. Исторія, первенствующая наука нашего вѣка, всѣ свои благотворныя откровенія почерпаетъ изъ сокровищницы Литературы.

Въ эпоху возрожденія наукъ въ Европѣ не безъ основанія Филологія почитаема была краеугольнымъ камнемъ зданія истинной учености. У насъ въ Россіи первыми предметами образованія въ общественныхъ заведеніяхъ были также древніе языки. Не одни лица духовнаго званія — всѣ, искавшіе основательныхъ свѣдѣній, учились въ прежнее время по-Гречески и по-Латыни. Между-тѣмъ цѣль этаго стремленія не была опредѣлена. Каждый пользовался пріобрѣтаемыми знаніями въ древней Филологіи соотвѣтственно частному своему назначенію: одинъ употреблялъ ихъ для уразумѣнія дипломатическихъ актовъ, другой для сравненія переводовъ съ подлинниками, третій для оцѣнки красотъ древнихъ ораторовъ, поэтовъ, историковъ, и проч. Не на стала еще эпоха, чтобы въ этихъ разнородныхъ явленіяхъ духа націи постигнуть ея жизнь, опредѣлить ея характеръ и внести въ ея исторію неопровержимые тезисы, по которымъ бы все въ ней явилось ясно, просто, связно и неизмѣнно. Можетъ быть, въ отсутствіи столь естественной и нынѣ общей всѣмъ мысли заключается и странная судьба успѣховъ Филологіи. Ихъ чувствовали, а вліянія, подобнаго вліянію другихъ знаній, не сознавали. Не имъ приписывалось распространеніе благотворныхъ новыхъ истинъ гражданственности. Да и можно ли было отъ знанія однѣхъ тонкостей Греческаго или Латинскаго языка перейти мыслію къ водворенію въ націи новыхъ взглядовъ на законодательство, общежительность, промышленность, правоученіе, воспита-

ніе и на тысячу другихъ столь же важныхъ предметовъ? Сами Филологи не приводили раздробленныхъ своихъ свѣдѣній къ одному общему назначенію. Въ новѣйшее время этотъ предметъ изученія перемѣнилъ мелочной свой характеръ на помыслы серьёзные и государственные. Филологія сдѣлалась запасомъ свѣдѣній историческихъ, слѣдовательно свѣдѣній, необходимыхъ власти народодержавной, законодательной, вѣрохранительной, словомъ, дѣйствующей во благо общества. Еще нельзя сказать, чтобы Русская Литература много представляла опытовъ истиннаго настроенія Филологическихъ разысканій. Но они ей, по крайней мѣрѣ, не чужды. Доказательство передъ нами: книга, подавшая намъ поводъ сказать нѣсколько словъ вообще объ изученіи Древнихъ языковъ. Сочинитель ея внимательно читалъ Древнихъ — и рѣшился представить намъ, какъ плодъ своихъ соображеній, мнѣнія Гомера, Сократа, Платона, Пиндара, Аристотеля, Плутарха, Цицерона, Эпикура, Сенеки, Эпиктета и проч., мнѣнія, касающіяся вопросовъ важныхъ и для любознательности самыхъ занимательныхъ. Если бы каждый предметъ философіи или политики выясненъ былъ столь обстоятельно и на основаніи столь твердомъ и неподверженномъ сомнѣнію: то изученіе Исторіи и ея принадлежностей давно было бы для насъ упрощено и облегчено. Эта книга конечно не болѣе какъ частица великаго подвига, предлежащаго нашимъ Фи-

логамъ. Но когда начало такъ хорошо, его можно, по Русской поговоркѣ, назвать *половиною дѣла*.

4. Разсужденіе о необходимости властей и различныхъ званій въ человѣческихъ обществахъ. *Написано по поводу газетныхъ извѣстій о новѣйшемъ вольномысліи и возмущеніяхъ во Франціи. Сочиненіе Священника* Алексѣя Ципровскаго. *Въ* 8; 16 *стран.*

Конечно всякой здравомыслящій гражданинъ поблагодаритъ автора за изложеніе истинъ благодѣтельныхъ и несомнѣнныхъ; только мы не думаемъ, чтобы газетныя извѣстія могли кого-нибудь, даже съ самымъ *легкимъ* и *тщеславнымъ умомъ*, увлечь въ заблужденіе — «находить несправедливость въ не-«равномъ раздѣленіи общественныхъ званій и самыхъ «состояній.»

5. Чувства дѣтей, усердныхъ къ Матушкѣ-Царицѣ. *Соч. Бобровскаго гражданина* К. Савостьянова. *Въ* 8; 8 *стран.*

Брошюрка написана съ жаромъ, отъ котораго оказалось много недостатковъ въ языкѣ.

*

6. Записки Василія Александровича Нащокина. *Въ* 8; 384 *стран.*

Д. И. Языковъ, переводчикъ Шлёцерова Нестора и издатель множества другихъ книгъ, столь важныхъ въ ученой Русской литературѣ по части критической Исторіи, пріобрѣлъ новое право на благодарность соотечественниковъ, напечатавъ Записки Нащокина и обогативъ изданіе прекрасными примѣчаніями. Въ эту любопытную книгу вошло все, что только видѣлъ, слышалъ, читалъ или другимъ образомъ узнавалъ Нащокинъ. съ временъ Петра I до Екатерины II. Принявшись читать драгоцѣнную хронику, невозможно отъ нея оторваться. Передъ вами воскресаютъ и лица и дѣла, которыми занималась тогдашняя современность. Нащокинъ дорожилъ каждымъ любопытнымъ случаемъ, каждымъ извѣстіемъ, даже слухомъ. Оригинальный по своей безыскуственности языкъ его, короткія фразы, свойственныя разговорному слогу, равносильныя понятіямъ выраженія, не имѣющія ничего общаго съ длинными школьными періодами тогдашнихъ ученыхъ нашихъ писателей, переносятъ васъ прямо въ Русское общество временъ Императрицы Анны или Елисаветы. Приводимъ для читателей нашихъ расказъ Нащокина о генералѣ Кейтѣ, убитомъ 1758 г. въ сраженіи между Прусскими и Австрійскими войсками при мѣстечкѣ Гохкирхѣ, что въ Лузаціи.

«*Октября* 13 (1758). При семъ журналѣ описаніемъ, по собственному знанію, примѣчаніе о Генералъ-Фельдмаршалѣ Кейтѣ, который убитъ въ баталіи, какъ значитъ въ Газетѣ сего года подъ N 85.

«Баталія происходила 13 Октября между войскъ Австрійскихъ и Прусскихъ при мѣстечкѣ Гохкирхъ въ Люзаціи. Въ какомъ же состояніи и счастливо Австрійцами выигранной баталіи происходило, пространнѣе въ Газетѣ подъ вышеобъявленнымъ номеромъ усмотрѣть можно, а между прочаго въ одномъ артикулѣ напечатано сими словами: «Уронъ съ обѣ-«ихъ сторонъ еще непзвѣстенъ, а изъ знатныхъ «найденъ между побитыми Генералъ-Фельдмаршалъ «Кейтъ,» о которомъ сего журнала писатель имѣетъ довольное примѣчаніе изъяснить.

«Оной Кейтъ родомъ Англичанинъ, а именно изъ Шотландіи, гдѣ фамилія ихъ отъ 1060 году въ прямой линіи отъ отца до сына наслѣдство знатнаго чина, лордъ маршальской королевства Шотландіи, имѣла, почему отъ той фамиліи весьма знатной. Партіи былъ больной его братъ извѣстный, что касается до претендента. За тѣмъ они принуждены были съ братомъ, оставя отечество, искать счастія, гдѣ возможно.

«Убитой Генералъ-Фельдмаршалъ Ямесъ (Джемсъ) Кейтъ, отдалясь отъ отечества, началъ служить въ

Гишпанскомъ войскѣ и былъ капитанъ, которымъ чиномъ бывъ въ баталіи, имѣлъ тяжелую рану, въ лопаткѣ правой стороны, которую получилъ въ Африкѣ въ городѣ Цето; случилось опую получить будучи на валу, а оной городъ осажденъ былъ Арапами.

«Въ 1728 году онъ выѣхалъ въ Россію съ полномочнымъ Гишпанскимъ посломъ Дукомъ Делери (Делирія), и хотя онъ изъ Гишпанской службы апшитъ имѣлъ чина полковника, но тѣмъ чиномъ не служилъ, а былъ въ Гишпанской службѣ не больше, какъ капитанъ. А пріѣхалъ онъ въ царство Императора Петра II, который, по рекомендаціи упоминаемаго полномочнаго посла, принятъ въ службу Россійскую Генералъ-Майоромъ и опредѣленъ былъ къ полевымъ полкамъ, которые тогда въ Москвѣ и около Москвы обрѣтались, и такъ неподвижно былъ въ Москвѣ съ 728 году.

«А въ 730 году, когда третій полкъ Лейбъ-гвардіи учрежденъ и именованъ Измайловскимъ (оное учрежденіе было въ первый годъ государствованія Императрицы Анны Іоанновны), тогда во оной полкъ упоминаемой г. Кейтъ пожалованъ подполковникомъ, и былъ въ Москвѣ неотлучно при гвардіи и полевыхъ полкахъ.

«А въ 732 году избранъ по его достоинству, въ воинскіе инспекторы, и весь тотъ годъ объѣз-

жалъ по экспедиціи своей состоящіе внутри государства полки, и осматривалъ.

«Послѣ того, какъ онъ окончавъ сію по должности инспекторской врученную ему и весьма трудную експидицію, въ которой болѣе 5000 верстъ переѣздивъ, въ 733 году возвратился въ Петербургъ и былъ при гвардіи жъ.

«Въ томъ же году возвратился въ Москву, а Августа отправился къ полкамъ въ Малороссію, и по смерти Польскаго Короля Августа II, когда изъ Малороссіи пошли полки въ Польшу, онъ съ тѣми полками командированъ, гдѣ и обращался.

«А въ 735 году, при Генералѣ полномъ фонъ Лесси командированъ въ Цесарію и былъ на Рейнѣ противъ Французовъ.

«Оттуда возвратясь Генералъ-Поручикомъ, въ 737 году въ Очаковскомъ походѣ противъ Турковъ и на приступѣ подъ Очаковымъ тяжко раненъ въ ногу; отъ оной раны долговременно былъ боленъ, и до границы Малороссійской несли его больнаго близъ смерти будучи, въ носилкахъ, и прибывъ въ мѣстечко Переволичню, возвратился его бо́льшой братъ, Милордъ Кейтъ, которой изъ Гишпанскаго города Сивилля, услыша о его тяжкой ранѣ, видѣть его пріѣхалъ. На ономъ былъ орденъ Англинской на зе-

леномъ бантѣ. И съ нимъ онъ, какъ сталъ нѣсколько отъ раны легче, отправился въ Петербургъ, и довольно въ Петербургѣ отъ оной раны пользовался, но излѣчиться совершенно не могъ. Потомъ испросилъ отъ Государыни Императрицы, для пользованія себя, отпускъ во Францію въ Момполіе (Монпелье) къ водамъ; ему тогда пожаловано было десять тысячь денегъ для пользованія. Оттуда, въ исходѣ 739 года, возвратился освободясь отъ той раны, только нога немного короче стала. Рана его была въ правой ногѣ выше колѣна и подъ колѣномъ жилы повело, однако ходилъ безъ нужды, имѣя всегда трость въ вспоможеніе и приступая больше на пальцы, по причинѣ того, что онъ неравнаго каблука, для малой короткости ноги, никогда дѣлать не хотѣлъ.

«По выѣздѣ его изъ Франціи, скоро отправленъ онъ за Гетмана въ Малороссію и былъ въ резиденціи Малороссійской въ городѣ Глуховѣ, гдѣ его правосудною бытностію и разумнымъ распорядкомъ Малороссійской народъ весьма былъ доволенъ.

«Въ 741 году оттуда онъ отозванъ указомъ въ Петербургъ, для Шведской войны, въ которой онъ съ похвалою продолжался до окончанія оной, а послѣ той войны съ знатнымъ корпусомъ войска Ея Императорскаго Величества, съ однимъ Генералъ Поручикомъ, Графомъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ, и съ двумя Генералъ-Маіорами, Васильемъ Абрамови-

чемъ Лопухинымъ и Штуартомъ, для вспоможенія противъ Датскихъ войскъ, отправленъ галернымъ флотомъ во Швецію, и въ Стокгольмѣ онъ самъ зимовалъ, а войско по винтеръ-квартирамъ. Онъ же будучи въ Стокгольмѣ и должность по дѣламъ полномочнаго посланника отправлялъ.

«Въ 1744 году лѣтомъ оттуда галернымъ же флотомъ возвратился и былъ главнымъ командиромъ въ Ревелѣ. Потомъ изъ Ревеля, для свадьбы Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Ѳедоровича, въ 745 году, пріѣзжалъ ко Двору и въ церемоніи при свадьбѣ былъ съ богатымъ екипажемъ. Въ послѣдніе жъ былъ ко Двору призванъ изъ Ревеля, того жъ года осенью, для воинскихъ дѣлъ, и больше у двора не бывалъ, отправившись тогда въ Ревель, а изъ Ревеля въ Ригу къ командѣ.

«Онъ по справедливости былъ человѣкъ наполненъ честію и весьма изъ учтивости скромный. Несчастіе съ нимъ произошло, что онъ непристойные выговоры получилъ отъ Военной Коллегіи, въ которой тогда главнымъ членомъ былъ полной Генералъ и гвардіи Подполковникъ Апраксинъ; ему былъ не великой пріятель, особливо имѣя довольно друзей, нѣсколько его уничтожалъ: большая тому страсть была, что предъ нимъ Кейтъ былъ старшей. Изо всего было видно, что г. Кейтъ, по просвѣщенному своему разуму, предусмотря Апраксиныхъ друзей

знатныхъ людей, отдалиться принужденъ, и просилъ абшитъ, который ему въ 747 году и данъ.

«По полученіи абшита въ Ригѣ, какъ отъѣзжалъ на кораблѣ въ Копенгагенъ; то, по его въ Россійской службѣ двадцатплѣтней бытности и по его къ солдатству склонности, разумнаго по всякимъ дѣламъ распорядка, отъ всѣхъ въ войскѣ крайне много былъ любимъ, и приходили къ нему штабъ и оберъ-офицеры прощаться. Зѣло было удивительно, что иностранецъ такую заслужилъ честь, что съ нимъ со слезами прощались; напротивъ того и онъ отъ слезъ удержаться не могъ.

«Пріѣхавъ онъ въ Копенгагенъ, послѣ того скоро оказалось, что онъ принялъ новую службу у короля Прусскаго, и во оную принятъ Генералъ-Фельмаршаломъ, а послѣ вскорѣ учрежденъ Берлинскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Притомъ оной, по его искуству и благоразумію, честь имѣлъ именоваться Берлинской Академіи членомъ. Наконецъ онъ въ Прусскомъ войскѣ служилъ по 13 Октября 1758 году и во всѣхъ войнахъ былъ, а убитъ при баталіи съ Австрійской арміею, какъ и выше о томъ упомянуто, котораго тѣло найдено между убитыми и войскъ Ея Императорскаго Королевина Величества Генералъ-Фельдмаршалъ Доунъ приказалъ учинить погребеніе, сходное съ заслуженною честію г. Кейта.

«При всемъ томъ, описатель сего принудилъ себя о семъ честномъ человѣкѣ по справедливости безпристрастно описать, что съ толикими отъ Бога дарованіями рѣдко въ рожденіи человѣкъ бываетъ, сколько въ немъ можно было, по продолженіи его въ службѣ, во общихъ съ нимъ часто бывшихъ обращеніяхъ, примѣтить. Онъ былъ храбръ безъ горячности, неустрашимъ при самомъ военномъ случаѣ; герой безъ сторонности, и перемѣны въ немъ примѣтить было не можно; правосуденъ съ разумными разсмотрѣніемъ; учтивые его подчиненнымъ за преступленіе выговоры такъ приводили въ страхъ и во исправленіе, что онъ великое счастіе въ томъ имѣлъ; его любили подкомандующіе безпристрастно, какъ отца. Онъ жизнь препровождалъ не скупо, но всегда съ умѣренностью; доходы его были почти одни, что получалъ жалованье; чего ему иногда недоставало, кредитъ имѣлъ брать въ долгъ, а получа, со всѣми заплату скорую производилъ. Весьма былъ несребролюбивъ. Честныхъ людей, которые въ службѣ ревностны къ своимъ должностямъ, безъ особливаго въ немъ искания, любилъ; равнымъ образомъ любилъ такихъ и чинами награждать. Въ компаніяхъ, его тихость съ пріятною веселостію, всѣми была любима.

«Во изъясненіи сихъ обстоятельствъ нестрастенъ былъ писатель чертить сіи строки объ ономъ честномъ человѣкѣ, котораго достаточно зналъ; но тѣмъ еще больше почитаетъ недостатокъ силъ своихъ, что

неискуство пера не могло всего къ похвалѣ его достоинства описать и всеконечно тѣмъ увеличить сего по достоинству честнаго человѣка поступки, сколько бъ онъ природою и заслугами отъ искуснаго описателя похваленъ быть могъ.

»Оному покойному г. Кейту, въ его достоинствѣ, въ доказательство служить можетъ, что онъ, будучи въ Россійской службѣ, какъ о томъ выше упомянуто, съ 1728 году по 1747, всего его продолженія 20 лѣтъ, въ знакъ Монаршей милости и удовольствія за его службу, награжденъ былъ орденами Россійскими Св. Апостола Андрея Первозваннаго, на голубомъ, и Св. Александра Невскаго на пунцовомъ бантахъ.»

Изъ приведеннаго отрывка читатели наши видятъ, сколько безпристрастія, добросовѣстности и скромности выражается въ каждой строкѣ автора, не говоря уже о занимательности расказа.

7. Русскіе *въ доблестяхъ своихъ, въ вѣрѣ, вѣрности и въ любви своей къ престолу и отечеству. Соч.* Сергѣя Глинки. *Двѣ книжки. Въ* 8; 55 и 62 *стран.*

Издателю Русскаго Вѣстника по всѣмъ правамъ преимущественно принадлежитъ обработыва-

ніе темы разсматриваемой нами книги. Давность въ этомъ трудѣ, энтузіасмъ, выражающійся въ каждомъ словѣ, отсутствіе малѣйшаго стѣсненія, налагаемаго на сочинителей, такъ называемою, системой — все вмѣстѣ послужило къ доставленію книгѣ г. Глинки тѣхъ отличительныхъ качествъ, къ которымъ онъ ревностно стремится въ Литературныхъ занятіяхъ своихъ.

8. Малоярославецъ въ 1812 году, *гдѣ рѣшилась судьба большой арміи Наполеона. Сочиненіе* Владиміра Глинки. *Въ* 8; 152 *стран.*

Эту книгу по многимъ отношеніямъ легко принять за продолженіе предшествовавшей, тѣмъ болѣе, что авторъ Русскихъ приложилъ къ ней предисловіе и эпилогъ своего сочиненія. Все это, какъ очевидно, само собою говоритъ въ пользу произведенія, котораго заглавіе мы здѣсь выписали.

*

9. *Записки Русскаго Путешественника.* Голландія, Бельгія и Нижній Рейнъ. Князя Алексѣя Мещерскаго. *Въ* 8; 425 *стран.*

Описаніе путешествія есть такой родъ сочиненій, которой можетъ доведенъ быть до высочайшей занимательности, или, напротивъ, превратиться въ са-

мую скучную говорливость, чтобы не сказать болтовню. Успѣхъ зависитъ, кромѣ общихъ качествъ, всегда сообщающихъ цѣну произведенію таланта, отъ умѣнья выбрать свою сферу и быть въ ней независимымъ. Такъ поступилъ авторъ книги, о которой мы говоримъ. Его воззрѣнія обращены преимущественно на то, что въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ произвелъ человѣкъ въ качествѣ художника и въ качествѣ домостроителя. Зная обѣ части, авторъ вводитъ васъ въ кругъ избранныхъ предметовъ съ достоинствомъ и увѣренностію. Его сужденія и расказы полны мыслей и вкуса. Это не выборъ изъ ветхихъ путеуказателей и послѣднихъ фразъ чичероне. Путешественникъ передаетъ то, что дѣйствительно онъ думалъ и чувствовалъ.

10. Описаніе Олонецкой губерніи *въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, составленное* В. Дашковымъ. *Въ* 8; 222 *стран. Съ картою Олонецкой г. и литографир. видомъ Петрозаводска.*

Авторъ ничего не упустилъ, чтобы доставить своему сочиненію истинную цѣну книгъ въ этомъ родѣ. Свѣдѣнія собраны самымъ тщательнымъ образомъ, размѣщены систематически—и самое изложеніе свидѣтельствуетъ о вкусѣ и умѣ сочинителя. Если бы для каждой губерніи было составлено подобное описаніе, то изученіе нашего Отечества не представляло

бы болѣе тѣхъ трудностей, которыя теперь приводятъ въ изнеможеніе самаго трудолюбиваго Ученаго.

11. *Предположеніе объ* учрежденіи пароходныхъ сообщеній по Ладожскому озеру. *Въ 8; 32 стран.*

Безопасное и удобное водяное сообщеніе между С. Петербургомъ и приволжскими губерніями есть одинъ изъ тѣхъ предметовъ, на которой у насъ обращается постоянное вниманіе какъ правительства, такъ и частныхъ людей. Нынѣ предполагается учредить пароходство по Ладожскому озеру, чтобы можно было отъ Свири до Шлюссельбурга буксировать суда пароходами. Этимъ способомъ отвращены будутъ великія неудобства въ водяномъ сообщеніи между Волгою и Невою, неудобства, происходящія отъ многочисленности судовъ, вступающихъ въ каналы, и остановокъ въ ихъ движеніи, необходимыхъ при спускѣ черезъ шлюзы. Ладожское пароходство рѣшительно обезопаситъ суда, доходящія до озера по системѣ Маріинской. Въ изданной нынѣ брошюрѣ предлагается исчисленіе, какъ дорого будетъ стоить завести пароходы, какихъ можно ожидать отъ нихъ выгодъ и по чемъ выдаются акціи для этаго предпріятія.

12. Высочайше *утвержденныя правила, которыми руководствуется Суздальская Градская Дума по* управленію Общественнымъ Блохин-

скимъ Богаделеннымъ Домомъ. *Въ* 12; 53 *стран.*

13. Уставъ Московскаго Дома Трудолюбія. *Въ* 8; 31 *стран.*

14. *Краткій Отчетъ о состояніи* Московскаго Дворцоваго Архитектурнаго Училища *въ* 1840 *и* 1841 *годахъ, и Рѣчи, произнесенныя на актѣ* 1842 *года, Августа* 5-*го. Въ* 4; 26 *стран.*

Для статистики Россіи заключаются здѣсь матеріалы вѣрные и любопытные. Общественныя заведенія, устроенныя правительствомъ для вспомоществованія нуждающимся, для обезпеченія трудящихся и для образованія ищущихъ свѣдѣній, такъ у насъ многочисленны и разнородны, что изображеніе ихъ, въ отдѣльномъ видѣ отъ другихъ частей государства, могло бы составить книгу занимательнѣйшую. На подобное предпріятіе мы смотримъ какъ на явленіе, которое скоро возникнетъ, судя по сочиненіямъ, изданнымъ въ этомъ же родѣ и обнявшимъ нѣкоторыя вѣтви благодѣтельныхъ учрежденій правительства.

15. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ *Августѣйшей Покровительницѣ Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся* всеподданнѣйшее донесеніе о со-

стоянiи сего заведенiя въ 1841 году. *Въ* 8; 27 *стран.*

16. Отчетъ о дѣтскихъ пріютахъ за 1841 годъ. *Въ* 8; 84 *стран. Съ приложеніями.*

17. *Примѣрное устройство особаго при Демидовскомъ Домѣ Призрѣнія Трудящихся* Учрежденія для снабженія бѣдныхъ пищею. *Въ* 8; 8 *стран.*

Всѣ три брошюры, которыхъ заглавія здѣсь выписаны, касаются предмета благотворительности. Мысль объ учрежденіяхъ, поименованныхъ въ сихъ Отчетахъ, развилась изъ человѣколюбиваго пожертвованія суммы, которую назначилъ первоначально А. Н. Демидовъ для заведенія Дома Призрѣнія Трудящихся. Участіе Государыни Императрицы, принявшей Домъ подъ Свое покровительство, назначеніе ежегодныхъ взносовъ Членами Августѣйшей Фамилiи и пожертвованія благотворительныхъ особъ доставили средства завести Пріюты, устроить въ Домѣ Школу для образованія бѣдныхъ дѣвицъ, помѣстить въ немъ на жительство вдовъ и приготовлять пищу для раздачи неимущимъ пропитанія. Нельзя безъ умиленія видѣть, какъ все прекрасно устроено въ этомъ Домѣ, какъ процвѣтаетъ каждое его отдѣленіе, какія открыты средства каж-

дому человѣку употребить *съ дѣйствительною для ближняго пользою* самую маленькую частицу достоянія. Нынѣ всѣхъ *Пріютовъ* здѣсь въ столицѣ *двенадцать*. Около полуторы тысячи дѣтей до семилѣтняго возраста ежедневно находятъ въ нихъ какъ бы родительской кровъ. Въ 1838 году сказано было въ Современникѣ (Т. XI, стран. 18, *первой нумераціи*): «Можно ожидать, что эти благотворительныя заве«денія (Пріюты) распространятся у насъ въ такомъ «количествѣ, какаго требуетъ населенность города и «нужды рабочаго класса. Другая наша Столица вѣ«роятно въ непродолжительномъ времени представитъ «такіе же опыты человѣколюбія. Всякое доброе чув«ство въ Россіи сильно отзывается, а доброе дѣло «никогда не остается безъ подражанія.» Эти лестныя надежды теперь сбылись. Пріюты для дѣтей открыты: въ Вильно, Архангельскѣ, Тулѣ и Екатеринославлѣ; положены нѣкоторыя начала къ открытію: въ Витебскѣ, Воронежѣ, Казани, Оренбургѣ, Перми, Иркутскѣ, Тифлисѣ и Вологдѣ. Въ непродолжительномъ времени имѣютъ быть открыты Пріюты: въ Москвѣ, Минскѣ, Калугѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Кишеневѣ, Одессѣ, Новгородѣ и Черниговѣ. Что касается до *Отдѣленія трудящихся*, въ немъ есть: 1) женщины *благороднаго званія и изъ разночинцевъ*, помѣщенныя на жительство въ самомъ заведеніи, 2) бѣдныя, *получающія* работы отъ заведенія для производства ихъ на своихъ квартирахъ, и 3) бѣдныя, *приносящія* свои собственныя издѣлія для продажи въ

магазинѣ, при заведеніи учрежденномъ. Въ 1841 году число первыхъ было *семдесятъ*, вторыхъ *пятьдесятъ*, третьи заработали въ годъ болѣе *четырехъ тысячь руб. сереб.* Дѣвицъ, получающихъ здѣсь воспитаніе въ такъ называемой Камеръ-Юнгферской школѣ, *сто сорокъ одна.* Изъ всѣхъ *шести столовыхъ*, учрежденныхъ въ городѣ Демидовскимъ Домомъ для раздачи пищи бѣднымъ, въ 1841 году отпущено 202,254 *порціи.* Взявши въ соображеніе приведенные нами *итоги*, пусть каждый изъ читателей оцѣнитъ мѣру благодѣяній, ежедневно разливаемыхъ по нашей Столицѣ и на самыя отдаленныя отъ нея мѣста тѣми заведеніями, о которыхъ здѣсь говорится.

*

18. Записки о старомъ и новомъ Русскомъ бытѣ. *К. А. Авдѣевой. Въ* 8; 133 *стран.*

Книга издана, какъ объявляется въ предисловіи къ ней, г-номъ Полевымъ. Издатель довольно нескромно (это едва ли и тѣмъ извинить можно, что онъ родной братъ сочинительницы, какъ опять самъ же открываетъ въ упомянутомъ предисловіи) признается, что онъ поправлялъ въ сочиненіи грамматическія ошибки. Съ какою цѣлію писатели вносятъ въ сочиненія свои разглагольствія о домашнихъ тайнахъ? Не можемъ удержаться, чтобы опять не сказать (Соврем. Т. XVIII, стран. 155, *перв. нумераціи*):

развѣ затѣмъ, чтобы попасть въ доморощенные Руссо! Но записки г-жи Авдѣевой не безъ интереса, хотя много въ нихъ не относящагося къ дѣлу. Объ языкѣ нечего говорить, когда не знаешь, кто виноватъ въ его ошибкахъ.

*

19. Филологическія наблюденія *Протоіерея* Г. Павскаго *надъ составомъ* Русскаго языка. *Три части.* Въ 8; XV — 148, XV — 355, XI — 238 *стран.*

«Подъ именемъ *Филологическихъ наблюденій надъ «составомъ Русскаго языка* я предлагаю (говоритъ «авторъ книги, нами разсматриваемой) ученымъ из- «слѣдователямъ отечественной словесности нѣсколько «разсужденій о составѣ нашего слова. Разсужденія «мои касаются всѣхъ частей Русской Грамматики, «кромѣ синтаксиса, и много на нее походятъ; одна- «ко жъ я не смѣю называть ихъ грамматикою. Грам- «матика, какъ наука, должна быть изложена въ «строгомъ порядкѣ; всѣ ея части должны быть со- «размѣрены такъ, чтобъ одна не выслилась и не «ширилась на счетъ другой; а въ своихъ разсужде- «ніяхъ на однихъ грамматическихъ предметахъ я «останавливаюсь долго, другіе прохожу почти безъ «вниманія. Гдѣ представлялись мнѣ новые взгляды «на составъ языка, или новыя понятія объ устрой-

«ствѣ грамматики, тамъ я по неволѣ долженъ былъ «остановиться, чтобъ полнѣе раскрыть свои мысли «и догадки и подтвердить ихъ доводами.

«Изучая иноземные языки, древніе и новые, я «всегда имѣлъ въ виду отечественный языкъ, срав- «нивалъ его съ ними, и много удивлялся простотѣ «и правильности его состава. Отъ того ли происхо- «дятъ простота и правильность его, что время изгла- «дило въ немъ многое, или отъ того, что онъ не «успѣлъ развиться подобно другимъ родственнымъ «языкамъ, но во всякомъ случаѣ грамматика Русскаго «языка не должна опускать изъ виду сихъ весьма «замѣтныхъ качествъ. Въ разсужденіяхъ моихъ я «особенно обращалъ на нихъ вниманіе. Для этаго «я всегда старался выискать главный законъ, по «которому происходятъ разныя измѣненія слоговъ «и словъ, а въ случаѣ отступленія словъ отъ сего «закона указывалъ причину, почему оно допущено. «Я не терплю въ грамматикѣ такихъ правилъ, кото- «рыя допускаютъ множество исключеній, и не одоб- «ряю такихъ грамматистовъ, которые находятъ въ «языкѣ множество неправильныхъ словъ. Правда, въ «языкѣ бываютъ свои причуды какъ уроды въ при- «родѣ, но ихъ очень мало. Если удастся мнѣ выис- «кать основные законы, по которымъ образовался «нашъ языкъ, и представить ихъ въ правильной си- «стемѣ, то отъ этаго грамматика можетъ получить

«*основательность* и *ясность*, самыя необходимыя ка-«чества всякой науки.

«Конечно не мало потребуется труда объяснить «начало, составъ и разные изгибы каждой буквы и «каждаго слова, употребляемаго въ Русскомъ языкѣ; «но трудъ неразлученъ со всякою наукою, слѣдова-«тельно и съ грамматикою. Не говоря объ очевидной «пользѣ отъ моего труда, нахожу въ немъ и удоволь-«ствіе. Ботаникъ находитъ же удовольствіе въ томъ, «чтобы разсматривать каждую травинку, узнавать ея «составъ, и умѣть поставить ее въ чинѣ растеній на «то мѣсто, какое назначила ей Природа. А изслѣдо-«ваніе состава словъ, которыми мыслящій умъ выра-«жаетъ глубины свои, соединено гораздо съ большею «пріятностію. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется.

«Облегченіемъ труда можетъ служить правиль-«ная метода изслѣдованія и изложенія, если удастся «попасть на нее. Вотъ метода, какую я избралъ «для своихъ наблюденій. Зная, что нашъ Русскій «языкъ принадлежитъ къ большому семейству обра-«зованнѣйшихъ въ свѣтѣ языковъ, я взялъ въ со-«браженіе грамматическій составъ всѣхъ однород-«ныхъ языковъ, отмѣчалъ сходства и несходства «ихъ съ нашимъ языкомъ, и старался узнать «отличительное его свойство и мѣсто, какое онъ «занимаетъ въ порядкѣ родственныхъ языковъ. «Узнавъ вообще свойства или духъ языка, я

«легко могъ находить частныя правила, по кото-«рымъ образовались слова. Въ изложеніи правилъ я «болѣе придерживаюсь того порядка, какой обыкно-«венно наблюдается въ грамматикахъ. То есть: сна-«ча говорю о составѣ буквъ и слоговъ и о письмен-«номъ ихъ изображеніи, потомъ о составѣ и разныхъ «изгибахъ именъ, глаголовъ и частицъ. Впрочемъ «гдѣ, по ходу наблюденій и соображеній, надобно «было отступить отъ обыкновеннаго порядка, тамъ «я отступалъ смѣло; потому-что пишу не грамма-«ку, а свободныя наблюденія надъ составомъ языка «и грамматики.

«Само собою разумѣется, что съ нашимъ Сло-«венорусскимъ языкомъ въ ближайшемъ родствѣ со-«стоятъ языки Словенскіе. По этому я, при помощи «лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей Словенскихъ «языковъ, старался узнать составъ сихъ языковъ. Со-«ставъ Богемскаго или Чешскаго языка я узналъ изъ «грамматикъ Добровскаго (Lehrgebäude der Böhmischen «Sprache) и Неѣдла (Practische Böhmische Grammatik) «и словарей Томзы (Neuester Böhmisch-deutsche Ratio-«nallexicon) и Юнгмана; составъ Польскаго изъ «Словаря Линде; составъ Краинскаго изъ грамматики «Копитаря (Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, «Kärnten und Steyermark). Общій взглядъ на Словен-«скіе языки представленъ у Добровскаго въ его: «Institutiones linguae Slavicae, и въ разныхъ мелкихъ «сочиненіяхъ.

«Послѣ изученія Словенскихъ языковъ изслѣдо-«ватель Русскаго языка долженъ знать составъ язы-«ка Санскритскаго, древняго Персидскаго или Зенд-«скаго, Греческаго, Латинскаго и Нѣмецкаго съ его «отраслями. Всю эту породу родственныхъ языковъ «нынѣ называютъ языками *Индо-Европейскими*. Я не «говорю о полномъ изученіи всѣхъ ихъ. На это не-«достанетъ ни охоты, ни силъ. Для соображенія до-«вольно пересмотрѣть грамматики и словари, въ ко-«торыхъ изложенъ составъ сихъ языковъ, чтобъ ви-«дѣть ихъ сходство и несходство съ нашимъ язы-«комъ. Составъ Санскритскаго языка я узналъ изъ «Грамматикъ Вилькинса (A grammar of the Sanscrita «language) и Боппа (Ausführliches Lehrgebäude der «Sanscrita-Sprache), и изъ разныхъ Санскритскихъ «сочиненій, изданныхъ Боппомъ съ примѣчаніями и «словарями. Свойство Зендскаго языка частію объя-«снено Боппомъ же въ его сравнительной Грамма-«тикѣ. Для сравненія Нѣмецкихъ языковъ древнихъ «и новыхъ постояннымъ пособіемъ служили для ме-«ня Аделунговъ Словарь и Грамматика Гримма, и «вообще чтеніе Нѣмецкихъ книгъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость требовала и «любопытство побуждало перечитать все, писанное о «нашемъ языкѣ отечественными изслѣдователями его «и сочинителями грамматикъ. Въ дальнѣйшихъ Раз-«сужденіяхъ моихъ будетъ видно, гдѣ я пользовался

«ихъ изслѣдованіями, и гдѣ отступалъ отъ проло-
«женнаго ими пути.

«Мои понятія и догадки о составѣ Русскаго
«языка я предложу въ слѣдующихъ пяти Разсужде-
ніяхъ:

«I. О простыхъ и сложныхъ звукахъ, изъ ко-
«торыхъ составилось Русское слово, и о письменномъ
«ихъ изображеніи.

«II. О составѣ и разныхъ изгибахъ имени суще-
«ствительнаго, прилагательнаго, числительнаго и мѣ-
«стоименія.

«III. О глаголѣ.

«IV. О частицахъ.

«V. Списокъ всѣхъ корней Русскаго языка, гдѣ
«указано будетъ сходство коренныхъ его словъ съ
«коренными словами другихъ родственныхъ языковъ.»

Помѣстивъ здѣсь это предисловіе вполнѣ, мы желали познакомить читателей нашихъ, какъ можно ближе, непосредственно съ авторомъ, съ его сужденіями объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ Литературы, съ глубокомысліемъ его, обширною ученостію и удивительною скромностію — этимъ несом-

нѣннымъ признакомъ истиннаго дарованія и любви къ наукѣ. Въ напечатанныхъ имъ теперь трехъ частяхъ содержится первыя три Разсужденія. Тутъ превосходно разрѣшены самые важные и самые затруднительные вопросы нашей грамматики. Изслѣдованіе состава словъ у насъ въ грамматикѣ такъ связывается съ опредѣленіемъ законовъ для грамматическихъ перемѣнъ, что всѣ ошибки и несообразности старинныхъ нашихъ грамматикъ происходили единственно отъ упущенія изъ виду этихъ элементовъ языка.

Труднѣйшимъ предметомъ въ Русской Грамматикѣ было до сихъ поръ распредѣленіе глаголовъ по такъ называемымъ видамъ, которыхъ числа ни одинъ еще писатель не означилъ удовлетворительно. Мы приведемъ здѣсь мнѣніе нашего автора о семъ предметѣ.

»Умъ (III. 3.), разсматривая разнообразную жизнь »и явленіе существъ, находитъ, что одни изъ нихъ »уже отжили, другія живутъ, дѣйствуютъ или стра»даютъ, третьи еще будутъ жить, дѣйствовать или »страдать. Въ семъ повременномъ существованіи, яв»леніи и дѣйствованіи существъ онъ еще замѣчаетъ »*постепенность*. Одни дѣйствуютъ рѣшительно такъ, »что въ одинъ пріемъ совершаются ихъ дѣйствія, или »являются мгновенно и вмигъ исчезаютъ; другіе по»являются неоднократно, и хотя бы то постоянно, »хотя бы повременно и прерывисто, но все же мед-

»ленно продолжаютъ свое бытіе; одни движутся въ »тѣсномъ кругу и въ одномъ направленіи, другія въ »разныхъ направленіяхъ на большомъ пространствѣ, »близкомъ или отдаленномъ. Чтобъ отмѣтить все это, »геній нашего языка пріискалъ различные знаки, по »которымъ грамматика можетъ разставить глаголы на »нѣсколько статей. I. Въ отношеніи къ *времени* дѣй»ствія и явленія глаголы бываютъ: а) *мгновенные* »(мелькнуть), б) *продолжительные неопредѣленные* (мель»кать), в) *продолжительные дальніе* (читывать, виды»вать), г) *продолжительные прерывистые* (почитывать, »поглядывать), д) *начинательные* (сохнуть, мокнуть), »е) *окончательные* или *рѣшительные* (кончить, уйти, »прочитать). II. Въ отношеніи къ *пространству* гла»голы бываютъ: а) *однообразные*, когда дѣйствіе про»исходитъ по одному направленію, или совершается »въ одинъ пріемъ (летѣть, скочить, б) *разнообразные* »*неопредѣленные*, когда дѣйствіе принимаетъ разныя »направленія и совершается въ разные пріемы (летать, »скакать), в) *разнообразные дальніе*, когда разнообраз»ное дѣйствіе происходитъ *вдали* (гдѣ-то) на неопре»дѣленномъ пространствѣ (хаживать, скакивать). Тѣс»ная связь между *временемъ* и *пространствомъ* послу«жила причиною тому, что нерѣдко одними и тѣми »же признаками отмѣчается неопредѣленное время и «неопредѣленное пространство, также дальнее время »и дальнее пространство. И во многихъ случаяхъ »только посредствомъ нарѣчій, произшедшихъ отъ »мѣстоименія можно различать въ глаголѣ время

«отъ пространства. Если къ глаголу приложить можно «частицы: *и тогда и тогда*, *когда-то*, *нѣкогда*, то идетъ «рѣчь о времени; а если приложить можно къ глаго«лу частицы: *и тамъ и сямъ*, *туда и сюда*, *и тутъ «и тамъ*, *гдѣ-то*, *негдѣ*, то тугъ идетъ рѣчь о про«странствѣ или мѣстѣ. Послѣдуя намекамъ генія на«шего языка, который не положилъ твердыхъ гра«ницъ между различными кратами времени и про«странства, сольемъ все вмѣстѣ. Тогда окажется въ «глаголахъ нашихъ не болѣе трехъ степеней. Первая «степень: глаголы *однократные*, къ которымъ отно«сятся *мгновенные*, *рѣшительные* и частію *однообразные*. «Вторая степень: глаголы *многократные неопредѣлен«ные*, къ которымъ причисляются *продолжительные «неопредѣленные*, *прерывистые* и *разнообразные*. Третью «и послѣднюю степень занимаютъ глаголы *много«кратные дальніе*. Сюда причисляются *продолжитель«ные дальніе* и *разнообразные дальніе*.» На этомъ философическомъ основаніи, столь понятномъ для каждаго, столь вѣрномъ въ примѣненіи къ языку, авторъ дѣлитъ всѣ наши глаголы коренные и производные, простые и сложные. Число спряженій онъ оставилъ тоже, какое принялъ еще Ломоносовъ, потому-что и оно основано на истинномъ знаніи духа языка Русскаго. Для облегченія спряженій онъ особенное обратилъ вниманіе на свойство буквъ, предшествующихъ въ неокончательномъ наклоненіи буквамъ *ть*. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ оттѣнки спряженій зависятъ отъ особенныхъ свойствъ этихъ буквъ. Мы увѣрены,

что разсматриваемая нами книга составитъ эпоху въ исторіи изученія Русскаго языка.

20. *Нѣсколько словъ о поэмѣ* Гоголя: *Похожденіе Чичикова или Мертвыя души. Въ* 8; 19 *стран.*

Въ отношеніи къ поэзіи и вообще къ искуствамъ, называемымъ изящными, эта брошюра содержитъ въ себѣ много новыхъ для нашей публики идей, много мыслей, по-видимому смѣлыхъ, но тѣмъ не менѣе выведенныхъ изъ сущности искуствъ. Мы сожалѣемъ, что авторъ бросилъ ихъ слегка, не развивши каждой и не давъ имъ системы. Если бы на своемъ основаніи вывелъ онъ зданіе цѣлой науки, мы увѣрены, что она подѣйствовала бы благотворнѣе на читателей. Гоголь именно потому и является у насъ чѣмъ-то загадочнымъ, что наука, объемлющая всѣ стороны искуства его, едва по частямъ промелькнула передъ нами. Отъ того одни смотрятъ на Гоголя съ энтузіасмомъ, другіе хулятъ его до нельзя.

21. Сердце женщины. *Романъ* М. Воскресенскаго. *Четыре части. Въ* 12; 256, 276, 288 *и* 279 *стран.*

22. Повѣсти для добрыхъ Москвитянъ. *Сочиненіе* Эммануила Люмина. *Въ* 12; 24 *стран.*

23. Московская сказка о чудѣ поганомъ. *Въ* 12; 24 *стран.*

24. Грошевой мертвецъ, или *Испуганные разбойники. Новѣйшая сказка Соч.* Н. Базилевича. *Въ* 12; 18 *стран.*

Нѣтъ ни пользы, ни удовольствія разбирать книги, подобныя означеннымъ здѣсь. Странно, что всѣ онѣ больше походятъ на шутку, которую захотѣлось сочинителямъ сыграть съ искуствомъ, нежели на дѣло. Серьёзнаго въ нихъ одна скука, которую чувствуешь во время чтенія.

*

25. Пѣсни правды *въ* 1841 *году отъ Р. Х., написанныя* Петромъ Хрущевымъ. *Въ* 8; 100 *стран.*

Авторъ посвятилъ книгу свою славословію различныхъ праздниковъ нашей Церкви.

26. Осенніе цвѣты. *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ* 8; 73 *стран.*

27. Вечерніе досуги. *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ* 8; 62 *стран.*

28. Завѣтныя думы. *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ* 8; 57 *стран.*

29. Стихотворенія Николая Воронова *за* 1841 *годъ. Въ* 12; 46 *стран.*

30. Мечты и звуки поэзіи. Іосифа Грузинова. *Въ* 8; 104 *стран.*

И въ стихотвореніяхъ, означенныхъ нами, не болѣе увидѣли мы искуства, какъ въ отдѣленіи повѣстей и романовъ. И такъ въ продолженіе прошедшей четверти 1842 года изящной словесности не посчастливилось.

*

31. Упражненія въ Древней Исторіи *для младшихъ классовъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, составленныя* А. Аникіевымъ. *Въ* 8; 87 *стран.*

Судя по назначенію, которое было въ виду у автора, книга его не безполезный трудъ. Но еще болѣе принесла бы пользы, если бы онъ не ограничился одною древнею исторіею и сообщилъ бы замѣтнѣе пропорцію частямъ ея.

32. Краткая Россійская Исторія *для низшихъ учебныхъ заведеній. Въ* 8; 83 *стран.*

Тѣсная рама, взятая сочинителемъ для его книги, была причиною, что онъ, приближаясь къ самымъ занимательнымъ событіямъ, принужденъ былъ ихъ сжимать, а иныя и совсѣмъ пропускать. Но какъ его книга вообще показываетъ умѣнье владѣть предметомъ, то мы и надѣемся, что при второмъ изданіи онъ во многомъ преобразитъ свой учебникъ.

33. Обозрѣніе земнаго глобуса. *Соч.* А. Ободовскаго. *Въ* 8; 104 *стран.*

Изученіе земнаго глобуса необыкновенно помогаетъ учащимся вполнѣ пользоваться уроками Географіи. Сочинитель выше приведенной книжки конечно убѣдился въ этомъ долголѣтними опытами, которые доставили ему возможность сообщить его новому учебнику всѣ достоинства книги практической. Безъ сомнѣнія и этотъ учебникъ, подобно другимъ, которыхъ уже довольно издалъ авторъ, принятъ будетъ за руководство благоразумными наставниками юношества.

34. Руководство къ логикѣ, *составленное орд. проф. Университета Св. Владиміра* Орестомъ Новицкимъ. *Въ* 8; *VIII и* 324 *стран.*

Сочиненіе г. Новицкаго предназначено для руководства въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Оно обнимаетъ науку вполнѣ. Избравъ за образецъ Логи-

ку, написанную Фрид. Фишеромъ, нашъ авторъ перешелъ на сторону Нѣмецкихъ писателей, только совершенствующихъ теорію Аристотеля, а не разрушающихъ ее подобно Гегелю. Его Логика, сравнительно съ другими сочиненіями по этой части, какъ Русскими, такъ и Нѣмецкими, представляетъ много предметовъ, которые онъ обработалъ полнѣе и удовлетворительнѣе. Трудъ его, въ ученомъ отношеніи, есть явленіе замѣчательное и достойное всеобщаго вниманія.

35. Россійская Грамматика *съ присовокупленіемъ піитическихъ правилъ. Изданная для обученія юношества* Яковымъ Пожарскимъ. *Въ* 8; 67 *стран.*

Всѣ руководства къ изученію Русской грамматики, издаваемыя по старинной теоріи нашего языка, не только безполезны теперь, да и вредны. Они только останавливаютъ правильное развитіе науки, столь важной въ дѣлѣ образованія юношества. Вотъ почему и удивляемся мы, зачѣмъ напечатана книга, которой заглавіе мы выписали.

*

36. Практическая Фармакологія, *или лекарства съ описаніемъ ихъ свойствъ, химическаго состава, дѣйствія на человѣческое тѣло, пріема, формы болѣзней, въ коихъ каждое лекарство ока-*

залось полезнымъ, и съ приложеніемъ рецептовъ лучшихъ практическихъ врачей. Составлено Козьмою Лебедевымъ, *докторомъ медицины, и проч. и проч Тетрадь первая (Аь—Суд). Въ* 8; *IV и* 240 *стран.*

Медицинскія книги, въ которыхъ ученымъ образомъ говорится о свойствахъ и явленіяхъ болѣзней, о пособіяхъ употребляемыхъ наукою для противодѣйствія недугу, даже объ извѣстныхъ уже рецептахъ, не могутъ быть назначены ни для чьего употребленія, кромѣ самихъ врачей. Каждый изъ нихъ, совершенно убѣжденный, что едва ли повторяется болѣзнь безъ особенностей, происходящихъ отъ постороннихъ причинъ и другихъ еще, заключающихся въ самомъ организмѣ больнаго, соображаетъ медицинскія пособія по-своему, и слѣдовательно не прибѣгаетъ къ указателю. Это соображеніе могло бы привести къ заключенію, что изданіе г. Лебедева останется безъ употребленія. Но такъ-какъ во всякой наукѣ много самыхъ новыхъ истинъ открывается путемъ историческимъ, то мы и указываемъ на сочиненіе, разсматриваемое нами, какъ на книгу, достойную изученія врачей со стороны исторической. Опыты, собранные въ ней, могутъ навести ихъ на такія открытія, до которыхъ они, можетъ быть, долго не дошли бы, если бы принуждены были работать для своей науки и ея примѣненій единственно по указаніямъ теоріи.

37. О НАСМОРКѢ, ИЛИ КАТАРРѢ У ДѢТЕЙ. *Собрано V Отдѣленіемъ Совѣта* ИМПЕРАТОРСКАГО *Вольнаго Экономическаго Общества.* *Въ* 12; 21 *стран.*

Вотъ и еще медицинская книга, назначенная для сообщенія публикѣ пособій касательно болѣзни, столь часто свирѣпствующей и тѣмъ болѣе опасной, что на нее рѣдко обращается надлежащее вниманіе. Но эта книга принадлежитъ прямо каждому заботливому отцу семейства. Въ ней и описаніе болѣзни и употребленіе медицинскихъ противъ нея средствъ изложены такъ, что ни одинъ грамотный человѣкъ не встрѣтитъ затрудненія, какъ ею пользоваться.

❋

38. ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. 1842 *годъ. Треть первая. Въ* 8; *IV и* 238 *стран. съ рисунками.*

Въ третіе лѣто царствованія Императрицы Екатерины II учредилось въ С. Петербургѣ *Вольное Экономическое Общество*, удостоившееся отъ Государыни названія: *Императорское.* И такъ оно существуетъ ровно три четверти столѣтія. Съ перваго же года существованія своего оно приступило къ печатанію повременнаго изданія соотвѣтственно цѣли учрежденія своего, изданія, которое распространяло по Россіи

общеполезныя свѣдѣнія касательно земледѣлія и домостроительства. Лучшимъ доказательствомъ успѣха Общества въ его предпріятіи служитъ то, что многія части *трудовъ* его являлись вторымъ и даже третьимъ изданіемъ. Труды Общества ежегодно выходили съ основанія его до 1821 года. Они составляютъ 72 части. Въ 1812 году одинъ изъ членовъ Общества, *Сергѣй Ливитовъ*, составилъ особенную книгу, содержащую единственно оглавленіе сочиненій, заключающихся въ первыхъ 63-хъ томахъ трудовъ Общества, которую оно и напечатало на собственное иждивеніе. Нынѣ, какъ видно изъ заглавія разсматриваемой здѣсь книги, общеполезное изданіе возобновляется. Мы привѣтствуемъ его съ тѣми надеждами, которыя естественно возникаютъ при воспоминаніи прошлаго славнаго для него времени. Общество предположило на будущее время издавать труды свои по три раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ. Въ напечатанной нынѣ книжкѣ содержится: 1. Отчетъ о дѣйствіяхъ Общества за 1841 годъ; 2. Взглядъ на полуостровъ Крымъ въ земледѣльческомъ и промышленномъ отношеніи, соч. члена Общества, г. *Шмальца*, профессора Альткустгофской Земледѣльческой Школы въ Лифляндіи; 3. О пользѣ заведенія рыбныхъ прудовъ; 4. Замѣчаніе объ искуственномъ освѣженіи воздуха въ ульяхъ; 5. Опыты объ употребленіи жидкостей для закалки стекла въ Россіи.

39. О возможномъ вліяніи новаго рода топлива, называемаго карболеиномъ, *на благосостояніе, торговлю и промышленность С. Петербурга. Составлено отставнымъ инженеръ-подполковникомъ* С. К. Мельцеромъ. *Въ* 8; 30 *стран.*

Г. Вешняковъ изобрѣлъ новое топливо, названное карболеиномъ. Оно состоитъ изъ угольно-смолистыхъ веществъ, которыя перемѣшиваются между собою въ извѣстныхъ пропорціяхъ и принимаютъ плотность въ частяхъ, равно какъ и правильную фигуру, сообразную съ потребленіемъ. По причинѣ дороговизны дровъ, видимо возвышающейся годъ отъ году, введеніе вмѣсто нихъ карболеина принесло бы со временемъ великую пользу. Г. Мельцеръ помѣстилъ въ своей книжкѣ прелюбопытные расчеты касательно сего важнаго въ хозяйствѣ предмета.

40. *Три статьи* о земледѣліи Рима, Франціи, Швеціи и Норвегіи *и объ отношеніи послѣднихъ къ сѣвернымъ областямъ Россіи.* Ѳ. Арефьева. *Въ* 8; 122 *стран.*

Хозяйство, разсматриваемое какъ предметъ раціональнаго совершенствованія, всегда выигрываетъ отъ появленія книгъ, подобныхъ сочиненію г. Арефьева. Конечно немногіе изъ хозяевъ вполнѣ воспользуются у насъ этими соображеніями; но то, что будетъ постигнуто и примѣнено къ дѣлу хотя самымъ малымъ

числомъ, гораздо важнѣе, нежели одностороннее и наглядное заимствованіе изъ примѣровъ, представляемыхъ такъ часто писателями Русскими о семъ предметѣ.

41. *Подробный практическій* способъ приготовленія искуственныхъ навозовъ, *и пр., и проч. Въ* 12; 22 *стран.*

Вотъ и примѣръ тѣхъ ничтожныхъ сочиненій по части сельскаго хозяйства, о которыхъ мы упомянули при разборѣ предыдущей книги. Эта практика безполезнѣе всякой теоріи.

42. *Энциклопедія Русскаго городскаго и сельскаго хозяина-*архитектора, садовода, земледѣльца, мебельщика и машиниста. *Составилъ* П. Фурманъ. *Съ* 164 *листами чертежей. Гравировалъ* К. Теребеневъ. *Четыре части. Первыя двѣ въ* 8, *а послѣднія въ* 4; 168, 105, *XXIII и XI стран.*

Судя по обольстительному заглавію книги ничего нѣтъ выгоднѣе въ хозяйствѣ, какъ ея пріобрѣтеніе. Но большая разница между обѣщаніемъ и исполненіемъ. Тутъ чрезвычайная разница встрѣчается уже между самыми частями, наприм: архитектура совсѣмъ не въ такомъ видѣ изложена, какъ садоводство и другіе предметы хозяйства. Авторъ видимо заим-

ствовалъ данныя свои изъ разныхъ сочиненій. Если бы онъ былъ счастливѣе въ выборѣ, или принялъ трудъ сгладить неровности и даже ошибки руководителей своихъ, то сочиненіе его могло бы дѣйствительно занять мѣсто ручной книги всякаго хозяина. Можетъ быть, при второмъ изданіи онъ и обратитъ на это вниманіе свое.

*

43. Сказка *объ Игнашѣ Разувалѣ, о прекрасной Людмилѣ, и проч., и проч.*

44. Сельскія Бесѣды. *Въ* 12; 114 *стран.*

Пустые и безвкусные расказы, которыми даже простонародье едва ли можетъ тѣшиться.

II.

Продолженіе прежде начатыхъ сочиненій появилось въ слѣдующихъ частяхъ:

44. Русская Исторія. Н. Устрялова. Часть пятая (*послѣдняя*). *Новая Исторія. Въ* 12; 234 *стран. съ картою.*

45. Исторія Петра Великаго. *Съ 500 оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ.* Выпускъ 8. *Въ* 8; 225 *до* 256 *стран.*

46. Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. *Съ изображеніемъ шестидесяти монетъ.* Прибавленіе третіе. *Въ* 8; 67 *стран.*

47. Театральный альбомъ. Тетрадь вторая. *Въ большой листъ.*

Современ: Т. XXVI, стран. 38, *первой нумераціи.*

48. Московскій адресъ-календарь, *для жителей Москвы, составленъ по оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ* К. Пистремомъ. Томъ III. *Въ* 8; 287 *стран.*

Соврем: Т. XXVII, стран. 79, *первой нумераціи.*

49. Наши, списанные съ натуры Русскими (же). *Изданіе* Я. Исакова. *Въ большую осьмушку.* Выпускъ 9, 10, 11, *и* 12. *Отъ* 63 *до* 120 *стран.*

Соврем: Т. XXVI, стран. 28, *первой нумераціи.*

50. Русская Бесѣда. *Собраніе сочиненій Русскихъ литераторовъ. Въ пользу А. Смирдина.* Томъ

III. *Въ* 8; 15, 38, 120, 41, 18, 20, 4, 135, 34, 40, 120, *и* 30 *стран.*

Соврем: Т. XXV, стран. 25, *первой нумераціи*, и Т. XXVI, стран. 68, *первой нумераціи.*

51. Дагеротипъ. *Изданіе литературно-дагеротипныхъ произведеній.* Тетради 3, 4, 5 и 6.

Соврем. Т. XXVII, стран. 100, *первой нумераціи.*

52. Обозрѣніе пяти частей свѣта *въ географическомъ, физическомъ и политическомъ отношеніяхъ, и проч. Составилъ и издалъ* И. Эйнерлингъ. *Въ* 12; 187 *стран.*

53. Учебная книга Нѣмецкаго языка, *составленная по методѣ* Зейденштикера. Второй курсъ. *Въ* 12; 112 *стран.*

54. Картины Русской живописи. Выпускъ второй и третій. *Гравюры: Истязаніе, съ картины* Егорова; *Явленіе Христа Магдалинѣ, съ картины* Иванова. *Въ* 8; 24 *и* 32 *стран.*

Соврем: Т. XXVII, стран. 112, *первой нумераціи.*

55. Собраніе рисунковъ садовыхъ и домовыхъ украшеній *и всякихъ принадлежностей сего рода. Изданіе* К. Шредера.

Тамъ же.

56. Юридическія записки, *издаваемыя* Петромъ Рѣдкинымъ, *докторомъ правъ и проч.* Томъ второй. *Въ* 8; 552 *стран.*

Соврем: Т. XXIV, стран. 120, *первой нумераціи.*

57. Юридическая библіотека. *Изданіе* Ѳедора Наливкина. Тетрадь осьмая. *Въ* 8; 44 *стран.*

58. *Полное наставленіе,* какъ должно ходить за больными, *и проч., и проч. Сочиненіе* Ѳедора Зауэра, *штабъ-лекаря, и проч.* Часть вторая. *Въ* 8; *XV и* 391 *стран.*

Соврем: Т. XXIII, стран: 35, *первой нумераціи.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. О чувственной любви и пагубныхъ дѣйствіяхъ ея. *Разсужденіе* Іоанна Фридриха Остервальда. *Часть* I. *Переводъ съ Французскаго подлинника, изданнаго въ Амстердамѣ въ* 1707 *году.* Въ 8; 303 *стран.*

Въ этой книгѣ одно достоинство: она возбуждаетъ любопытство, какъ вещь, безъ малаго полтораста лѣтъ пролежавшая въ землѣ, найденная случайно и нынѣ показываемая за рѣдкость.

2. Римскіе Папы, *ихъ Церковь и Государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Сочиненіе* Леопольда Ранке. *Переводъ съ Нѣмецкаго.* Въ 8; 480 *стран.*

Всѣ вообще авторы историческихъ сочиненій, по образу своихъ занятій, могутъ быть раздѣлены на два класса: одни почерпаютъ свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ и, обращая вниманіе преимущественно на извѣстную эпоху или событіе, въ произведеніяхъ своихъ трудовъ представляютъ сочиненія, спеціально-важныя для познанія отдѣльныхъ предметовъ; другіе пользуются только произведеніями этихъ первыхъ изслѣдователей, собирая въ стройную массу одни результаты ихъ изслѣдованій. Разумѣется, что тѣ и другіе суть равно полезные и необходимые воздѣлыватели науки, но послѣдніе не могутъ предшествовать первымъ: сѣятель долженъ совершить трудъ прежде собирателя жатвы. Истину эту хорошо поняли въ Германіи: тамъ самые могучіе дѣятели смиренно приковали умы свои къ воздѣлыванію ограниченнѣйшихъ пространствъ на необозримомъ полѣ науки. Къ числу ихъ принадлежитъ и знаменитый Берлинскій Профессоръ Леопольдъ Ранке. Онъ не рѣшился писать исторію всеобщую, ни изображать какой-нибудь огромный изъ нея періодъ, напр. исторію древнюю. Предметъ его южная Европа и притомъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ: Fürsten und Völker von Süd-Europa im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert. Кромѣ того трудъ его раздѣляется на серіи, появляющіяся одна за другою, по мѣрѣ изготовленія.

«Было время, говоритъ Ранке, когда престолъ силы и образованности Европы утвержденъ былъ въ южной полосѣ ея; когда имперія Османовъ и монархія Испанская грозили опаснымъ перевѣсомъ своего могущества не только сосѣдамъ, но и жителямъ странъ отдаленныхъ; когда никакая литература въ мірѣ не могла сравниться съ Италіанскою.

«За этимъ временемъ настало другое, когда Испанія, забывъ свою прежнюю знаменательность между друзьями и недругами, сама сдѣлалась игралищемъ внѣшней политики; когда Италія, вмѣстѣ съ Испаніею, подверглась вліянію чуждой образованности; когда Османы перестали внушать страхъ другимъ, и напротивъ стали трепетать сами.

«Откуда же произошла эта перемѣна? Проиграны ли были рѣшительныя битвы, или послѣдовало нашествіе чуждыхъ народовъ, или испытаны были неотразимыя бѣдствія? Основная причина заключалась во внутреннемъ развитіи.»

Раскрытіе ея составляетъ предметъ первой серіи, состоящей изъ одного тома. Одно исчисленіе предметовъ, обработанныхъ Ранке въ этомъ томѣ, можетъ уже показать высокую цѣну книги. Мы, желая читателей нашихъ короче ознакомить со всѣми сочиненіями знаменитаго Профессора, помѣщаемъ здѣсь въ

системѣ все оглавленіе первой серіи историческихъ трудовъ его.

Подробное оглавленіе первой серіи. Введеніе. Османы. Объ основахъ ихъ власти. О новыхъ Грекахъ въ XVI-мъ вѣкѣ. Объ упадкѣ Османовъ. Султанъ. Визирь. Милиція. Границы. Положеніе имперіи при Амуратѣ IV. Заключеніе. Испанская Монархія. *Глава I. О Королях*ъ: Карлѣ V, Филиппѣ II, Филиппѣ III. *Глава II. О дворѣ и министрах*ъ. Дворъ и госуд. при Карлѣ V. Первое министерство Филиппа II. О Донъ-Жуанѣ Австрійскомъ. Второе министерство Филиппа II. Филиппъ III и Лерма. *Глава III. О сословіях*ъ *и управленіи.* 1) Кастилія: гранды; (Städte) города; кругъ дѣйствія позднѣйшихъ кортесовъ; духовенство; новое государство; инквизиція. 2) Арагонъ: древнее государство; переворотъ. 3) Сицилія. 4) Неаполь: дворянство и городъ; духовенство; новое государство; отношеніе къ папѣ; чиновники, войско, приходы. 5) Миланъ: сенатъ, архіепископъ, коммюны. 6) Нидерланды: герцогская власть. Провинціальныя права. Равновѣсіе. Бѣдствія при Филиппѣ II. Безпокойство. *Глава IV. О налогах*ъ *и финансах*ъ. При Карлѣ V. Доходы съ Америки. При Филиппѣ II. Кастильское управленіе. При Филиппѣ III. *Глава V. Состояніе общественнаго быта.* 1) Кастилія. 2) Каталонія. 3) Сицилія. Миланъ. Неаполь. 4) Ни-

дерланды. Обозрѣніе источниковъ этаго сочиненія.

Авторъ перечиталъ всѣ подлинные акты въ архивахъ Берлина, Вѣны, Рима, Венеціи—и, можно сказать, воскреснлъ былое. Вы знакомитесь съ минувшимъ вѣкомъ лицемъ къ лицу; вы слышите его оригинальныя рѣчи... самъ авторъ является рѣдко. Съ глубокимъ знаніемъ дѣла, но всегда кратко, указываетъ онъ читателю на проявляющуюся въ событіяхъ идею, и такимъ образомъ, давъ толчокъ мысли, заставляетъ самаго читателя мыслить.

Въ Германіи тотчасъ достойно оцѣнили высокіе труды историка-философа: многіе Русскіе путешественники не могли уже получить ни въ Лейпцигѣ, ни въ Берлинѣ ни однаго экземпляра его сочиненій.

Въ Россіи, между-тѣмъ, вторая серія, подъ заглавіемъ: Римскіе Папы, является у насъ въ прекрасномъ переводѣ, который и подалъ намъ случай поговорить о всѣхъ историческихъ трудахъ Ранке.

Восемь книгъ этой серіи (изъ которыхъ переведены четыре) имѣютъ предметомъ своимъ раскрытіе тѣхъ путей, которыми Римъ, послѣ отпаденія, испытаннаго въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка, умѣлъ еще разъ сдѣлаться средоточіемъ вѣры и мышленія южно-Европейскихъ Романскихъ націй,

и произвелъ смѣлыя, нерѣдко удачныя попытки къ новому покоренію себѣ остальныхъ. Не находимъ нужды вносить въ нашъ разборъ полнаго оглавленія переведенныхъ статей. Книга, какъ мы вполнѣ убѣждены, находится въ рукахъ всѣхъ просвѣщенныхъ читателей—такъ она занимательна по новости предметовъ, взгляда на нихъ и изумительной достовѣрности. Но чтобы ввести читателей нашихъ въ идею объ остальной части труда Ранке, которою уже занимается тотъ же переводчикъ, благодаря любви его къ Наукѣ и искуству владѣть перомъ, мы помѣщаемъ здѣсь все оглавленіе послѣднихъ четырехъ книгъ Ранке о папахъ.

Обозрѣніе послѣднихъ четырехъ книгъ папъ. *Книга V. Противоположныя реформы. Первый періодъ* (1563 — 1589). Положеніе протестантизма въ 1563 г.; силы папства; первыя Іезуитскія школы въ Германіи; начало противоположныхъ реформъ въ Германіи: Баварія, Баденъ-Баденъ, Триръ, Майнцъ, Эйхсфельдъ, Фульдъ. Насилія въ Нидерландахъ и Франціи. Противодѣйствіе протестантовъ въ Нидерландахъ, Франціи и Германіи. Противоположности въ остальной Европѣ: Польшѣ, Швеціи, Англіи, Швейцаріи. Рѣшеніе въ Нидерландахъ. Кельнъ, Падерборнъ, Мюнстеръ, Гильдесгеймъ, Вюрцбургъ, Австрія, Штейермаркъ, Зальцбургъ, города. Дальнѣйшіе проекты. Лига. Савоія и Швейцарія. Нападеніе

на Англію. Убіеніе Генриха III. *Книга VI. Внутренняя противоположность ученія и силы* (1589 — 1607). Церковно-политическая теорія. Оппозиція ученія. Послѣднія времена Сикста V. Урбанъ VII, Григорій XIV, Иннокентій IX и ихъ конклавы 1590—91. Избраніе и свойства Климента VIII. Абсолюція Генриха IV. Феррара и Альфонсъ II. Завоеваніе Феррары. Іезуитскія движенія. Политическое положеніе Климента VIII. Избраніе и первыя дѣйствія Павла V. Венеціанскія смуты. Дѣла Іезуитовъ. Заключеніе. *Книга VII. Противопол. реф. Второй періодъ* (1596-1630). Глава I. *Успѣхи католической* реставраціи. Предпріятіе католицизма въ Польшѣ и сосѣдственныхъ земляхъ. Виды на Швецію и Россію; внутреннія движенія въ Польшѣ. Продолженіе противопол. реформѣ въ Германіи. Нунціатура въ Швейцаріи. Регенерація католицизма во Франціи. Глава II. *Общая война. Побѣда католицизма.* (1617—1633) Открытіе войны. Григорій XV. Всеобщее распространеніе католицизма. 1) Богемія, Австрійскія наслѣдственныя земли. 2) Имперія; перемѣна въ выборахъ. 3) Франція. 4) Соединенные Нидерланды. 5) Отношенія къ Англіи. 6) Миссіи въ юж. Америку, Остъ-Индію, и проч. Восточные Христіане. Греческіе Христіане въ Турціи. Глава III. *Противоположность политическихъ отношеній.* Новая побѣда католицизма 1623—1628. Глава IV. *Мантуанско-Шведская война.* Перемѣна обстоятельствъ. Мантуанскій порядокъ наслѣдства. Урбанъ VIII. Сила императора Фердин. II въ 1629 г. Переговоръ со Шведами. Собраніе курфирстовъ въ Регенсбургѣ.

Шведская война. Положеніе папы. Возстановленіе равновѣсія обоихъ исповѣданій. *Книга VIII. Папы въ половинѣ семнадцатаго столѣтія.* Позд. эпохи. Паденіе Урбино. Возрастаніе домовъ церковной области. Основаніе новыхъ фамилій. Война за Кастро. Иннокентій X. Александръ VII и Климентъ IX. Элементы Римскаго народонаселенія. Постройки папъ. О королевѣ Христинѣ Шведской. Управленіе государства и Церкви. Іезуиты въ половинѣ XVII вѣка. Янсенисты. Отношеніе Римскаго двора къ обѣимъ партіямъ. Отношеніе къ свѣтской власти. Переходъ къ позднѣйшимъ эпохамъ. Людовикъ XIV и Иннокентій XI. Испанскій порядокъ наслѣдства. Измѣненныя обстоятельства. Внутр. смятенія. Удаленіе Іезуитовъ. Революціонный вѣкъ.

Въ первыхъ четырехъ книгахъ разсматриваются преимущественно испытанныя Римскою Церковію въ половинѣ XVI вѣка потери и неудачи—времена реформаціи; въ четырехъ остальныхъ стремленіе Церкви къ возстановленію прежняго ея всемірнаго господства.

Переводчикъ, въ слѣдъ за окончаніемъ этой второй серіи, намѣренъ издавать всѣ сочиненія Ранке, по мѣрѣ того, какъ они будутъ выходить въ Германіи. Мы увѣрены, что его труды, столь полезные и столь добросовѣстные, приняты будутъ у насъ по достоинству ихъ, особенно со стороны знатоковъ и любителей историческихъ сочиненій.

3. *Бесѣды дяди съ племянникомъ* о Политической Экономіи. *Съ Французскаго. Въ* 8; IV *и* 196 *стран.*

Вотъ и еще одна изъ такихъ книгъ, за которыя нельзя не благодарить переводчиковъ. Выборъ сочиненія, умѣнье говорить о предметѣ, у насъ очень не обжившемся въ литературѣ, неизмѣнность разнородныхъ совершенствъ, которыми отличается подлинникъ, все доказываетъ, что этимъ прекраснымъ трудомъ мы обязаны человѣку, глубоко изучившему Политическую Экономію. Его книга должна быть принята какъ основаніе тѣхъ началъ, которыми могутъ руководствоваться люди, обработывающіе науку и даже сообщающіе ей примѣненіе.

4. Жизнь и приключенія Робинсона Крузо, *описанныя имъ самимъ. Соч.* Д. Дефо. *Новый переводъ съ Англійскаго.* П. А. Корсакова. *Изданіе украшенное* 200 *рисунк. Гранвиля.* Выпуски первый и второй. *Въ* 8; *отъ* 1 *до* 320 *стран.*

Это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя могутъ назваться вѣчными. Мысль, ея развитіе, подробности расказа, дѣйствующія лица, ихъ жизнь — все въ этой книгѣ носитъ на себѣ печать дѣятельности ума необыкновеннаго, геніальной простоты и самаго счастливаго воззрѣнія на предметы. Ее перевели на всѣ языки — и, по мѣрѣ надобности,

очень естественной въ языкахъ живыхъ, подверженныхъ обновленіямъ—переводятъ снова, по крайней мѣрѣ, разъ въ каждую четверть столѣтія. Подобно всѣмъ геніальнымъ твореніямъ, Робинзонъ породилъ цѣлую галлерею подражаній, то болѣе, то менѣе счастливыхъ, между-тѣмъ неоспоримо доказывающихъ вѣчную и плодотворную истину первоначальной его идеи. Въ предыдущемъ томѣ Современника (стран. 127, первой нумераціи) мы говорили о прекрасной книгѣ *Кампе*, назначенной для чтенія дѣтямъ и по содержанію своему основанной на твореніи *Дефо*. Еще въ 1792 году у насъ былъ переведенъ и изданъ *Ѳ. Печеринымъ* «Новый Робинзонъ, служащій «къ увеселенію и наставленію дѣтей, соч. Кампе.» Спустя двадцать семъ лѣтъ ее напечатали вторымъ изданіемъ. Въ 1794 году явилась на Русскомъ языкѣ книга: «Штейерскій Робинзонъ, или путешествія и осо«бенныя достопамятныя приключенія Іосифа Милле«ра на Бразильскихъ берегахъ Америки, переводъ съ Нѣмецкаго.» Послѣ нея, черезъ два года, опять съ Нѣмецкаго языка перевели и напечатали по-Русски сочиненіе: «Робинзонъ Тексель, или странное приключе«ніе однаго Голландца, отставшаго въ 1655 году отъ «своихъ корабельныхъ товарищей и жившаго около «30 лѣтъ на дикомъ острову необитаемой Зюдландіи, «писанное имъ самимъ, съ присовокупленіемъ трехъ «трогательныхъ повѣстей.» Наконецъ въ 1811 году

еще явился переводъ съ Нѣмецкаго, подъ названіемъ: «Робинзонова колонія, продолженіе Кампева Робинзо-«на, книга занимательная для дѣтей.» Этотъ переводъ удостоился втораго изданія въ 1814 году, но уже съ слѣдующимъ новымъ заглавіемъ: «Пріятная «и полезная книга для дѣтей, или повѣствованіе о «населеніи Робинзонова острова въ южной Америкѣ.» Указанія наши на то, что въ Русской литературѣ явилось въ слѣдствіе сочиненія Дефо, лучше всего свидѣтельствуютъ о всеобщности въ немъ интереса. Ежели у насъ, гдѣ вообще двпжимость самыхъ лучшихъ идей и участіе въ умственной дѣятельности не получили постояннаго ходу, ежели у насъ столько отзывовъ встрѣчается на одну тему, то какіе плоды она должна была принести въ западной Европѣ! И такъ справедливость требуетъ, чтобы трудъ г. Корсакова былъ принятъ съ тѣмъ вниманіемъ, какаго заслуживаютъ и книга сама по себѣ, и достоинство его перевода.

5. *Наслѣдство Комедіанта, или* Имперія и Возстановленіе. *Романъ* Поль де Кока. *Двѣ части. Въ* 12; 346 *и* 35 *стран.*

Поль де Кокъ, во Франціи, для нѣкотораго класса читателей, такъ же необходимъ, какъ при Людовикѣ XIV, для Двора, былъ необходимъ Мольеръ. Но спрашивается, для кого печатаютъ Поль

ле Кока по-Русски? Ужъ не для тѣхъ ли, что называютъ его Гоголемъ Франціи?

6. *Братья по оружію, или* возвращеніе изъ Крестовыхъ походовъ. *Историческій романъ. Сочиненіе* Джемса. *Переводъ съ Англійскаго* А. А. *Четыре части. Въ* 12; 131, 90, 143 *и* 124 *стран.*

И здѣсь также ошибка противу вкуса: дурной выборъ и переводъ незавидной.

7. Парижская красавица. *Романъ* Поль де Кока. *Въ четырехъ частяхъ. Въ* 12; 120, 119, 131 *и* 126 *стран.*

Въ похвалу автору при отзывѣ о семъ романѣ какой-то насмѣшникъ сказалъ: «Здѣсь особенно хорошо обрисованы соблазнительныя Парижскія гри-«зетки.»

8. Ученіе о язвахъ. *Сочиненіе* И. П. Руста. *Съ четырнадцатью литографированными и иллюминованными картинками. Переводъ съ послѣдняго Нѣмецкаго изданія. Въ* 8; 65 *стран.*

Въ медицинской литературѣ имя автора пользуется справедливымъ уваженіемъ. И такъ это предпріятіе, хотя и не конченное (потому что переводъ

выдаваться будетъ послѣдовательно) достойно вниманія.

9. Физіологія влюбленнаго. *Передѣлана съ Французскаго* Н. Г. Р. *Виньетки* И. Фурмана. *Изданіе книгопродавца* В. Полякова. *Въ* 16; 140 *стран.*

Не угодно ли нашимъ читателямъ убѣдиться въ справедливости замѣчанія нашего, изложеннаго въ предыдущемъ томѣ Современника (стран. 105 *первой нумераціи*, подъ NN книгъ: 34 и 35)? Выписанное нами теперь заглавіе книги указываетъ только на извѣстную «La physiologie des amoureux»; а ея воспроизведеніе громко вопіетъ о страшномъ мастерствѣ производителей Русскихъ.

II.

10. Историческая Библіотека. IV и V. *Окончаніе Исторіи Ломбардіи* и *Судьба Ломбардіи. Въ* 8; *отъ* 403 *до* 516 *стран.*

11. Всеобщая Географія, *соч.* Г. Ф. Бланка. *Переводъ съ Нѣмецкаго (съ четвертаго изданія). Въ трехъ томахъ.* Томъ I. *Въ* 8; *отъ* 183—707 *стран.*

Соврем: Т. XXIII, стран. 45, *первой нумераціи.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы. *Изъ книгъ Чети-Минеи. Изданная* Авдотьею Глинкою. Изданіе второе. *Въ* 12; 268 *стран.*

Соврем. Т. XXIII, стран. 16, *первой нумераціи.*

2. Исторія Государства Россійскаго. *Сочиненіе* Н. М. Карамзина. Изданіе пятое. *Въ трехъ книгахъ, заключающихъ въ себѣ двенадцать томовъ, съ полными примѣчаніями, украшенное портретомъ автора, гравированнымъ на сталѣ въ Лондонѣ. Изданіе* И. Эйнерлинга. Книга I

(томы: 1, 2, 3 и 4). Въ 8; XVII — 156, 192, 174 и 186 стран. текста; 150, 172, 138 и 162 стран. примѣчаній.

3. СОЧИНЕНІЯ АКИМА НАХИМОВА *въ стихахъ и прозѣ, напечатанныя по смерти его.* ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. *Въ* 16; 287 *стран.*

4. ЧЕРНЫЙ ГОДЪ, *или Кровавая звѣзда. Кіевское повѣрье XVII вѣка.* ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. *Въ* 12; 99 *и* 79 *стран.*

5. ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ, *или нѣкоторыя сцены изъ жизни Емельки Пугачева. Историческій романъ XVIII вѣка. Сочиненіе* Петра С. . нова. ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. *Двѣ части. Въ* 12; 107 *и* 92 *стран.*

6. ДОЧЬ РАЗБОЙНИКА, *или Любовникъ въ бочкѣ, народное преданіе временъ Бориса Годунова. Сочиненіе* Ѳ. Кузмичева. ТРЕТІЕ ИЗДАНІЕ. *Въ* 16; 103 *стран.*

7. ГУАКЪ, *или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть.* ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. *Въ* 12; 126 *и* 109 *стран.*

8. БИТВА РУССКИХЪ СЪ КАБАРДИНЦАМИ, *или прекрасная Магометанка, умирающая на гробѣ*

своего супруга. Русская повѣсть въ двухъ частяхъ. Съ военными маршами и хоромъ пѣвчихъ. Сочиненіе Н. Зрянова. Изданіе второе. *Въ* 12; 122 *и* 130 *стран.*

9. *Руководство къ изученію* Русской словесности, *и проч., и проч., составленное* Петромъ Георгіевскимъ, *профессоромъ, и проч. Въ четырехъ частяхъ.* Изданіе второе, *и проч. Въ* 8; 71 92, 169 *и* 216 *стран.*

10. Русская Хрестоматія, *или отборныя сочиненія, и проч.* Третье изданіе. *Въ* 8; 744 *стран.*

11. *Подарокъ прилежнымъ дѣтямъ, или* Азбука *и проч. Состав.* Эрнестомъ Гольдомъ. *Переводъ съ четвертаго изданія.* Изданіе второе. *Въ* 8; 68 *стран.*

12. Краткая всеобщая Географія. *Сочин.* Штейна. *Переведена съ Нѣм.* Ѳ. Соколовымъ. Изданіе третіе. *Въ* 8; 309 *стран.*

13. Краткая всеобщая Географія К. Арсеньева. Семнадцатое изданіе. *Въ* 8; 276 *стран.*

14. Курсъ чистой Математики, *составленный по порученію Беллявена, и проч. и проч. Перев.*

П. Погорѣльскій. Изданіе четвертое. *Въ* 8; 95 *стран.*

15. Новѣйшій Пѣсенникъ, *или собраніе Русскихъ пѣсень, и проч. Изданіе* А. Масленникова. *Двѣ книжки. Въ* 16; 128 *и* 124 *стран.*

16. Собраніе куплетовъ *изъ новѣйшихъ водевилей, и проч. Въ* 12; 132 *стран.*

17. *Собраніе любимыхъ Русскихъ* народныхъ пѣсень. *Въ* 12; 22 *стран.*

II.

18. Дѣянія Петра Великаго, *и проч. Сочиненіе* И. Голикова. Изданіе второе. *Въ* 8; 42 *и* 630 *стран.* Томъ XIV.

НАБЛЮДЕНІЯ СОЛНЕЧНАГО ЗАТМѢНІЯ 1842 ГОДА $\frac{8\text{ Іюля}}{26\text{ Іюня}}$ ВЪ ЛИПЕЦКѢ.

Солнечныя затмѣнія могутъ случиться только во время новолунія, т. е. когда луна находится между солнцемъ и землею; и смотря по тому, закрываетъ ли луна нѣкоторую часть солнца или покрываетъ его совершенно, затмѣнія бываютъ частныя или полныя. Случается также, что, во время соединенія, луна закрываетъ только центральную часть солнца, оставляя края видимыми и является какъ черный знакъ, окруженный свѣтящимся кольцомъ; тогда происходитъ такъ называемое кольцеобразное затмѣніе.

Возможность полнаго, частнаго и кольцеобразнаго затмѣнія зависитъ отъ разности видимыхъ діаметровъ солнца и луны и отъ положенія послѣдней въ

ея орбитѣ. Извѣстно, что видимые діаметры какъ солнца, такъ и луны измѣняются отъ разстоянія этихъ свѣтилъ отъ земли, и если луна во время новолунія находится въ наибольшемъ удаленіи отъ земли, при чемъ діаметръ ея менѣе діаметра солнца, тогда можетъ случиться только кольцеобразное затмѣніе солнца; напротивъ того, если во время затмѣнія луна находится въ близкомъ разстояніи отъ земли, тогда благопріятное положеніе ея въ орбитѣ можетъ произвести полное замтѣніе.

Астрономы, зная теорію движенія солнца и луны, могутъ вычислять затмѣнія впередъ, и такимъ образомъ нашли, что 8-го Іюля 1842 года въ южной части Европы и Россіи должно случиться полное солнечное затмѣніе. Интересъ, возбужденный этимъ явленіемъ, побудилъ нашу Академію Наукъ отправить экспедицію для наблюденія его. Я имѣлъ счастіе быть избраннымъ Академіею вмѣстѣ съ г. Астрономомъ Пулковской Обсерваторіи О. Струве для наблюденія этаго затмѣнія, разумѣется тамъ, гдѣ оно долженствовало быть полнымъ. Намъ предоставлена была полная свобода въ выборѣ мѣста наблюденія — и мы рѣшились отправиться въ Липецкъ, уѣздный городъ Тамбовской губерніи. Прежде, нежели будемъ говорить о результатахъ нашихъ наблюденій, я намѣренъ познакомить читателей съ состояніемъ свѣдѣній нашихъ о явленіяхъ солнечныхъ затмѣній вообще, чтобы потомъ лучше можно было

судить о замѣченномъ нами въ Липецкѣ, и начинаю съ самыхъ древнихъ достигшихъ до насъ извѣстій.

Геродотъ упоминаетъ о битвѣ при Галисѣ, во время которой день мгновенно превратился въ ночь. Ѳалесъ предсказалъ своимъ согражданамъ годъ и день, въ которой должно было случиться это затмѣніе, названное отъ того въ-послѣдствіи Ѳалесовскимъ. По вычисленію Ольтмана, затмѣніе это было 30 Сентября 609 года до Р. Х. Ольтманъ вычислилъ тоже по новымъ таблицамъ луны Агаѳокловское затмѣніе, происходившее 15 Августа за 309 лѣтъ до Р. Х., о которомъ Діодоръ говоритъ, что тогда на всемъ небѣ показались звѣзды, и день превратился въ совершенную ночь. Ольтманъ замѣчаетъ, что около Сицилійскаго мыса Пассаро затмѣніе это было полнымъ.

Въ средніе вѣка, разумѣется, нерѣдко происходили полныя солнечныя затмѣнія и даже въ Европѣ; но суевѣріе и невѣжество того времени причиной, что свѣдѣнія, доставшіяся намъ объ этомъ предметѣ, не имѣютъ никакой достовѣрности: удивительно, что знаменитый Астрономъ Тихо де Браге не вѣрилъ даже возможности существованія полныхъ затмѣній, основываясь на нѣкоторыхъ измѣреніяхъ видимыхъ діаметровъ солнца и луны, сдѣланныхъ простымъ глазомъ, и по-видимому убѣдившихъ его, что діаметръ луны, видимый съ земли, никогда не можетъ превзойти діаметра солнца. Въ 1600 году онъ рѣшительно

отвергалъ возможность явленія, которому находилось тогда много очевидцевъ. 1605-й годъ доказалъ, какъ несправедливы были предположенія Тихо: въ этомъ году было въ Неаполѣ полное солнечное затмѣніе. Но первое затмѣніе, котораго наблюденія достовѣрны, есть затмѣніе 1706 года. Вольфъ говоритъ объ немъ слѣдующее: «въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солнце было совершенно или по крайней мѣрѣ большею частію закрыто, видны были на небѣ звѣзды, напр. въ Лейпцигѣ видѣли Венеру и Юпитера, въ Іенѣ Профессоръ Гамбергеръ сверхъ того видѣлъ Капеллу, а въ Бресслау Профес. Гейнрихъ еще и многія другія звѣзды. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ затмѣніе было полное, сдѣлалось такъ темно, что безъ свѣчь невозможно было читать. Шейцеръ, въ Цюрихѣ, увѣряетъ, что за четыре шага нельзя было узнавать людей. Всѣ птицы спускались къ своимъ гнѣздамъ, соловей началъ пѣть, и летучія мыши летали. Вокругъ горизонта небо было красно, и роса покрыла поля. Замѣчательнѣе всего было свѣтлое кольцо около луны, которое я съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ. Оно было совершенно паралельно съ краемъ луны, и я могъ его хорошо отличить отъ остававшейся въ Лейпцигѣ видимой части солнца, и именно: оно имѣло гораздо слабѣйшій свѣтъ. Близъ края луны было оно значительно замѣтнѣе и потомъ постепенно ослабѣвало. Кеплеръ говоритъ, что такое же кольцо замѣчено было во время затмѣнія въ 1605 году.»

Полное затмѣніе 1715 года было наблюдаемо въ Англіи знаменитымъ Галлеемъ и Лувплемъ, который собственно для этихъ наблюденій отправлялся въ Лондонъ. Оба они замѣтили свѣтящееся кольцо, которое казалось имъ концентрическимъ съ луною; напротивъ того Маралди въ 1724-мъ году находилъ, что свѣтящееся кольцо не было концентрическимъ съ луною; при началѣ затмѣнія, по мнѣнію Маралди, кольцо это было шире къ востоку, при концѣ же затмѣнія, на оборотъ, къ западу.

22 Мая 1724 года въ Гринвичѣ не было полнаго затмѣнія; однако жъ тамъ сдѣланы многія метеорологическія наблюденія, въ особенности же относительно пониженія температуры во время затмѣнія.

Любопытны свѣдѣнія, оставленныя Меклореномъ, наблюдавшимъ кольцеобразное затмѣніе 1 го Марта 1737 года въ Эдинбургѣ и также 25-го Іюля 1748 года. Во время послѣдняго, въ Эдинбургѣ, находился также и Лемотъ.

Замѣчательнѣе другихъ повѣствованіе о полномъ затмѣніи 24-го Іюня 1778-го года Испанскаго мореходца (Don Antonio de Ulloa) Уллоа, наблюдавшаго это затмѣніе во время морскаго путешествія между мысомъ Св. Винцента и Азорскимъ островомъ Терцейро. Погода благопріятствовала его наблюденіямъ, и какъ только исчезъ послѣдній солнечный лучь, показались

звѣзды первой и второй величины, и вмѣстѣ съ тѣмъ образовался около луны блестящій кругъ или кольцо, усиливающееся и увеличивающееся по мѣрѣ того, какъ центръ луны приближался къ центру солнца, и во время наибольшаго сближенія центровъ это кольцо имѣло ширину, равную $^1/_6$ части луннаго діаметра. Изъ этаго свѣтящагося круга по всѣмъ направленіямъ распространялись свѣтлые лучи, которые можно было еще ясно различать на разстояніи отъ луны, равномъ лунному поперечнику. Цвѣтъ внутренней стороны кольца былъ красный, потомъ свѣтло-желтый, и переходилъ постепенно къ краямъ въ совершенно-бѣлый; но блескъ былъ вездѣ одинаковъ, и все кольцо находилось въ колебательномъ движеніи. Во время наибольшаго блеска кольца видны были только звѣзды первой величины, а въ-послѣдствіи опять и второй; кольцо исчезло за 4 или 5 секундъ прежде окончанія полнаго потемнѣнія.

5 Сентября 1793 случилось опять кольцеобразное затмѣніе, которое подало поводъ къ нѣкоторымъ физіологическимъ наблюденіямъ знаменитому Лихтенбергу въ Гёттингенѣ.

Я перехожу теперь къ полному затмѣнію 1816 года, и хотя на него не было обращено такаго вниманія, какъ бы слѣдовало ожидать, однако жъ я постараюсь передать свѣдѣнія, собранныя объ этомъ явленіи Берлинскимъ астрономомъ Боде. Большая часть

полнаго затмѣнія проходила чрезъ Польшу, Галицію и Турцію, и оттуда намъ досталось мало достовѣрныхъ извѣстій. Впрочемъ затмѣніе это было также полно въ нѣкоторыхъ городахъ Швеціи и Норвегіи, и потомъ поясъ пол. затмѣнія проходилъ чрезъ Балтійское море и Померанію.

Берлинская Академія отправила для наблюденія затмѣнія въ Bütow молодаго ученаго Теніеса. Облака препятствовали наблюденіямъ, и онъ не замѣтилъ слишкомъ значительнаго потемнѣнія, солнце однако жъ имѣло вокругъ себя кольцо. Въ Столпе, недалеко отъ мѣста наблюденія Теніеса, небо было совершенно ясно, и тамъ были видны какъ звѣзды, такъ и свѣтлое кольцо вокругъ луны. Въ Копенгагенѣ во время затмѣнія было такъ темно, что невозможно было читать безъ огня. Въ комнатѣ старой Берлинской обсерваторіи, во время затмѣнія, Боде замѣтилъ какой-то странный пепельный свѣтъ на всѣхъ предметахъ; звѣздъ не было видно: Боде не нашелъ даже Юпитера. Высота барометра не измѣнилась, и термометръ тоже мало понизился. Въ открытомъ полѣ, говоритъ Леманъ, было уменьшеніе солнечнаго свѣта, но незначительно, такъ-что сильная гроза производитъ иногда гораздо большее; свѣтъ въ окрестности вездѣ оставался бѣлый, къ чему способствовалъ, можетъ быть, снѣгъ, покрывавшій поля, между-тѣмъ какъ небо было совершенно ясно, горизонтъ казался нѣсколько красноватымъ, но этотъ

красный цвѣтъ подымался только на нѣсколько градусовъ вверхъ. Ничего особеннаго не представляютъ наблюденія въ Гёттингенѣ, пастора Шмидта въ Цетминѣ, Коха въ Данцигѣ и пр. Генералъ Линдеръ въ Глацѣ замѣтилъ, что во время затмѣнія термометръ понизился на 2°; до 10½ часовъ большое зажигательное стекло дѣйствовало еще, а потомъ перестало зажигать до 11 ч. 38 минутъ, послѣ чего опять хотя слабо, но начало зажигать; онъ видѣлъ свѣтлое кольцо вокругъ луны уже за 12 минутъ до начала полнаго затмѣнія и спустя столько же времени послѣ. Полное затмѣніе, по его наблюденіямъ, послѣдовало въ 11 ч. 33′. Мѣсто его наблюденія находилось на высотѣ 960 футовъ надъ поверхностію моря. Довольно любопытны извѣстія, сообщаемыя Лоренцомъ, наблюдавшимъ затмѣніе около города Радимно.

7 Сентября 1820 кольцеобразное затмѣніе видно было на Нѣмецкомъ морѣ, въ западной и южной части Германіи. Въ Бременѣ затмѣніе было почти центральное: когда 6 дюй. солнца было закрыто, то вся окрестность получила какое-то магическое освѣщеніе, и тѣни земныхъ предметовъ переходили постепенно отъ синяго къ зеленому. Особенный этотъ отсвѣтъ не усиливался съ увеличеніемъ затмѣнія, напротивъ глаза къ нему постепенно привыкали. Въ С. Талленѣ вся окрестность была оттѣнена синеватымъ цвѣтомъ; уменьшеніе свѣта было значительнѣе, нежели сколько

ожидалъ Шереръ; появилась небольшая роса и замѣтно было охлажденіе воздуха.

Всѣ помнятъ еще вѣроятно кольцеобразное затмѣніе 15 Мая 1836 года. Въ Стральзундѣ Ректоръ Ницце замѣтилъ тоже въ окрестности синій цвѣтъ, и термометръ понизился отъ 12° до 10° и потомъ опять поднялся до 12°. Венера была видна въ Стральзундѣ многими зрителями. Примѣтно также было вліяніе потемнѣнія на животныхъ. Затмѣніе это наблюдаемо было въ Кёнигсбергѣ и превосходно описано г. Бесселемъ въ Astr. Nachr. etc., журналѣ, издаваемомъ г. Шумахеромъ.

Изъ приведенныхъ мною свидѣтельствъ наблюдателей о явленіяхъ, сопровождающихъ солнечныя затмѣнія, видно, что хотя они вообще и согласуются между собою, однако жъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даютъ результаты совершенно противоположные. Такъ всѣ наблюдатели полныхъ затмѣній видѣли свѣтящееся кольцо около луны; но одни полагаютъ его концентрическимъ съ луною, другіе же напротивъ того съ солнцемъ. Далѣе, всѣ замѣчали уменьшеніе дневнаго свѣта; но нѣкоторые видѣли звѣзды во время потемнѣнія, другіе же напротивъ далеко не замѣтили столь сильнаго уменьшенія свѣта, какъ то наприм. случилось въ Англіи 22 Мая 1724 года. Для объясненія этихъ противорѣчій С. Петербургская Академія Наукъ возложила на насъ лестную обязан-

ность наблюдать это явленіе, гдѣ оно появится въ наибольшемъ блескѣ, и разрѣшить недоумѣнія, существующія по этому предмету. Сдѣлавъ предварительное вычисленіе для различныхъ городовъ, мы окончательно рѣшились избрать Липецкъ, потому-что во-первыхъ въ немъ затмѣніе было почти центральное, а во-вторыхъ, что мы находились почти на срединѣ между Курскомъ и Пензою, гдѣ тоже затмѣніе долженствовало быть наблюдаемо Профессорами Московскаго и Казанскаго Университетовъ. Мы имѣли съ собою, кромѣ двухъ трубъ Фраунгофера, еще пасажный инструментъ Эртеля, бывшій въ употребленіи во время экспедиціи для опредѣленія разностей уровней Чернаго и Каспійскаго морей, астрономической теодолитъ новѣйшаго устройства. Первый инструментъ служилъ исключительно для опредѣленія времени посредствомъ наблюденій прохожденія звѣздъ на меридіанѣ; второй же употреблялся для опредѣленія географической широты, и также времени. Сверхъ того мы имѣли съ собою двенадцать хронометровъ; ибо Академія желала имѣть точное хронометрическое опредѣленіе долготы Москвы относительно главной Академической Обсерваторіи. Мы имѣли еще съ собою 2 барометра и 2 термометра. Со всѣми этими снарядами оставили мы Пулкову $\frac{10}{22}$ Іюня и прибыли въ Липецкъ $\frac{21\text{ Іюня}}{3\text{ Іюля}}$ привѣтствуемые совершенно-ясною погодой. Первымъ нашимъ стараніемъ было отыскать удобное и покойное мѣсто для наблюденій, чтобы воспользоваться погодой и предварительно еще сдѣлать опредѣленіе

времени и широты; и едва мы только были готовы съ устройствомъ столбовъ для установки инструментовъ, какъ сдѣлалась сильная гроза, которая продолжалась почти цѣлый день, а потомъ до ночи съ 25 на 26 Іюня постоянно шелъ дождь, такъ-что мы совершенно отчаявались увидѣть явленіе, любопытное въ столькихъ отношеніяхъ, и считали цѣль нашей экспедиціи недоступною. Но къ счастію въ послѣднюю ночь небо нѣсколько прояснилось, и мы успѣли сдѣлать пасажнымъ инструментомъ опредѣленіе времени, и широты теодолитомъ; но потомъ поднялся вновь туманъ изъ близлежащаго озера, перешедшій въ облака и не позволившій намъ замѣтить момента прикосновенія луны къ солнцу. Послѣ небо постепенно прояснилось, и мы увидѣли уже часть солнца покрытою. Неравенства лунной поверхности могли мы замѣтить очень ясно еще при самомъ началѣ затмѣнія.

Когда затмѣніе сдѣлалось уже нѣсколько значительнѣе, примѣтили мы, что оконечности солнца, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно пересѣкалось луннымъ краемъ (Hörnerspitzen), на внѣшней сторонѣ, были нѣсколько выпуклы, и такимъ образомъ самыя оконечности были нѣкоторымъ образомъ притуплены, и помѣрѣ того, какъ затмѣніе увеличивалось, явленіе это дѣлалось явственнѣе, и такъ-какъ оно замѣчено было въ обѣихъ трубахъ и обоими наблюдателями, то и нельзя приписать его какому-нибудь оптическому обману. Г. Струве обращалъ особенное вниманіе на

явленіе, замѣченное Бесселемъ, что будто бы край луны бываетъ освѣщенъ, и однако жъ ничего не открылъ особеннаго; еще за 2′25″ до начала полнаго затмѣнія онъ замѣтилъ, что лунныя горы пересѣкали остающуюся часть солнца, край же луны оставался по-прежнему постоянно темнымъ.

Потемнѣніе дѣлалось тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе приближался моментъ полнаго затмѣнія, который былъ наблюденъ нами въ-точности. Минутъ за 10 до начала полнаго затмѣнія была ясно видна Венера; также Сиріусъ показался, когда часть солнца оставалась еще не закрытою. Съ началомъ полнаго затмѣнія луна явилась на небѣ какъ черный кругъ, окруженный свѣтящимся кольцомъ, котораго ширина равнялась почти $^{3}/_{4}$ луннаго діаметра; кольцо это было однако жъ такъ подвижно, что не было никакой возможности замѣтить, имѣло ли оно своимъ центромъ центръ солнца, или же луны. Свѣтящіеся лучи, выходящіе изъ него во всѣ стороны, имѣли иногда длины отъ 3 до 4°. Напряженіе свѣта въ этомъ кольцѣ было наибольшее около самой луны, и потомъ постепенно ослабѣвало. Радужныхъ цвѣтовъ не могли мы открыть ни трубою, ни простыми глазами; напротивъ того кольцо было совершенно чистаго бѣлаго цвѣта.

Темнота во время полнаго затмѣнія была такъ значительна, что невозможно было замѣтить показа-

нія хронометровъ иначе, какъ съ помощію лампъ, которыя мы предварительно для того уже приготовили. Цвѣтъ неба былъ при томъ совершенно отличный отъ обыкновеннаго ночнаго, и именно онъ былъ сѣро-фіолетовый и отражался на земныхъ предметахъ. Я преслѣдовалъ луну въ продолженіе затмѣнія постоянно трубою. Г. Струве въ то же время старался замѣтить, какія именно звѣзды будутъ видимы, и нашелъ слѣдующія: Венеру, Сиріуса, α Тельца, Капеллу и α Оріона. Звѣздъ второй величины, не смотря на то, что положеніе ихъ на небѣ было нами предварительно вычислено, и пасажный инструментъ и теодолитъ направлены были на звѣзду въ хвостѣ большой Медвѣдицы и Плеяды, г. Струве не могъ замѣтить.

Цвѣтъ звѣздъ былъ тоже отличный отъ обыкновеннаго: такъ г. Струве видѣлъ α Тельца и α Оріона совершенно бѣлыми, между-тѣмъ какъ обыкновенно они отличаются своимъ краснымъ цвѣтомъ; напротивъ того Капелла удержала свой желтый цвѣтъ и даже была нѣсколько напряженнѣе обыкновеннаго.

Передъ концемъ полнаго затмѣнія показались мнѣ лунныя горы въ прекрасномъ розовомъ цвѣтѣ; но явленіе это тотчасъ же исчезло съ появленіемъ перваго солнечнаго луча.

Моментъ появленія края солнца былъ нами съ точностію наблюдаемъ. Г. Струве наблюдалъ выхожденіе

простымъ глазомъ и потому встрѣтилъ оное 3-мя секундами позже, ибо глаза его были слишкомъ утомлены яркимъ свѣтомъ кольца, такъ-что онъ естественно не могъ уловить перваго появленія луча солнца; и отъ того въ наблюденіяхъ нашихъ продолженія полнаго затмѣнія находится нѣкоторая разность по моимъ наблюденіямъ оно продолжалось 3′5′′5, а по наблюденіямъ г. Струве 3′8′′8. Послѣ окончанія полнаго затмѣнія вскорѣ исчезло и свѣтящееся кольцо.

Мы положили себѣ за правило каждые 10′ отсчитывать термометры, изъ которыхъ одинъ находился въ тѣни, а другой съ закопченнымъ шарикомъ расположенъ былъ прямо на солнечномъ свѣтѣ: первый понизился почти на 4°, а второй на 17°. Высота барометра во время затмѣнія почти нисколько не измѣнилась.

Удивительно было вліяніе затмѣнія на простой народъ. Узнавъ какимъ-то образомъ причину пребыванія нашего въ Липецкѣ, жители толпились на нашемъ дворѣ, такъ-что въ самый день затмѣнія мы принуждены были просить у г. Городничаго стражу, чтобы избѣгнуть огромнаго числа незваныхъ посѣтителей. Всѣ думали безопаснѣе встрѣтить въ близости насъ престовленіе свѣта. Во время самаго затмѣнія многіе спѣшили по домамъ проститься съ родственниками и ожидать смерти. Ярмарка, бывшая въ тотъ день въ Липецкѣ, прекращена была почти мгновенно.

Замѣчательно тоже вліяніе, произведенное затмѣніемъ на животныхъ вообще. Мы сами были свидѣтелями, какъ смущенные грачи, воробьи и голуби спѣшили къ своимъ гнѣздамъ. Летучая мышь пролетѣла надъ нашими головами; первое появленіе свѣта привѣтствовалъ пѣтухъ радостнымъ крикомъ. На четвероногихъ вліяніе затмѣнія было не такъ замѣтно. Городской пастухъ разсказывалъ, что стадо его, находившееся въ полѣ, устрашенное явленіемъ, сбилось въ кучу, и повѣсивъ печально головы, ожидало окончанія. Въ конюшняхъ находящіяся лошади вовсе повидимому не замѣчали потемнѣнія.

По прочтеніи этой статьи, читатели, вѣроятно, спросятъ, что такое есть свѣтящееся кольцо, постоянно появляющееся при каждомъ полномъ затмѣніи? Отъ чего зависитъ разность потемнѣнія во время полнаго затмѣнія, замѣченная разными наблюдателями? Я спѣшу отвѣчать на эти вопросы.

Кеплеръ объясняетъ свѣтящееся кольцо изъ двухъ предположеній: 1, воспламенѣніемъ эѳира около солнца, или 2, предположеніемъ, что солнечные лучи, прежде-нежели достигаютъ земли, претерпѣваютъ преломленіе въ лунной атмосферѣ *. Галлей, и Уллоа замѣтили радужные цвѣты въ кольцѣ, а потому мож-

* Наблюденія покрытія звѣздъ луною доказываютъ, что луна не имѣетъ никакой атмосферы, а если и имѣетъ, то по крайней мѣрѣ очень тонкую и рѣдкую.

но объяснить это явленіе помощію диффракціи свѣта. Боде приписываетъ его преломленнымъ лучамъ въ парахъ атмосферы. Знаменитый нашъ Астрономъ Академикъ Струве, освѣдомившись отъ насъ о всѣхъ подробностяхъ этаго явленія, полагаетъ, что кольцо это есть не что иное, какъ сгущенный зодіакальный свѣтъ, или нѣкоторый родъ солнечной атмосферы.

Бо́льшая же или меньшая темнота при полныхъ солнечныхъ затмѣніяхъ зависитъ единственно отъ бо́льшаго или меньшаго количества облаковъ и паровъ, наполняющихъ атмосферу, и если облака находятся при горизонтѣ, при чемъ можно предположить, что они удалены отъ насъ на 20 миль — разстояніе, значительно превосходящее предѣлъ, гдѣ оканчивается поясъ полнаго затмѣнія, то облака эти отражаютъ солнечный свѣтъ и уменьшаютъ отъ того темноту, происходящую отъ затмѣнія, а потому большее или меньшее потемнѣніе зависитъ единственно отъ состоянія атмосферы во время затмѣнія.

А. Шидловскій.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ЛОКА.

Conscientiae potius quam famae attendere.
PUBLIUS SYRUS.

Скорѣй положись на совѣсть, нежели на общее мнѣніе.
Публій Сиръ.

Сочиненіе Лока: *Опытъ о Разумѣніи* (Essai sur l'entendement humain), надѣлало въ Англіи, при своемъ появленіи, довольно шуму. Было, какъ само собою разумѣется, много доводовъ и pro и contra, но наконецъ Локъ одержалъ верхъ. Распространенію его ученія особенно способствовали Французскіе энциклопедисты, которые, находя въ немъ много соотвѣтственнаго ихъ собственному воззрѣнію на предметы, заставили всю Европу, тогда рабски прислушивавшуюся къ каждому приговору ученыхъ и литераторовъ во Франціи, вѣрить слѣпо ученію Англійскаго философа. Локъ имѣлъ много послѣдователей. Укажемъ

только на двоихъ изъ нихъ, Кондильяка и Гельвеція *, которые, не равняясь съ своимъ учителемъ ни умомъ, ни дарованіями, опередили его однако жъ въ стремленіи къ матеріализму. Локъ владычествовалъ. Первое потрясеніе его могуществу дали Нѣмецкіе философы, и Кантъ, желавшій доказать несправедливость умствованій матеріалистовъ, увлекся въ противоположную крайность: онъ сдѣлался спиритуалистомъ, или лучше, идеалистомъ. Очень немногіе понимали Канта, но всѣ почти вѣрили его словамъ и повторяли ихъ. Кантъ имѣлъ не учениковъ, а фанатиковъ-послѣдователей. Наконецъ и вліяніе Канта уменьшилось. Явились другіе философы, которые, въ свою очередь, увлекли за собой цѣлую толпу подражателей, это литературное стадо. Цѣль настоящей статьи не есть разсмотрѣніе вообще духа сочиненій Лока, а только желаніе доказать, по мѣрѣ силъ и возможности, *опровергаемость* его понятій о неврожденности идей. Приступаемъ прямо къ дѣлу.

Локъ въ своемъ *Опытѣ* отвергаетъ врожденность идей, говоря, что всѣ наши понятія проистекаютъ только изъ двухъ источниковъ: ощущеній (sensation) и размышленій или разсужденій (raisonnement).

* Идея Гельвеція, довольно *мизантропическая*, что все въ поступкахъ людей основано на эгоизмѣ, вовсе не его собственная, а заимствована имъ у Ларошфуко, который до него сказалъ: Nous ne pouvons rien aimer que par rapport à nous. Гельвецій только развилъ эту идею, разсмотрѣлъ ее во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ.

Разумѣется, есть понятія, которыя могутъ быть пріобрѣтены не иначе, какъ посредствомъ ощущеній и разума и, какъ прямыя слѣдствія чувствъ и ума, не имѣютъ надобности быть врожденными, потому-что они, въ такомъ случаѣ, были бы лишними, а лишняго Создатель, по Своей премудрости, допустить не могъ. Таковы понятія: холодъ, жаръ, отецъ, дочь, невинность, порокъ, и т. д. Но какъ говорить, что нѣтъ вовсе идей врожденныхъ! Откуда же взяли мы идеи о Богѣ, о вѣчности, о добрѣ и злѣ, о прекрасномъ?.. Опредѣленіе Лока несправедливо. Постараемся это доказать.

Богъ изъ персти сотворилъ человѣка, но человѣкъ этотъ былъ лишь прекраснымъ истуканомъ; тогда дохнулъ въ него Господь — и человѣкъ сталъ умнымъ, живымъ существомъ. Эта сила, насъ оживляющая, есть душа; душа эта духъ, какъ бы частица Бога, а часть, по общему закону, намъ понятному, заключаетъ въ себѣ всѣ начала цѣлаго. Между каплею воды и моремъ все различіе въ количествѣ; качества одинаковы и въ морѣ и въ каплѣ. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть не безсмертною душа? Безъ безсмертія нѣтъ цѣли уму человѣка; а тогда, какъ каждая пылинка имѣетъ свое назначеніе, не ужели назначеніе человѣка лишь увеличить число пылинокъ мірозданія?.. Предполагая это, нужно приписать со-

твореніе человѣка, чему Эпикуръ * и Демокритъ ** приписываютъ происхожденіе міра, случайному столкновенію атомовъ, капризу какой-нибудь силы; но какой умъ можно допустить въ случаѣ? Что за капризъ у силы творящей? Одно изъ двухъ: или предполагать, слѣдуя ученію Стратона *** и Спинозы ****, что все по необходимости произведено какою-то сущностью, лишенною разумѣнья (par la nécessité d'une nature destituée d'intelligence), или вѣрить въ духовность души, отходящей отъ странъ земныхъ, своего временнаго заточенья, къ своему цѣлому, въ лоно Бога, который въ Себѣ олицетворяетъ любовь.

* *Эпикуръ* говоритъ, что всѣ міры произошли отъ случайнаго соединенія атомовъ, тѣлъ твердыхъ и недѣлимыхъ, которые съ чрезвычайною быстротою движутся по разнымъ направленіямъ въ пространствѣ пустоты.

** *Демокритъ* принималъ основаніемъ вселенной атомы и пустоту, отвергая все прочее, какъ основанное на гипотезахъ.

*** Мнѣніе объ ученіи *Стратона* мы заимствовали у Лейбница. См. его сочиненіе: *Опытъ о милосердіи Бога, свободѣ человѣка и происхожденіи зла.*

**** Богъ, по ученію *Спинозы*, есть существо мыслящее и безконечное, но которое дѣйствуетъ лишь по неизбѣжнымъ законамъ своего собственнаго бытія. Сначала *спинозистъ* и *атеистъ* значили одно и тоже, въ-послѣдствіи однако жъ отдали болѣе справедливости Спинозѣ. Но во всякомъ случаѣ приписывать Создателю неизбѣжность законовъ значитъ низводить Его до инстинкта и слѣдовательно ставить человѣка выше его Создателя. Человѣкъ можетъ дѣлать, что хочетъ, и знаетъ, что дѣлаетъ; а Богъ поступаетъ непроизвольно? Какая нелѣпость! Спиноза, сынъ Португальскаго Жида, родился въ Амстердамѣ.

Но точно ли духъ душа наша? «Мы, говоритъ «Лейбницъ, понимаемъ и мыслимъ душою; она без-«смертна, слѣдовательно должна быть и безтѣлесной. «Нужно стараться приводить все къ самымъ простымъ «началамъ и не оставлять мѣста чудесамъ. Если бъ «душа наша была матеріей, безсмертіе ея было бы «чудомъ, такъ-какъ мы видимъ, что каждое тѣло «подвержено уничтоженію. Слѣдовательно гораздо «натуральнѣе, проще и по-сему ближе къ истинѣ, «вѣря безсмертію души, понимать ее духомъ, нежели «тѣломъ.» И такъ, допустивъ духовность души, мы не можемъ сомнѣваться во врожденности идей. Душа, какъ частица Бога, заключаетъ въ себѣ всѣ идеи, но выказываетъ только тѣ, которыя должны служить путеводною нитью человѣку въ лабиринтѣ его наклонностей и страстей, необходимыхъ слѣдствій плоти. «Душа, говоритъ Платонъ, до земнаго бытія «своего, была соединена съ своими прототипами: «идеями объ истинѣ, о прекрасномъ, о доорѣ; въ-по-«слѣдствіи она разъединилась съ ними, но теперь, «облеченная въ оболочку земную, снова стремится къ «возсоединенію съ своими прототипами.» Мысль Платона — гипотеза, ничѣмъ не подтвержденная, но она доказываетъ, что уже древніе имѣли понятіе о врожденности идей.

Перейдемъ къ другому.

«Идея о прекрасномъ не есть идея врожденная, «замѣчаетъ Локъ, потому-что каждый народъ имѣетъ «свое понятіе о красотѣ.» Но прекрасное и красота вовсе не одно и тоже. Красота есть предметъ относительный или условный, и каждый понимаетъ ее посвоему: Калмыкъ считаетъ красотою выдавшіяся скулы и глаза, похожіе на щели, Негръ уродливотолстыя губы и шерстяно-курчавые волосы, а дикій Индѣецъ воображаетъ, что онъ очень красивъ, когда лице его раскрашено. Но возмемъ въ примѣръ два предмета истинно-прекрасные: великодушіе и благотворительность; они одинаково тронутъ и Европейца, и жителя Нубіи, и Камчадала, и туземца НовойЗеландіи. Любовь къ красотѣ есть только слѣдствіе врожденной идеи о прекрасномъ, толкуемой въ этомъ отношеніи каждымъ народомъ сообразно предметамъ, ихъ окружающимъ, и понятіямъ весьма часто ложнымъ, какъ почти всѣ выводы ума человѣческаго.

«Если бъ въ насъ были идеи врожденныя, утвер«ждаетъ Локъ, то онѣ были бы доступны и дѣтямъ; «но онѣ имъ не доступны, слѣдовательно идей врож«денныхъ нѣтъ.» Въ насъ могутъ быть врожденныя идеи и все таки будутъ становиться намъ доступными не прежде, какъ по достиженіи тѣла до развитія, необходимаго для уразумѣнія этихъ истинъ. Если дитя не понимаетъ, что двѣ половины, соединенныя вмѣстѣ, равны цѣлому, это не значитъ, что дитя не имѣетъ способности понимать, а доказываетъ только,

что его умственныя силы не достаточно развиты, хотя онѣ и есть въ немъ, есть несомнѣнно. Ребенокъ слабъ, взрослый силенъ ; но ребенокъ выростетъ и сдѣлается, можетъ быть, сильнѣе того взрослаго; а развѣ это значитъ, что ребенокъ пріобрѣлъ силу? Нѣтъ! она въ немъ всегда была, только сѣменемъ; теперь она развилась. Локъ говоритъ: «если бъ всѣ «истины (каждая врожденная идея есть истина) были «врожденны, то всѣ люди должны бы были понимать «ихъ, тогда-какъ, напротивъ того, есть много людей, «которые долго живутъ, и умираютъ, не узнавъ этихъ «истинъ.» Развѣ это доказываетъ что-нибудь противъ ихъ врожденности? Нимало: это лишь признакъ того, что органы сихъ людей (мозгъ и чувства) не достигли дальняго совершенства для понятія тѣхъ истинъ. Одинъ учится многому и все помнитъ хорошо; другой учится малому, и то помнитъ дурно, хотя и въ томъ и въ другомъ есть память, только развитая не до одинаковой степени превосходства. Опытность, играющая большую роль у Лока, есть не изобрѣтатель, а открыватель идей ; того же, чего нѣтъ, и открыть нельзя. Кажется, ясно и просто.

Говорить, что нѣтъ врожденныхъ идей, потому-что дѣти не имѣютъ о нихъ никакаго понятія, все равно, что отрицать врожденность разсудка, потому-что дѣти разсуждать не умѣютъ, или разсуждаютъ дурно. Если же допустить врожденность разсудка, показывающагося во всей силѣ только въ-послѣдствіи,

послѣ продолжительныхъ упражненій, то на чемъ же будетъ основано отрицаніе врожденности идей, слѣдующихъ тому же самому процессу?

Нѣтъ врожденныхъ идей! Но страсти, какъ извѣстно, имѣютъ минуты, въ которыя онѣ самовластно управляютъ нами. Что жъ укротитъ ихъ пылъ? Что обуздаетъ ихъ порывы? Разсудокъ, увѣряетъ Локъ, достаточенъ для направленія нашего на путь истины. Такъ; но онъ достаточенъ не самъ по себѣ, а потому, что онъ орудіе идей врожденныхъ о добрѣ и злѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, не уже ли Богъ, всеблагій, всевѣдущій и всемогущій, зная буйность и могучую силу страстей нашихъ, не далъ бы намъ другаго путеводителя, какъ разсудокъ, слабый самъ по себѣ, сильный только привитыми понятіями о долгѣ, о чести, о справедливомъ наказаніи за зло! Но эти понятія могли бы и не быть, если бъ они не были прямымъ слѣдствіемъ идей врожденныхъ о злѣ и добрѣ. И такъ Богъ, который, по прекрасному выраженію Ювенала *, «любитъ человѣка болѣе, нежели человѣкъ любитъ самаго себя,» пустилъ бы его на произволъ страстей и разсудка, двухъ властителей, однаго пылкаго и мощнаго отъ начала, другаго слабаго, близорукаго, мужающаго и прозрѣвающаго

* Ювеналъ. Сатира X. *Желанія*. Изд. Низара, 1839.

медленно, послѣ продолжительной опытности, никогда даромъ не достающейся. Отнимите опытность, идею о добрѣ и злѣ у разсудка — и какимъ жалкимъ противникомъ страсти покажется онъ! Локъ увѣряетъ, что Богъ надѣлилъ разсудокъ стремленіемъ къ добру, способностію пріобрѣтать понятія, достаточныя для обузданія страстей; но для этаго нуженъ долгій процессъ, не всегда вѣрный, не во всякомъ одинаково скорый, тогда-какъ врожденныя идеи служатъ намъ руководствомъ непзмѣннымъ, не оставляютъ ничего на произволъ случая. Но какимъ же образомъ согласить всевѣдѣніе души съ недальновидностію людскою? Очень просто. Душа, отличающая насъ отъ животныхъ, какъ частица Бога, всевѣдуща, но передаетъ уму нашему только то, что онъ, по слабости своей, въ состояніи постигнуть. Орелъ, посаженный въ клѣтку, не летитъ, хотя и не лишенъ способности летать; но пусть отворятъ клѣтку — и орелъ покажетъ, что природой ему недаромъ даны его мощныя крылья! Чувствуютъ всѣ, но не каждый умѣетъ передавать свои чувства. Если ученикъ дурно разыгрываетъ симфонію Бетговена, не уже ли станутъ винить въ этомъ геніальнаго композитора?..

Локъ говоритъ: «если есть истины врожденныя, «то онѣ должны быть общепрпняты, ибо я не пони«маю, какъ могутъ быть истины врожденныя, доступ«ныя не всѣмъ въ одинаковой степени. Это мнѣ ка«жется столь же невѣроятнымъ, какъ и то, чтобы

«человѣкъ въ одно и тоже время постигалъ и не «постигалъ извѣстной истины.» Замѣчаніе Лока, на первый взглядъ, кажется совершенно справедливымъ; но дѣло въ томъ, что душа и врожденныя идеи во всѣхъ одинаковы, различны лишь органы плоти, болѣе или менѣе грубые. Не каждое стекло отражаетъ ясно предметы; не каждый умъ способенъ передавать ясно идеи души. Разность же понятій происходитъ не отъ нетождественности душъ и идей врожденныхъ, а отъ ума болѣе или менѣе впечатлительнаго и переимчиваго. Кромѣ того на понятія наши, въ примѣненіи и направленіи ихъ, имѣютъ большое вліяніе привычки, повѣрья, обычаи, степень образованія. Богъ вложилъ въ насъ идеи, но развитіе и пониманіе ихъ предоставилъ намъ.

«Материнская любовь», говоритъ далѣе Локъ, «не есть идея (чувство) врожденная, потому-что не «всѣ матери нѣжны, потому-что есть люди, кото-«рымъ это чувство незнакомо, которые пожираютъ «собственныхъ дѣтей своихъ, чего, по его мнѣнію, «не могло бы быть, если бъ любовь материнская бы-«ла чувствомъ врожденнымъ и слѣдовательно общимъ «всему человѣчеству.» По этому Локъ, узнавъ Русскаго солдата, сказалъ бы, что чувство самосохраненія не вложено въ насъ самою природою съ первой минуты бытія, потому-что оно не есть чувство всеобщее, потому-что Русскій солдатъ, слѣпо повинующійся своему начальнику, есть доказательство про-

тивнаго; и однако жъ чувство самосохраненія одинаково сильно и въ Русскомъ и въ Туркѣ; вся разница въ томъ, что Турокъ слѣпо бросится на вѣрную смерть тогда только, когда его кровь разгорячена пріемомъ опіума; Русской же, когда ему велятъ. Въ первомъ случаѣ чувство самосохраненія будетъ подавлено безсознательнымъ удальствомъ опьянѣлости, во второмъ понятіемъ о долгѣ; но тѣмъ не менѣе оно-таки останется чувствомъ врожденнымъ. Отрицать врожденность чувства материнской любви только потому, что она неизвѣстна инымъ людямъ, у которыхъ она подавлена какими-нибудь ложными понятіями или грубостію органовъ, все равно, что отрицать инстинктивную привязанность животныхъ къ ихъ дѣтенышамъ, потому-что есть звѣри, которые не щадятъ собственныхъ приплодій *.

Локъ ошибается, и вотъ доказательство, кажется, довольно убѣдительное въ врожденности чувства материнской любви. Дѣвочка еще не умѣетъ разсуждать; она только-что научилась ходить, чуть бормочетъ, и ужъ берется за куклу, нѣжитъ ее, одѣваетъ и раздѣваетъ, кладетъ ее спать, нянчится съ своею

* Вотъ кстати слова Наполеона: Et mon fils, ah! mais ceci est une affection, que ni le temps, ni la présence, ni l'eloignement n'affaiblissent, que rien au monde ne peut refroidir: l'amour d'un père dure comme la vie. Наполеонъ говорилъ это *на островѣ Св. Елены.*

куклой и припѣваетъ, какъ умѣетъ: «*баю! баю!*» — И однако жъ дѣвочка въ этомъ возрастѣ еще не можетъ понять отчетливо высокаго чувства материнской любви, а возится съ своею куклою по какому-то влеченію, ей непонятному, еще не ясному, безъ сознанія, но покоряющему ее противъ воли, по влеченію, которое уже и въ эти лѣта доставляетъ ей удовольствіе, занимаетъ ее. Стала ли бы она поступать такимъ образомъ, если бъ въ ней не было врожденнаго влеченія къ материнской любви? Локъ говоритъ, что «всѣ понятія происходятъ отъ вліянія внѣшнихъ «причинъ, что дѣвочка, видя, какъ мать ея ухажи«ваетъ за нею, изъ духа подражательности дѣлаетъ «съ куклою тоже самое.» Но отъ чего жъ мальчикъ, съ которымъ точно также обходится мать, не берется за куклу? Потому-что у него другія влеченія. Но эта разнородность влеченій развѣ не доказываетъ врожденности нѣкоторыхъ идей, ибо мальчикъ и дѣвочка въ эти лѣта еще не могутъ понимать своего назначенія? Но допустимъ даже эти понятія, которыя однако жъ могутъ быть только темными, неясными, чѣмъ-то въ родѣ чутья; но это чутье, которое не можетъ быть слѣдствіемъ внѣшнихъ вліяній или разсужденій (двухъ единственныхъ проводниковъ понятій, по увѣренію Лока), потому-что уразумѣніе ихъ превосходитъ горизонтъ понятій дѣтскихъ, не есть ли также доказательство врожденности идей? Нельзя по крайней мѣрѣ не согласиться, что инстинктъ въ животныхъ есть, такъ сказать, идея

врожденная, потому-что они, т. е. животные, посредствомъ этаго начала избѣгаютъ или стремятся къ тому, чего не испытали прежде и чего слѣдовательно не могли узнать посредствомъ ощущеній. Почему же думать, что Богъ или природа болѣе заботились о животныхъ, нежели о людяхъ, которые, по словамъ Ювенала, * «бесѣдуютъ съ богами, изобрѣтаютъ, совершенствуютъ искуства и почерпаютъ «въ горнихъ обителяхъ прекрасное чувство состра«данія къ горю сочеловѣка;» ибо инстинктъ, какъ врожденное чувство, вѣрнѣе, нежели понятія, пріобрѣтаемыя опытностію, которая есть слѣдствіе, а не причина испытаннаго.

Локъ говоритъ: «если бъ идея о Богѣ была идеей «врожденной, то всѣ народы понимали бы одинаково Бога.» Не всѣ народы признаютъ истиннаго Бога, но всѣ признаютъ существо высшее, злое или доброе; не названіе *Богъ* вложено въ насъ природою, а идея о чемъ-то болѣе насъ могущественномъ. «И въ самомъ дѣлѣ,» повторяемъ охотно за краснорѣчивымъ Цицерономъ, «не ужели есть люди довольно безумные для того, «чтобы, поднявъ глаза къ небесамъ, не вѣрить въ «существованіе боговъ, приписывать случаю эти міры, «которыхъ порядокъ и сцѣпленіе приводятъ въ отча«яніе мудрость человѣческую?» Сію-то идею о суще-

* Ювеналъ. Сатира XV. *О суевѣріи.* Изд. Низара, 1839.

ствѣ высшемъ каждый толкуетъ по-своему, по различію впечатлѣній, произведенныхъ на него наружными предметами, сообразно своимъ понятіямъ о добрѣ и злѣ, силѣ и слабости. Идея о Богѣ вложена въ насъ, но развитіе этой идеи предоставлено намъ, какъ существамъ одареннымъ способностію разсуждать и понимать. По плоти внѣшнее имѣетъ на насъ вліяніе и даетъ нашимъ понятіямъ направленіе, сообразное съ собою. Отъ того идеи объ одномъ и томъ же разныхъ народовъ различны только въ частностяхъ и примѣненіи, хотя въ основаніяхъ онѣ похожи одна на другую болѣе или менѣе. Совѣсть есть въ каждомъ человѣкѣ, только не каждый человѣкъ понимаетъ ее одинаково: мысль о совѣсти, какъ и о всемъ другомъ, зависитъ отъ предметовъ насъ окружающихъ, которые дѣйствуютъ на чувства и даютъ своеобразное направленіе уму. Чувства воспріимчивѣе души, потому-что они *ближе* къ внѣшности — впечатлительнѣе, потому-что они слабы въ сравненіи съ душою, сильною по происхожденію, но передающею свои идеи, сообразно большему или меньшему совершенству органовъ, проводниковъ наружу ея побужденій.

«Идеи, пріобрѣтаемыя нами,» утверждаетъ Локъ, «посредствомъ ощущеній и мышленія, намъ ясны, «какъ только могутъ быть ясными, какія бы то ни «были идеи, уму человѣка.» Справедливо! Но отъ чего жъ идеи о добрѣ и злѣ, о прекрасномъ, о вѣчности, намъ кажутся чѣмъ-то темнымъ, неопредѣлитель-

нымъ, окруженнымъ какою-то таинственностію, которую мы, при всѣхъ усиліяхъ нашихъ, проникнуть не въ состояніи; мы ихъ *чувствуемъ*, и однако жъ не можемъ сказать рѣшительно: это то и то. Точно также мы чувствуемъ Бога, Его не постигая. Но эта *кажущаяся* тождественность сихъ идей и Бога не доказываетъ ли, что онѣ въ *самомъ дѣлѣ* тождественны, т. е. вложены въ душу нашу Богомъ; что онѣ принадлежности души, частицы Бога? Умъ можетъ *пріобрѣсти* только понятія, передаваемыя ему ощущеніями и мышленіемъ; но какимъ способомъ человѣкъ, если бъ въ немъ не было врожденныхъ идей о Богѣ и вѣчности, могъ себѣ представить и Бога и вѣчность, сущности, выходящія далеко за предѣлы его способности понимать, не состоящія ни въ малѣйшемъ соприкосновеніи со всѣмъ его окружающимъ, и столь тёмныя, что никакъ не могли бы представиться натуральнымъ образомъ уму человѣка способному *воссоздавать*, т. е. составлять себѣ понятіе о существующемъ, и *соединять*, т. е., нѣсколько понятій сливать въ одно значеніе и давать ему имя, но не умѣющему *творить* изъ ничего? Что бы могло ему служить, въ естественномъ порядкѣ вещей, основаніемъ къ составленію идей о вѣчности, о Богѣ? Ничего. Развѣ чудо? откровеніе? — Но чудо, но откровеніе самое простое — врожденныя идеи, которыя, какъ пропсшедшія отъ Бога, ясно понять намъ не дано, но въ бытіи которыхъ мы сомнѣваться не можемъ, какъ не можемъ сомнѣваться, что мы голодны, когда

намъ хочется ѣсть, хотя мы и не въ состояніи опредѣлить съ математическою точностію, отъ чего происходитъ голодъ, отъ чего происходитъ жажда. Всѣ усилія человѣка проникнуть въ таинство идей врожденныхъ, въ существованіе которыхъ мы какъ бы невольно вѣримъ, до сихъ поръ были напрасны, «ибо,» какъ говоритъ извѣстный Англійскій философъ Бѣконъ (Bacon), «созерцаніе твореній и дѣлъ «Божіихъ, въ отношеніи къ самымъ твореніямъ и «дѣламъ (разумѣется *видимымъ*), производитъ науку; «но, въ отношеніи къ Богу, нѣтъ совершенной науки, «а есть только благоговѣніе, составляющее лишь зна«ніе неполное.» *.

Подумайте о вѣчности — и мысли ваши путаются, голова ваша кружится, становятся волосы дыбомъ, и вы теряетесь, вы исчезаете въ этой бездонности; убійственное чувство собственнаго ничтожества, собственнаго безсилія, проникаетъ болью вашъ мозгъ, топчетъ въ прахъ вашъ умъ, вашъ гордый умъ — и вы невольно закрываете глаза, какъ при взглядѣ на пропасть: вы почувствовали, что вы человѣкъ. Но одумайтесь, но вспомните, что въ этомъ тѣлѣ вашемъ заключена душа, частица Бога, и вы

* . . . . car la contemplation des créatures et des oeuvres du Dieu (eû égard aux oeuvres et aux créatures elles mêmes) produit la science; mais (eû égard á Dieu) point de science parfaite, et seulement de l'admiration, qui est une connaissance incomplète.

весело подымете голову, и вы гордымъ взглядомъ окинете и міръ земной и міръ небесъ, наслѣдство ваше!...

Локъ не вѣритъ въ врожденность идей. На чемъ же основываетъ онъ идею о вѣчности? Что служило ему точкой отбытія при составленіи необъятной идеи —безконечность?—Линія, протянутая до непзмѣримости? Но куда бы мы линіи не протягивали, намъ все видится конецъ. Очень справедливо замѣчаетъ Кузенъ (Cousin) въ своей *Исторіи философіи*, что, «понимая множество, мы можемъ составить себѣ по«нятіе объ единствѣ, но по конечности безконечность «вообразить себѣ не можемъ.» И тогда, какъ мысли наши путаются при одномъ словѣ *вѣчность*, Локъ можетъ отвергать врожденность идей? Но возьмемъ, на пр., сѣмя какаго-нибудь растенія: въ сѣмени этомъ, кромѣ способности развиваться, есть и самый зародышъ того, что въ послѣдствіи должно развиться. Если сѣмя заключаетъ въ себѣ эти двѣ способности, то почему же думать, что человѣкъ, который стоитъ на столько выше растенія въ цѣпи созданій, имѣетъ только *одну* способность понимать, безъ всякихъ врожденныхъ идей, соотвѣтствующихъ зародышу сѣмени?

Локъ, отрицая врожденность идей, какъ разумѣется, и самую душу низводитъ съ ея высокой ступени и утверждаетъ, въ доказательство матеріально-

сти души, * что она не постоянно думаетъ, что есть минуты, въ которыя она бездѣйствуетъ. «Спрашиваю «весь свѣтъ,» говоритъ онъ, «справедливо ли мнѣніе, «что душа, не переставая, мыслитъ?» — «Весь свѣтъ,» возражаетъ Лейбницъ въ своихъ примѣчаніяхъ на книгу Лока, «на это отвѣчать не можетъ. Простолю- «динъ не имѣетъ никакой идеи о давленіи воздуха и «круглости земли, но развѣ тѣмъ доказывается, что эта «круглость и это давленіе понятія ложныя!» Локъ и здѣсь судитъ опять какъ матеріалистъ. Принимая душу за сущность духовную, въ ея безпрерывномъ дѣйствованіи сомнѣваться нельзя. И что за нужда духу въ покоѣ? Къ тому жъ развѣ тѣло, которое есть плоть, находится когда-нибудь, пока одушевлено, въ совершенномъ бездѣйствіи? Мы, правда, не всегда чувствуемъ это движеніе, точно такъ же, какъ не всегда замѣчаемъ постоянное бодрствованіе души. Когда тѣло перестаетъ дѣйствовать, оно начинаетъ подвергаться уничтоженію: оно уже не существуетъ, хотя и есть еще. Тѣло, такъ сказать, имѣетъ матерію и время; духъ — безплотность и вѣчность. Что не дѣйствуетъ, то умерло. Духъ (душа наша тождественная частица этаго духа) не умираетъ, слѣдовательно не перестаетъ и дѣйствовать. Дѣйствіе духа — думать.

* Наше мнѣніе объ этомъ изложено въ началѣ статьи «Anima spiritus est», сказалъ Св. Августинъ, а Св. Августину можно повѣрить, если поклонники Лока не захотятъ вѣрить доводамъ нашимъ.

Усыпленіе, вопреки Локу, вовсе не доказываетъ ложности этой мысли. Сны увѣряютъ въ противномъ. «Есть люди, «говоритъ Локъ,» которые сновъ не «видятъ.» Но развѣ это есть признакъ бездѣйствія души? Нимало. Отсутствіе сновъ доказываетъ только, что въ нѣкоторыхъ людяхъ органы, передающіе образы души, тупѣютъ во время усыпленія до того, что не въ состояніи, по слабости или по неясности, отражать впечатлѣнія душевныя. Что же касается до безпорядка и нерѣдкой безтолковости сновъ, это доказываетъ не недостатокъ логики души, а разъединеніе умственныхъ органовъ, способныхъ только въ совокупности своей передавать въ стройномъ порядкѣ думы души. Пояснимъ это примѣромъ: разбитое зеркало отражаетъ предметы уродливо, безпорядочно, разрозненно, но не уже ль за это вы станете винить предметъ, а не самое зеркало? Такъ сумасшедшій говоритъ безсмыслицу не потому, что душа его сумасбродствуетъ, ибо душа, не можетъ утратить своей стройности первоначальной, а потому что органъ мышленія, это зеркало идей души, разстроенъ и поврежденъ. Испорченная мельница мелетъ дурно, но какой мельникъ станетъ укорять въ этомъ воду, а не самую мельницу? Нашъ умъ уподобимъ мельницѣ; сравнимъ, для странности дѣла, душу съ водою: вѣдь Ѳалесъ называлъ же воду началомъ всего! Пока мельница хороша, мельница хорошо мелетъ; но пусть она испортится, и она замелетъ дурно. А вода? Вода все одна и та же, все такъ же льется на

колеса; но колеса испорчены и слѣдуютъ вяло и безпорядочно вліянію неизмѣнной воды.

Вотъ еще одно мѣсто, служащее новымъ доказательствомъ, что и геніальные люди могутъ ошибаться, если они увлечены идеей, въ неопровержимой основательности которой успѣли себя убѣдить. Переводимъ Лока:

«Не постигаю», говорилъ онъ, «чѣмъ можно «доказать, что двѣ знаменитыя аксіомы: *то, что «есть, есть,* и *невозможно, чтобъ одна вещь была и не «была въ одно и то же время,* суть понятія врожден«ныя, ибо, не говоря о другихъ, дѣти не понимаютъ этихъ истинъ *.» Въ самомъ дѣлѣ? Постараемся доказать, что и дѣти даже ихъ понимаютъ, только понимаютъ по-своему, т. е. безсознательно, ибо ихъ умственные органы не достигли еще до совершенства, необходимаго для разумѣнія. Дитя, на пр., очень хорошо знаетъ, что яблоко, которое оно держитъ въ рукахъ, которое *есть* у него, *есть* въ самомъ-дѣлѣ, и доказываетъ это тѣмъ, что начинаетъ его кушать.

* Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что эти истины не врожденныя, да и не нужно, ибо каждый человѣкъ, одаренный здравымъ смысломъ, можетъ себѣ составить эти аксіомы, не прибѣгая ни къ какому откровенію; намъ только кажется, вопреки мнѣнію Лока, что онѣ не могутъ быть замѣнены другими равносильными, или лучше, равно общими. Эти аксіомы похожи на passe-partout. Замки различны; но этотъ чудный ключь подходитъ ко всѣмъ замкамъ — и всѣ замки ему уступаютъ.

Оно также нисколько не сомнѣвается въ томъ, что яблока, котораго оно не имѣетъ, ему съѣсть нельзя, и слѣдовательно понимаетъ по-своему, что *одна вещь не можетъ въ одно и то же время быть и не быть.*

Мы здѣсь остановимся. На роскошной одеждѣ есть нѣсколько пятенъ; разтяните ее, и вы ихъ замѣтите; набросьте ее на плечи, и, образуя широкія, чудныя складки, одежда отъ самаго зоркаго ока скроетъ свои крошечныя пятна. Если бъ Локъ не одинаковымъ требованіямъ подчинялъ міръ матеріальный и міръ духовный: то его заключенія были бы болѣе справедливы. Локъ предположилъ сначала: душа матерія, идей врожденныхъ нѣтъ — и потомъ слѣдовалъ неуклончиво по данному направленію, втѣсняя все въ избранную мѣру. Въ такомъ случаѣ онъ *могъ* разсуждать прекрасно, но *долженъ* былъ ошибаться въ своихъ выводахъ. Гдѣ ложно начало, тамъ, при послѣдовательности, неизбѣженъ и ложный конецъ.

К. Петерсонъ.

ПОЛОЖЕНІЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА ВЪ 1563 ГОДУ.

Къ концу засѣданій Тридентинскаго собора протестантскія мнѣнія проложили уже себѣ путь всюду по сю сторону Альповъ и Пиренеевъ: вдоль и поперегъ распространили они свое господство на Германскія, Славянскія и Романскія націи.

Въ государствахъ Скандинавскихъ утвердились они тѣмъ болѣе непоколебимо, что здѣсь введеніе ихъ совпадало съ основаніемъ новыхъ династій и преобразованіемъ всего состава государственныхъ учрежденій. Съ самаго начала уже они были принимаемы съ такою радостію, какъ будто въ нихъ было первоначальное сродство съ національнымъ образомъ мыслей. Первый основатель Лютеранизма въ Даніи, Бугенхагенъ, не находитъ словъ для описанія ревности,

съ какою тамъ слушали проповѣдь «и въ буддень», какъ онъ выражается, «до разсвѣта, и въ праздникъ цѣлый день»: самыхъ отдаленныхъ краевъ они уже достигли теперь. Въ 1522 году пали послѣдніе представители католицизма въ Исландіи; въ 1554 году основано Лютеранское епископство въ Выборгѣ; Евангелическіе проповѣдники сопутствовали Шведскимъ чиновникамъ въ отдаленную Лапландію. Строго наказалъ Густавъ Ваза въ завѣщаніи 1560 года своимъ наслѣдникамъ съ ихъ потомствомъ слѣдовать Евангелическому ученію и не терпѣть никакихъ лжеученій. Онъ поставилъ это какъ бы условіемъ престолонаслѣдія.

По здѣшнимъ (относительно Германіи) берегамъ Балтійскаго моря Лютеранизмъ достигъ также совершеннаго господства, по крайней мѣрѣ между племенами Нѣмецкаго нарѣчія. Пруссія первая явила примѣръ секуляризаціи—конфискаціи духовныхъ имѣній. Когда въ 1561 году то же послѣдовало въ Лифляндіи, то главнымъ условіемъ подчиненія ея Польшѣ было обезпеченіе Аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Уже отношенія къ этимъ странамъ, которыхъ подчиненіе основано было на протестантскомъ началѣ, препятствовали Ягеллонскимъ королямъ ему неблагопріятствовать. Въ 1557 и 1558 годахъ большіе города въ Польской Пруссіи получили грамоты на исповѣданіе религіи по Лютеранскому обряду; еще яснѣе были въ этомъ отношеніи привилегіи, данныя вскорѣ за-тѣмъ малымъ городамъ: прежде

подвергались они притѣсненіямъ сильныхъ епископовъ. По томъ и въ самой Польшѣ протестантскія мнѣнія привлекли къ себѣ большую часть дворянства: они удовлетворяли чувству независимости, которое питаемо было въ немъ самымъ характеромъ государственнаго устройства. «Польскій магнатъ не считалъ себя подданнымъ короля: могъ ли онъ повиноваться папѣ?» Дошло до того, что протестанты проникли на епископскія мѣста и еще при Сигизмундѣ Августѣ составляли большинство въ сенатѣ. Этотъ государь былъ конечно католикъ: онъ слушалъ ежедневно обѣдню, каждое воскресенье католическую проповѣдь; пѣлъ съ своими пѣвчими молитвы, соблюдалъ время исповѣди и причащенія Св. Таинъ, которыя онъ принималъ въ *одномъ видѣ*; но, по-видимому, слишкомъ мало безпокоился о томъ, что думали при его дворѣ и въ его владѣніяхъ: онъ не былъ намѣренъ растравлять послѣднія минуты жизни своей борьбою съ убѣжденіями, которыя такъ могущественно овладѣвали умами.

По крайней мѣрѣ опытъ подобной борьбы въ сосѣдственныхъ Венгерскихъ владѣніяхъ не благопріятствовалъ правительству. Фердинанду I никогда не удавалось склонить Венгерскій сеймъ къ заключеніямъ, неблагопріятнымъ протестантизму. Въ 1554 г. Лютеранинъ избранъ палатиномъ государства; вскорѣ и Гельветическому исповѣданію должны были въ Эрлауской долинѣ предоставить свободу. Трансильва-

нія раздѣлилась совершенно; формальнымъ сеймовымъ постановленіемъ отобраны были тамъ въ 1556 г. духовныя имущества; Герцогиня тотчасъ присвоила себѣ большую часть десятины.

Здѣсь-то останавливаемъ взоръ на Германіи, гдѣ новая форма Церкви развилась первоначально изъ самобытнаго духа націи, въ продолжительной и трудной борьбѣ завоевала себѣ значеніе и законное бытіе въ государствѣ и готовилась подчинить себѣ совершенно различныя страны. Успѣхъ въ этомъ отношеніи былъ уже очень великъ. Протестантизмъ покорилъ себѣ не только сѣверную Германію, гдѣ онъ возникъ, и тѣ части верхней, гдѣ онъ всегда держался, но простерся и гораздо далѣе.

Напрасно сопротивлялись ему епископы во Франконіи. Въ Вюрцбургѣ и Бамбергѣ приняла уже его большая часть дворянства и епископскихъ чиновниковъ, магистраты и городскія сословія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, и вся масса поселянъ: въ Бамбергскомъ округѣ на каждый сельскій приходъ можно было считать по одному Лютеранскому проповѣднику. Въ этомъ духѣ ведено было управленіе, сосредоточивавшееся главнымъ образомъ въ рукахъ сословій, которыя имѣли свой собственный, общественный бытъ, и сами назначали подати и сборы; въ этомъ духѣ замѣщаемы были суды, и замѣчали, что большая часть приговоровъ противорѣчила интересамъ католи-

цизма. Епископы значили уже немного: кто еще «съ древнею Нѣмецкой или Франконскою вѣрностью» чтилъ въ нихъ государей, тотъ все-таки не могъ сносить равнодушно появленія ихъ въ церковныхъ украшеніяхъ.

Не съ меньшею живостью обнаружилось это движеніе въ Баваріи. Большая часть дворянъ приняла протестантское ученіе: значительная часть городовъ рѣшительно ему послѣдовала. Герцогъ на сеймахъ своихъ, напр. въ 1556 г. принужденъ былъ утвердить такія заключенія, которыя въ другихъ мѣстахъ привели къ полному водворенію Аугсбургскаго исповѣданія, и здѣсь, по-видимому, должны были имѣть тѣже слѣдствія. Самъ герцогъ не былъ такъ противъ этаго исповѣданія, чтобъ иногда не присутствовать при протестантской проповѣди.

Но гораздо болѣе успѣха было въ Австріи. Дворянство училось въ Виттенбергѣ. Всѣ коллегіи были наполнены протестантами; считали, что, можетъ быть, только тридцатая доля жителей осталась католическаго исповѣданія: мало по малу образовалось сеймовое законодательство, которое основано было на протестантскомъ началѣ.

Запертые между Баваріею и Австріею архіепископы Зальцбургскіе не могли удержать страну свою при старомъ ученіи Церкви. Хотя они еще не допу-

скали къ себѣ протестантскихъ проповѣдниковъ; но образъ мыслей жителей тѣмъ не менѣе выражался рѣшительно. Въ столицѣ не ходили къ обѣднѣ, не соблюдали ни постовъ, ни праздниковъ; кому далеко было до проповѣдника въ Австрійскихъ владѣніяхъ, тотъ поучался дома самъ изъ проповѣдей Шпангенберга. На горной сторонѣ этимъ не удовольствовались. Въ Раурисѣ и Гастейнѣ, въ С. Вейтѣ, Тамсвегѣ, Радштатѣ поселяне громко требовали чаши при причащеніи. Когда имъ въ этомъ было отказано, то они вовсе оставили таинства; перестали посылать дѣтей своихъ въ школы, и случалось, что въ Церкви поселянинъ вставалъ съ своего мѣста и говорилъ проповѣднику: «ты лжешь»; поселяне сами говорили проповѣди между собою. Нечего удивляться, если при отказѣ въ Богослуженіи, которое бы соотвѣтствовало новымъ убѣжденіямъ, образовались въ уединеніи Альповъ мнѣнія фантастическаго и чудеснаго характера.

Какъ выгодно въ сравненіи съ этимъ является, что во владѣніяхъ духовныхъ курфирстовъ на Рейнѣ дворянство обладало достаточною самостоятельностію, и могло предоставить своимъ вассаламъ свободу, которой не могъ имъ подарить господинъ духовный. Рейнское дворянство рано приняло протестантскую вѣру и въ своихъ областяхъ не допускало государя ни до какаго вмѣшательства, даже религіознаго. Въ самыхъ городахъ явилась уже повсюду протестантская партія. Въ безчисленныхъ просьбахъ

изъявляла она свои требованія въ Кельнѣ; въ Трирѣ она до того усилилась, что вызвала проповѣдника изъ Женевы и удержала его на зло курфирсту; въ Ахенѣ она прямо стремилась къ верховной власти; въ Майнцѣ также не задумывались посылать дѣтей въ протестантскія школы, напр. въ Нюрнбергъ. Коммендоне, бывшій въ 1561 г. въ Германіи, не находитъ словъ для описанія зависимости прелатовъ отъ Лютеранскихъ государей и снисходительности ихъ къ протестантамъ. Даже въ ихъ тайныхъ совѣтахъ онъ замѣчалъ протестантовъ самой упорной партіи, и удивляется, что самое время вовсе не помогло Католицизму.

Въ Вестфаліи было тоже самое. Въ Петровъ день всѣ поселяне занимались жатвою; постовъ вообще болѣе не соблюдали. Въ Падерборнѣ городская дума съ какимъ-то соревнованіемъ защищала свое протестантское исповѣданіе; въ Мюнстерѣ большая часть священниковъ были формально женаты; герцогъ Вильгельмъ Клевскій хотя держалъ себя вообще католикомъ, но въ домашней своей капеллѣ принималъ Дары въ обоихъ видахъ: большая часть его совѣтниковъ были открытые протестанты; Евангелическому исповѣданію не было поставляемо никакихъ существенныхъ препятствій.

Довольно того, что во всей Германіи, отъ востока къ западу, отъ юга къ сѣверу, протестантизмъ имѣлъ несомнѣнный перевѣсъ. Дворянство съ самаго

начала было ему предано; сословіе чиновниковъ, уже тогда многочисленное и значительное, было воспитано въ духѣ новаго ученія; простой народъ не хотѣлъ болѣе и слышать о нѣкоторыхъ артикулахъ, напр. о чистилищѣ, ни о прежнихъ церемоніяхъ; ни одинъ монастырь не въ состояніи былъ долѣе держаться; никто не осмѣливался являться съ предметами религіознаго поклоненія. Одинъ Венеціанскій посолъ въ 1558 г. считалъ, что въ Германіи только десятая часть жителей осталась при старой вѣрѣ.

Не удивительно, если потери католицизма во власти и владѣніи все еще продолжались. Большая часть канониковъ были или преданы исправленному ученію, или оставались совершенно равнодушными; да и что могло ихъ еще удерживать, когда, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались дѣлать епископами протестантовъ? Хотя религіозный миръ установлялъ, что духовный государь долженъ лишаться званія и доходовъ, если отступитъ отъ прежней вѣры, но не считали этаго препятствіемъ, чтобы обратившійся къ Евангелическому исповѣданію капитулъ избралъ себѣ также Евангелическаго епископа, лишь бы съ этимъ не соединялось наслѣдственнаго права. Такимъ образомъ принцъ Бранденбургскій получилъ епископство Магдебургское, Лауэнбургскій—Бременъ, Брауншвейгскій—Гальбергштатъ. Епископства Любекъ, Верденъ, Минденъ, аббатство Кведлинбургъ попали также въ протестантскія руки. Тѣмъ не менѣе продолжались и

конфискаціи духовныхъ имѣній. Какія напр. потери въ продолженіи немногихъ лѣтъ понесло епископство Аугсбургское! Въ 1557 г. отняты были у него всѣ монастыри Виртембергскіе; въ 1558 г. тоже послѣдовало относительно монастырей и приходовъ въ графствѣ Эттингенъ; только послѣ религіознаго мира возвысились протестанты въ Дюнкелсбюлѣ и Донаувертѣ до равенства (parität), въ Нердлингенѣ и Меммингенѣ до преобладанія; тогда уже невозвратно погибли въ этихъ городахъ монастыри и между ними богатая прецепторія Св. Антонія въ Меммингенѣ.

Къ этому надобно присоединить, что католицизму и въ будущемъ предстояло мало надежды.

Протестантское мнѣніе преобладало и въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ. Древніе поборники католицизма, враги Лютера, отличившіеся въ религіозныхъ прѣніяхъ, или уже умерли, или были въ преклонныхъ лѣтахъ. Молодые люди, способные замѣнить ихъ, еще не подросли. Уже двадцать лѣтъ ни одинъ изъ питомцевъ Вѣнскаго университета не принималъ священническаго рукоположенія. Въ Ингольштатѣ, который всегда такъ отличался католическимъ духомъ, на мѣста, которыя обыкновенно были замѣщаемы лицами духовнаго званія, не было достойныхъ людей въ богословскомъ факультетѣ. Въ Кельнѣ городъ открылъ бурсу: когда учрежденіе было вполнѣ образовано, то оказалось, что регентъ ея

былъ протестантъ. Съ явнымъ намѣреніемъ положить преграду протестантскимъ мнѣніямъ, кардиналъ Оттонъ Трухзесъ основалъ новый университетъ въ своемъ городѣ Диллингенѣ; нѣсколько лѣтъ цвѣлъ онъ двумя отличными Испанскими богословами; когда же они удалились, то въ Германіи не нашлось ни одного Католическаго ученаго, чтобъ заступить ихъ мѣсто: протестанты и сюда проникли. Въ это время учителями въ Германіи были, почти безъ изъятія, протестанты: все юношество было у ногъ ихъ и вмѣстѣ съ первыми познаніями принимало въ сердце свое ненависть къ папѣ.

Такъ было на востокѣ и сѣверѣ Европы: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ католицизмъ былъ вовсе истребленъ, въ другихъ побѣжденъ и ограбленъ. Между-тѣмъ, какъ онъ напрягалъ еще силы для самозащищенія, съ юга и запада выступили на-встрѣчу ему еще опаснѣйшіе враги.

Безъ сомнѣнія Кальвинической образъ мыслей былъ болѣе въ рѣшительной противоположности съ Римскимъ ученіемъ, нежели Лютеранство: именно въ эпоху, которую мы разсматриваемъ, съ неотразимою силою овладѣвалъ онъ умами.

На границахъ Италіи, Германіи и Франціи возникъ онъ и разлился во всѣ стороны: въ Германіи, Польшѣ, Венгріи образовалъ онъ хотя еще подчинен-

ный, но уже въ самомъ себѣ значительный элементъ протестантскаго развитія: въ западной Европѣ возвысился уже онъ до самостоятельной власти.

Какъ Скандинавскія государства сдѣлались Лютеранскими, такъ Британскія—Кальвиническими: въ противоположенныхъ формахъ образовалась здѣсь новая Церковь. Въ Шотландіи, гдѣ она достигла силы въ борьбѣ съ правительствомъ, была она бѣдная, простонародная, демократическая: тѣмъ не менѣе сильнымъ огнемъ воспаляла она умы. Въ Англіи она возвысилась въ союзѣ съ тогдашнимъ правительствомъ: здѣсь была она богатая, пышная, монархическая, но довольствовалась уже тѣмъ, если не противоборствовали ея уставамъ. Естественно, что первая была несравненно ближе къ образцу Женевской Церкви, несравненно болѣе въ духѣ Кальвина.

Нація Французская съ свойственною ей живостію приняла ученіе этаго своего гражданина. На зло всѣмъ преслѣдованіямъ Французскія Церкви устроивались по протестантскому образцу Женевской и уже съ 1559 г. образовали синодъ. Венеціанскій посолъ Михели въ 1561 г. не нашелъ ни одной провинціи, непричастной протестантству, которому были преданы три четверти государства: Бретань и Нормандія, Гасконь и Лангедокъ, Пуату, Турень, Провансъ, Дофине. «Во многихъ мѣстахъ,» говоритъ онъ, «въ этихъ провинціяхъ происходятъ собранія, говорятся про-

повѣди, устраиваются различныя учрежденія, совершенно по примѣру Женевы, ни сколько не обращая вниманія на королевскія запрещенія. Всѣ приняли новыя мнѣнія—и, что особенно замѣчательно, даже сословіе духовенства, и не только священники, монахи и монахини (а должно быть, не многіе монастыри устояли), но даже епископы и знатнѣйшіе прелаты. «Ваша Свѣтлость,» говоритъ онъ своему дожу, будьте увѣрены, что, исключая простой народъ, который все еще ревностно посѣщаетъ Церкви, всѣ прочіе отпали, а въ особенности дворяне и молодые люди, до 40 лѣтъ, почти безъ исключенія. Хотя многіе изъ нихъ и ходятъ еще къ обѣднѣ, но это дѣлается только для вида и изъ страха, потому-что когда они остаются безъ присмотра, то забываютъ о Церкви и обѣднѣ. Когда Михели прибылъ въ Женеву, то узналъ, что, вслѣдъ за смертію Франциска II, пятдесятъ проповѣдниковъ отправились отсюда въ различные города Франціи: онъ удивляется, въ какомъ уваженіи стоитъ Кальвинъ, сколько денегъ присылаютъ ему на поддержаніе удалившихся въ Женеву. Онъ считаетъ необходимымъ предоставить Французскимъ протестантамъ свободу вѣроисповѣданія или, по крайней мѣрѣ, interim, какъ онъ выражается, если не хотятъ произвести общее кровопролитіе. Вскорѣ за тѣмъ дѣйствительно послѣдовалъ эдиктъ въ Январѣ 1562 г., который доставилъ протестантизму законное бытіе во Франціи и послужилъ основаніемъ всѣхъ правъ,

которыми онъ съ того времени тамъ вообще воспользовался.

Эти повсемѣстныя перемѣны въ Германіи, Франціи и Англіи необходимо должны были оказать вліяніе и на Нидерланды. Сначала вліяніе Нѣмецкое преобладало. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ, побудившихъ Карла V къ Смалькальденской войнѣ было то, что симпатія, которую возбудили къ себѣ Нѣмецкіе протестанты въ Нидерландахъ, съ каждымъ днемъ увеличивала затрудненія его въ управленіи этою провинціею, составлявшею столь значительную часть его монархіи. Смирявъ Нѣмецкихъ государей, онъ вмѣстѣ опасался возмущенія своихъ Нидерландовъ. Однако всѣ его законы, не смотря на строгость, съ которою они были исполняемы (считаютъ, что до 1560 г. осуждено было 30,000 протестантовъ) не могли удержать развитія религіозныхъ мнѣній. Одно только было слѣдствіемъ ихъ, что мнѣнія мало по малу приняли болѣе Французское, Кальвинническое, нежели Нѣмецкое, Лютеранское направленіе. Въ 1561 г. и здѣсь явилось формальное исповѣданіе новой вѣры: Церкви устраивали по образцу Женевской, и такъ какъ протестанты соединились здѣсь съ защитниками мѣстныхъ правъ, то и пріобрѣли себѣ тѣмъ политическую опору, открывавшую имъ блестящую будущность.

При этихъ обстоятельствахъ пробудились новыя силы и въ древнихъ врагахъ Рима. Въ 1562 г. Максимиліаномъ II формально были признаны Моравскіе братья, и они воспользовались этимъ счастіемъ для того, чтобъ въ тотъ же годъ принять въ свои синоды значительное число: считаютъ 188 новыхъ духовныхъ лицъ. Въ 1561 г. герцогъ Савойскій принужденъ былъ предоставить бѣднымъ Вальденцамъ новыя льготы. Въ самые отдаленные края Европы простерла силу свою идея протестантизма. Какую обширную область завоевала она себѣ въ продолженіе 40 лѣтъ!— Отъ Исландіи до Пиренеевъ, отъ Финляндіи до высотъ Итальянскихъ Альповъ. По ту сторону горъ происходило, какъ знаемъ, также подобное: она обнимала уже всю область Латинской Церкви. Большинство въ высшихъ классахъ и вообще умовъ, принимавшихъ участіе въ общественной дѣятельности, было на ея сторонѣ: цѣлыя націи съ энтузіазмомъ принимали ее: она преобразовала государства. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія, что она составляла не только противоположность папству, не одно отрицаніе, отторженіе отъ него, но была въ высшей мѣрѣ положительная.

СИЛЫ ПАПСТВА ПОСЛѢ ТРИДЕНТИНСКАГО СОБОРА.

Хотя долгое время папство и католицизмъ отклоняли указанные нами успѣхи, однако оставались болѣе въ страдательномъ положеніи и должны были вообще уступить. Теперь однако обстоятельства приняли другой оборотъ.

Мы уже разсматривали внутреннее развитіе, которымъ началось обновленіе католицизма. Можно сказать, что онъ вновь пробудилъ въ себѣ живыя силы и, съ преобразованіемъ догматовъ въ современномъ духѣ, произвелъ реформу, которая вообще соотвѣтствовала требованіямъ современниковъ. Онъ не допустилъ до непріязни религіозныя движенія, возникшія въ южной Европѣ; усвоивъ ихъ себѣ, онъ покорилъ ихъ и-такъ обновилъ свои силы. До сихъ поръ одинъ протестантскій духъ блисталъ успѣхами своими на

сценѣ міра и увлекалъ за собою умы; теперь явился другой, съ высшей точки зрѣнія, можетъ быть, однородный, однако также въ высшей степени противоположный съ нимъ духъ, который съ своей стороны умѣлъ также покорить себѣ умы и воспламенить ихъ къ дѣятельности.

Прежде всего обновленная католическая система утвердила свое господство на обоихъ южныхъ полуостровахъ. Дѣло это не могло обойтись безъ суровыхъ мѣръ; съ Испанскою инквизиціею соединилась возобновленная Римская: всѣ протестантскія движенія были подавлены силою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ порывы внутренней жизни, на которые обновленный католицизмъ стремился положить оковы, въ этихъ странахъ были особенно сильны. Государи также приняли сторону Церкви.

Особенно важно было то, что могущественнѣйщій изъ всѣхъ, Филиппъ II, такъ рѣшительно преданъ былъ папству. Съ гордостію Испанца, для котораго чистый католицизмъ служилъ признакомъ благороднаго происхожденія, отвергъ онъ всѣ противоположныя этому мнѣнія; но не одни личныя убѣжденія служили основаніемъ его политическихъ поступковъ. Съ давняго времени, и въ особенности со временъ Изабеллы, королевская власть въ Испаніи отличалась духовнымъ характеромъ. Во всѣхъ провинціяхъ она подкрѣпляема была духовнымъ могуществомъ. Безъ ин-

квизиціи не возможно было управлять ими. Въ Американскихъ своихъ владѣніяхъ король являлся также распространителемъ Христіанской и католической вѣры. Этою мыслію держалъ онъ въ повиновеніи себѣ всѣ свои владѣнія. Онъ не могъ отъ нея отказаться безъ существенной опасности. Распространеніе Гугенотовъ въ южной Франціи возбудило въ Испаніи величайшія опасенія: Инквизиція сочла своею обязанностію удвоить свою бдительность. «Я увѣряю Вашу Свѣтлость,» пишетъ Венеціанскій посолъ своему правительству отъ 26 Августа 1562 г., «что для этой страны нельзя пожелать религіозныхъ движеній: слишкомъ многіе въ ней желаютъ перемѣны религіи.» Папскій нунцій думалъ, что успѣхъ тогда созваннаго собора есть дѣло не менѣе важное для королевской власти, какъ и для папской, «потому», говоритъ онъ, «что повиновеніе, которымъ пользуется король, и вся власть его управленія зависитъ отъ инквизиціи. Если она потеряетъ свое значеніе, тотчасъ начнутся возмущенія.»

Уже тѣмъ самымъ пріобрѣла южная система непосредственное вліяніе на всю Европу, что этотъ государь повелѣвалъ Нидерландами, но кромѣ того и въ другихъ государствахъ еще не все было потеряно. Императоръ, короли Французскій и Польскій, герцоги Баварскіе все еще принадлежали къ католической Церкви; повсюду еще оставались духовные государи, которыхъ охладѣвшая ревность могла

быть снова оживлена; во многихъ мѣстахъ протестантизмъ не проникъ еще въ массу народа. Большая часть сельскихъ жителей во Франціи, Венгріи и Польшѣ оставалась католическою. Парижъ, уже тогда пользовавшійся большимъ вліяніемъ на другіе города Французскіе, не увлекся новизною. Въ Англіи значительная часть дворянства и простолюдиновъ, въ Ирландіи всѣ коренные обитатели остались католиками. На Тирольскія и Швейцарскія Альпы протестантизмъ не нашелъ еще себѣ доступа, да и между Баварскими поселянами онъ не совершилъ еще большихъ успѣховъ: по крайней мѣрѣ Канизій сравниваетъ Тирольцевъ и Баварцевъ съ двумя Израильскими колѣнами, «которыя одни остались вѣрными Господу.»

Теперь папство опять стало въ такое положеніе, въ которомъ могло снова овладѣть всѣми этими странами и связать ихъ съ собою нерасторжимыми узами. Хотя оно уже преобразовало себя, но имѣло на своей сторонѣ неоцѣненную выгоду въ различныхъ внѣшностяхъ и повиновеніи ему, обратившемся въ привычку. Папамъ удалось на соборѣ, ими счастливо конченномъ, даже увеличить власть свою, которую здѣсь предполагалось ограничить, и усилить свое вліяніе на мѣстныя Церкви. Кромѣ того они оставили ту свѣтскую политику, которою приводили въ смущеніе Италію и всю Европу: съ полною довѣренностію соединились они съ Испаніею и за преданность Римской Церкви отвѣчали тѣмъ же. Италіанское го-

сударство особенно споспѣшествовало церковнымъ предпріятіямъ: избытки отъ управленія извѣстное время доставляли выгоды всей католической Церкви.

Такимъ образомъ сильные въ самихъ себѣ, подкрѣпляемые могущественными союзниками и связанною съ ихъ саномъ идеею, папы перешли отъ защищенія себя, которымъ до сихъ поръ должны были ограничиваться, къ наступательнымъ движеніямъ: разсмотрѣніе ихъ хода и послѣдствій составляетъ главнѣйшій предметъ этаго сочиненія.

Намъ предстоитъ необозримое поприще. Предпріятіе открывается вдругъ во многихъ мѣстахъ: мы должны обратить наше вниманіе на различныя страны міра.

Духовная дѣятельность является въ тѣснѣйшей связи съ политическими дѣлами; удача или неудача завоеванія происходитъ подъ вліяніемъ всеобъемлющихъ сплетеній обстоятельствъ: тѣмъ болѣе будемъ мы обращать наше вниманіе на великіе обороты всемірныхъ событій, что они часто совпадаютъ непосредственно съ послѣдствіями духовной борьбы.

Однако на общемъ мы не смѣемъ останавливаться. Духовное завоеваніе, еще менѣе свѣтскаго, можетъ быть совершено безъ пробужденія симпатіи въ покоряемыхъ. Потому-то мы должны снизойти въ

глубину потребностей различныхъ странъ, чтобы понять внутреннія движенія, содѣйствовавшія успѣху Римскихъ намѣреній.

Это множество и разнообразіе событій и проявленій жизни заставляетъ насъ опасаться невозможности обнять ихъ всѣ однимъ взглядомъ. Правда, развитіе происходитъ на сродныхъ началахъ, которыя часто только въ совокупности приводятъ къ великимъ моментамъ; но оно представляетъ въ себѣ безконечное разнообразіе явленій.

Начнемъ съ нашего отечества (Германіи), гдѣ папство впервые понесло значительныя потери, и гдѣ теперь также борьба обоихъ началъ обнаружилась съ особою силою.

Хитрое, ревностное къ религіи, проникнутое духомъ новѣйшаго католицизма общество Іезуитовъ оказало важнѣйшія и первыя услуги Римской Церкви. Представимъ же его дѣятельность.

ПЕРВЫЯ ІЕЗУИТСКІЯ ШКОЛЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

На Аугсбургскомъ сеймѣ, въ 1550 г., при Фердинандѣ I былъ духовникъ его, Урбанъ, епископъ Лайбахскій. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ прелатовъ, которые не допустили поколебать себя въ вѣрѣ. Часто восходилъ онъ дома на каѳедру, чтобъ увѣщевать народъ блюсти вѣру предковъ, чтобы проповѣдывать объ единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ. Тогда же въ Аугсбургѣ находился Іезуитъ Le Jay, успѣвшій уже снискать себѣ извѣстность нѣсколькими обращеніями къ католицизму. Епископъ Урбанъ познакомился съ нимъ и отъ него впервые услышалъ о коллегіяхъ, учрежденныхъ Іезуитами при многихъ университетахъ. Такъ какъ въ Германіи католическое богословіе было въ большомъ упадкѣ, то онъ присовѣтовалъ своему государю учредить подобную

коллегію въ Вѣнѣ. Фердинандъ взялся за это съ жаромъ: въ письмѣ, отправленномъ имъ по этому случаю къ Игнатію Лойолѣ, высказываетъ онъ свое убѣжденіе, что единственное средство поддержать падающее ученіе Церкви въ Германіи состоитъ въ томъ, чтобы доставить юному поколѣнію учителей изъ ученыхъ и благочестивыхъ католиковъ. Въ переговорахъ сошлись легко. Въ 1551 г. прибыли тринадцать Іезуитовъ, и въ числѣ ихъ Le Jay, которымъ Фердинандъ предварительно назначилъ жилище, капеллу и пенсію, пока не соединилъ ихъ съ университетомъ, съ предоставленіемъ имъ визитаціи его.

Вслѣдъ за тѣмъ явились они въ Кельнѣ. Здѣсь они жили уже года два, но не имѣли успѣха: ихъ принудили даже жить раздѣльно. Только въ 1556 г. упомянутая уже намп бурса съ протестантскимъ регентомъ доставила имъ случай занять твердое положеніе. Такъ какъ въ городѣ всегда была партія, напрягавшая всѣ усилія къ удержанію университета въ католицизмѣ, то доброжелатели Іезуитовъ успѣли передать новое заведеніе этому ордену. Къ числу этихъ доброхотовъ принадлежали пріоръ Картезіанцевъ, провинціалъ Кармелитовъ и въ особенности докторъ Іоаннъ Гропперъ, который нерѣдко давалъ обѣды, приглашалъ значительнѣйшихъ гражданъ и, по старинному Нѣмецкому обычаю, за стаканомъ вина, высказывалъ то, что у него лежало на сердцѣ. Къ счастію Іезуитовъ, въ числѣ членовъ ихъ ордена находился

Кельнскій уроженецъ, Іоаннъ Рецій, происходившій изъ рода патриціевъ и завѣдывавшій бурсою. Однако эта бурса была имъ передана не безусловно: Іезуитамъ именно запрещено было вводить здѣсь монастырскую жизнь, какъ то заведено было въ ихъ коллегіяхъ.

Въ то же время утвердились они въ Ингольштатѣ. Прежнія ихъ здѣсь попытки встрѣчали обыкновенно сопротивленіе въ молодыхъ членахъ университета, которые не хотѣли въ своемъ частномъ преподаваніи встрѣчать ограниченіе со стороны какой-нибудь привилегированной школы. Когда въ 1556 г. герцогъ, какъ сказано, принужденъ былъ сдѣлать большія уступки протестантамъ, то католическіе его совѣтники сочли необходимымъ предпринять настоятельныя мѣры для поддержанія стараго исповѣданія. Эти лица были, въ особенности, канцлеръ Wigileus Hund, человѣкъ, съ равною ревностію преданный изслѣдованіямъ и соблюденію древняго церковнаго быта, и секретарь герцога, Генрихъ Швиггеръ. Съ ихъ содѣйствіемъ Іезуиты были вновь призваны. Въ 1556 г. 7 Іюля, въ день Св. Вилибальда, прибыло ихъ осмнадцать въ Ингольштатъ: они избрали этотъ день потому, что Св. Вилибальдъ былъ первымъ епископомъ этаго діоцеза. Множество затрудненій все еще встрѣчали они въ городѣ и университетѣ: побѣдить ихъ удалось имъ мало по малу съ помощію тѣхъ же лицъ, которымъ они были обязаны своимъ призваніемъ.

Изъ этихъ трехъ митрополій Іезуиты распространились во всѣ стороны.

Изъ Вѣны, ближайшимъ путемъ, въ Австрійскія земли. Уже въ 1556 г. Фердинандъ I послалъ ихъ въ Прагу и основалъ тамъ училище (pedagogium) для дѣтей дворянскихъ. Онъ посылалъ туда даже своихъ пажей и, по крайней мѣрѣ, со стороны преданныхъ еще католицизму, дворянъ Богемскихъ, Розенберга и Лобковича. Орденъ встрѣтилъ благорасположеніе и пособія. Однимъ изъ значительнѣйшихъ мужей въ Венгріи былъ тогда Николай Олай (Olahus), архіепископъ Гранскій. Имя его уже показываетъ, что онъ былъ родомъ изъ Валахіи. Отецъ его Стойа, испугавшись убіенія одного воеводы, посвятилъ церкви сына, и назначеніе это было самое благополучное. Уже при послѣднихъ короляхъ въ отечествѣ онъ занималъ важное мѣсто секретаря: послѣ того въ службѣ Австрійской партіи онъ поднялся еще выше. При всеобщемъ упадкѣ католицизма въ Венгріи, онъ видѣлъ единственную надежду поддержать его въ простомъ народѣ, который еще не совершенно отпалъ отъ него. Только и здѣсь былъ недостатокъ въ католическихъ учителяхъ. Для приготовленія ихъ въ 1561 г. учредилъ онъ коллегію Іезуитовъ въ Тирнау и назначилъ имъ содержаніе изъ своихъ доходовъ. Императоръ Фердинандъ подарилъ для этой цѣли одно аббатство. Когда Іезуиты прибыли, въ то время созвано было духовенство этаго діоцеза, и они обратили первую свою дѣятельность къ тому,

чтобъ отклонить этихъ Венгерскихъ священниковъ отъ новаго ученія, къ которому-было они склонялись. Между-тѣмъ ихъ призвали уже и въ Моравію. Вильгельмъ Пруссиновскій, епископъ Ольмюцскій, узнавшій орденъ во время своего ученія въ Италіи, призвалъ ихъ къ себѣ. Испанецъ, Гуртадо Перецъ, былъ первымъ ректоромъ въ Ольмюцѣ. Вскорѣ встрѣчаемъ ихъ и въ Брюннѣ.

Изъ Кельна общество распространилось по всему Рейну. Въ Трирѣ, какъ сказано, протестантизмъ также нашелъ себѣ приверженцевъ и произвелъ волненіе. Архіепископъ Іоаннъ фонъ Штейнъ рѣшился противъ упорныхъ употребить легкія наказанія и непріязненнымъ движеніямъ противопоставить ученое противодѣйствіе: онъ призвалъ къ себѣ въ Кобленцъ обоихъ начальниковъ Кельнской Іезуитской школы и представилъ имъ, что желаетъ имѣть нѣсколькихъ членовъ ихъ ордена «для того,» какъ онъ выражался, «чтобы ввѣренныя ему стада держать въ повиновеніи болѣе убѣжденіемъ и ласковыми доказательствами, нежели оружіемъ и угрозами.» Онъ обратился также въ Римъ, и скоро дѣло было слажено. Изъ Рима прислано было шесть Іезуитовъ, остальные прибыли изъ Кельна. Въ 1561 г., Февраля 3 открыли они коллегію съ большимъ торжествомъ; съ ближайшаго поста́ начали проповѣдь.

Тогда оба тайныхъ совѣтника курфирста Даніила Майнцскаго, Петръ Эхтеръ и Симонъ Багенъ,

думали также, что принятіе Іезуитовъ составляетъ единственное средство къ поддержанію Майнцскаго университета. На зло сопротивлявшимся имъ канонникамъ и ландзассамъ (Landsassen) устроили они для ордена коллегію въ Майнцѣ и пріуготовительную школу въ Ашаффенбургѣ.

Все далѣе по Рейну распространялось общество. Особенно желательно было ему пріобрѣсти себѣ мѣсто въ Шпейерѣ: во-первыхъ потому, что тамъ въ числѣ ассессоровъ каммергерихта было очень много значительныхъ особъ, на которыхъ пріобрѣсти вліяніе было чрезвычайно важно; съ другой стороны, чтобъ поближе противопоставить себя Гейдельбергскому университету, который тогда славился протестантскими учителями. Мало по малу они туда проникли.

Немедленно пустились они искать счастія и по Майну. Хотя Франкфуртъ былъ городъ чисто протестантскій, однако они надѣялись и здѣсь сдѣлать свое дѣло хотя во время обѣдни. Только это было не безопасно. Чтобы не обнаружить себя, они должны были по ночамъ прятаться въ гостинницахъ. Тѣмъ спокойнѣе и пріятнѣе было имъ въ Вюрцбургѣ. Кажется, какъ будто увѣщаніе, сдѣланное императоромъ Фердинандомъ епископамъ на сеймѣ 1559 г., чтобъ они озаботились соблюденіемъ цѣлости католической Церкви, имѣло вліяніе на блестящій успѣхъ ордена въ епископствахъ. Изъ Вюрцбурга Іезуиты проникли во Франконію.

Между-тѣмъ съ другой стороны открытъ былъ имъ Тироль. По желанію дочери императора поселились они въ Инспрукѣ, а потомъ въ Галлѣ. Въ Баваріи проникали они все далѣе. Въ Мюнхенѣ, куда они прибыли въ 1559 г., было имъ удобнѣе, нежели въ Ингольштатѣ. Они назвали этотъ городъ Нѣмецкимъ Римомъ. Недалеко отъ Ингольштата явилась уже новая большая колонія. Чтобы привести Диллингенскій университетъ къ его первоначальной цѣли, кардиналъ Трухзесъ рѣшился уволить всѣхъ преподававшихъ въ немъ учителей и вполнѣ передать заведеніе Іезуитамъ. Между Нѣмецкими и Итальянскими коммиссарами, кардинальскимъ и орденскимъ, совершена по этому предмету сдѣлка въ Потценѣ. Въ 1563 г. прибыли Іезуиты въ Диллингенъ и заняли учительскія мѣста. Съ большимъ удовольствіемъ разсказываютъ они, какъ кардиналъ, который вскорѣ за тѣмъ, возвращаясь изъ путешествія, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Диллингенъ, изъ всѣхъ, явившихся къ принятію его, оказывалъ предпочтеніе Іезуитамъ, давалъ цѣловать имъ руку, привѣтствовалъ ихъ, какъ братьевъ, посѣщалъ ихъ кельи и вкушалъ съ ними пищу. Онъ покровительствовалъ имъ всѣми силами и вскорѣ образовалъ изъ нихъ миссію въ Аугсбургъ.

Успѣхъ общества въ столь короткое время необыкновенный! Въ 1551 Іезуиты не имѣли еще нигдѣ твердаго положенія въ Германіи. Въ 1566 г. распространились они уже по Баваріи и Тиролю, Франконіи и

Швабіи, по большей части Рейнскихъ земель и Австріи; въ Венгрію, Богемію и Моравію они уже проникли. Вліяніе ихъ было уже замѣчаемо: въ 1561 г. папскій нунцій удостовѣряетъ, что «они уже обратили къ себѣ многія души и оказали большую услугу святому престолу». Это было первое значительное антипротестантское вліяніе, которое почувствовала Германія.

Прежде всего трудились они по университетамъ и состязались въ этомъ случаѣ со славою протестантскихъ. Все ученое образованіе въ это время основано было на изученіи древнихъ языковъ. Іезуиты занимались ими съ такою ревностію, что вскорѣ сочтены были достойнымп стать на одну доску съ возстановителямп этаго ученія на западѣ. Они обработывали и другія науки: Францъ Костеръ преподавалъ въ Кельнѣ астрономію съ одинаковою ученостію и занимательностію; но разумѣется, главнымъ ихъ предметомъ было богословіе. Іезуиты преподавали съ прилежаніемъ, даже въ вакаціонное время. Они снова ввели упражненія въ диспутахъ, безъ которыхъ, какъ говорили они, всякое ученіе мертво: эти диспуты, которые у нихъ происходили публично, были пристойны, занимательны, умны, дѣльны и самые блестящіе изъ всѣхъ, какіе когда-либо бывали. Вскорѣ въ Ингольштатѣ убѣдились, что тамошній университетъ можетъ помѣриться съ каждымъ изъ другихъ Нѣмецкихъ, по крайней мѣрѣ въ богословіи. Ингольш-

штатъ пріобрѣлъ, хотя въ противоположномъ смыслѣ, такое же вліяніе, какимъ пользовались Виттенбергъ и Женева.

Не менѣе заботливости прилагали Іезуиты къ Латинскимъ школамъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ намѣреній Лайнеца было отыскать хорошихъ учителей для низшихъ классовъ грамматики. Первыя впечатлѣнія, испытываемыя человѣкомъ, играютъ важнѣйшую роль въ продолженіи всей его жизни: отъ того Лайнецъ старательно отыскивалъ людей, которые бы, принявъ на себя разъ эту ограниченную учительскую должность, посвятили ей всю свою жизнь, потому-что только время доставляетъ опытность и естественный авторитетъ въ этомъ трудномъ предметѣ. Успѣхъ Іезуитовъ въ этомъ отношеніи былъ удивительный. Въ продолженіи полугода юноши научались у нихъ столько же, сколько у другихъ въ два почти года: даже протестанты взяли обратно дѣтей своихъ изъ оглаленныхъ гимназій и передали ихъ Іезуитамъ.

За-тѣмъ слѣдовали школы для бѣдныхъ, обученіе дѣтей, катихизація. Конизій сочинилъ катихизисъ, который искусною связію вопросовъ и отвѣтовъ удовлетворялъ совершенно потребности учащагося.

Въ томъ самомъ набожно-фантастическомъ духѣ, которымъ отличался Іезуитскій орденъ съ самаго начала, производимо было теперь это обученіе. Первымъ

ректоромъ въ Вѣнѣ былъ Испанецъ Іоаннъ Викторія, который разъ въ Римѣ свое вступленіе въ общество выражалъ тѣмъ, что во время увеселеній карнавала, одѣвшись мѣшкомъ, ходилъ по улицѣ Корзо и бичевался до того, что кровь текла изъ него со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ и въ Вѣнѣ дѣти, посѣщавшія Іезуитскія школы, стали отличаться тѣмъ, что въ постные дни отказывались отъ запрещенной пищи, которою пользовались ихъ родители. Въ Кельнѣ опять считалось честію носить розарій. Уже въ 1560 г. Ингольштадтскіе юноши покорно совершали странствованіе изъ Іезуитской школы въ Эйхштетъ, чтобы при конфирмаціи быть подкрѣпленными «росою, капавшею изъ гроба Святаго Вальпургиса.» Проповѣдію и исповѣдью это направленіе распространилось изъ школъ и на весь народъ.

Такія явленія едва ли повторяются гдѣ-либо во всемірной исторіи.

Когда какое нибудь новое духовное движеніе овладѣваетъ людьми, это происходитъ или въ слѣдствіе могущественнаго личнаго вліянія, или неотразимой силы новыхъ идей. Здѣсь дѣйствіе произошло безъ значительныхъ духовныхъ причинъ. Іезуиты были учены и по-своему благочестивы; но никто не можетъ сказать, чтобъ ихъ наука основана была на свободномъ настроеніи духа, чтобы набожность ихъ про-

истекала изъ глубины и простоты души. Они были столько учены, что въ состояніи были пріобрѣсти славу, возбудить къ себѣ довѣріе, приготовить и привязать къ себѣ учениковъ: далѣе не стремились. Ихъ благочестіе не только защищаетъ ихъ отъ нравственнаго упрека, но является извнѣ положительнымъ и тѣмъ болѣе не подверженнымъ сомнѣнію: этаго для нихъ достаточно. Ни ученіе, ни благочестіе ихъ не движутся свободнымъ или какимъ-нибудь новымъ путемъ; но отличительную черту въ нихъ составляетъ строгая метода. Все здѣсь расчитано, все имѣетъ цѣль. Такаго соединенія ограниченной науки и неутомимой ревности, ученія и убѣжденій, пышности и самоотверженія, распространенія по всему міру и соблюденія единства въ направленіи ни прежде, ни послѣ ни бывало въ мірѣ. Они были люди прилежные и мечтательные, хитрецы и энтузіасты, люди любезные, съ которыми охотно сближались, не смотря на недостатокъ въ нихъ личныхъ достоинствъ, люди, всегда поддерживавшіе другъ друга. Не удивительно, если они имѣли успѣхъ.

Мы, Нѣмцы, должны присоединить къ этому еще особое разсмотрѣніе. Папское богословіе у насъ, какъ сказано, погибло. Іезуиты явились для возстановленія его. Кто же были Іезуиты, когда они къ намъ прибыли? Это были Испанцы, Итальянцы, Нидерландцы. Долго ордена ихъ не знали по имени и называли его членовъ Испанскими священниками. Они заняли ка-

ѳедры и нашли учениковъ, которые приняли ихъ ученіе. Отъ Нѣмцевъ Іезуиты ничего не заняли: ихъ ученіе и законы были готовы уже прежде появленія ихъ здѣсь. Вообще на успѣхъ этаго ордена мы можемъ смотрѣть, какъ на новое вліяніе Романской Европы на Германскую. На Нѣмецкой почвѣ, въ нашей родинѣ, Іезуиты побѣдили насъ и оторвали у насъ часть отчизны. Безъ сомнѣнія это произошло и отъ того, что Нѣмецкіе богословы не сошлись между собою, не были довольно высоки для того, чтобы терпѣть другъ въ другѣ маловажныя противорѣчія. Мнѣнія раздѣлились въ крайности: борьба ихъ происходила съ безразсудною дикостію такъ, что привела въ заблужденіе не вполнѣ еще убѣжденныхъ и тѣмъ проложила дорогу этимъ чужеземцамъ, которые умно расположеннымъ, до мелочей развитымъ, не оставлявшимъ мѣста никакому сомнѣнію ученіемъ умѣли съ своей стороны покорить умы.

Отъ Редакціи Современника. Всѣ помѣщенныя здѣсь три историческія статьи (*Положеніе протестантизма въ* 1563 *году*, *Силы папства послѣ Тридентинскаго собора* и *Первыя Іезуитскія школы въ Германіи*, заимствованы нами изъ приготовляемаго къ печати сочиненія профессора *Леопольда Ранке*: Римскіе Папы, ихъ Церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Переводомъ всѣхъ историческихъ сочиненій Ранке занимается у насъ молодой Ученый, образовавшійся въ Санктпетербургскомъ

Университетѣ, и первымъ трудомъ своимъ занявшій уже почетное мѣсто между современными Литераторами, *В. Н. Вельбрехтъ*. При разборѣ новыхъ книгъ въ семъ томѣ Современника мы дали отчетъ о той части перевода г. Вельбрехта, которую онъ напечаталъ подъ такимъ же названіемъ: *Римскіе Папы, ихъ Церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ*. Тамъ подробно изложили мы, какіе предметы входятъ въ новую часть перевода, теперь оконченную, и что заключается въ прочихъ историческихъ трудахъ Ранке. Нельзя безъ удовольствія и благодарности смотрѣть на предпріятіе молодаго человѣка, избравшаго столь знаменитаго автора цѣлію первыхъ трудовъ въ Литературѣ. Ранке столько же глубокомысленно входитъ въ соображеніе событій, сколько представляетъ и подробностей въ ихъ изложеніи. Вотъ, на прим., его коротенькое вступленіе, въ которомъ онъ обобщаетъ идею всѣхъ трехъ статей, нами здѣсь помѣщенныхъ. «Одна изъ труднѣйшихъ задачъ въ исто«ріи каждаго народа состоитъ въ томъ, чтобы по«нять связь его частныхъ отношеній со всеобщими. «Особенная жизнь развивается, правда, по внутрен«нимъ своимъ законамъ, на свойственной ей духов«ной почвѣ, и самобытно совершаетъ свое вѣковое «движеніе; но въ этомъ развитіи также непрестанно «испытываетъ она могущественное вліяніе всеобщихъ «причинъ. Можно сказать, что характеръ современной «Европы заключается въ этой противоположности. Го«сударства, народы навѣки разлучены другъ съ дру-

«гомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пребываютъ въ неразстор-
«жимомъ общеніи. Нѣтъ мѣстной исторіи, въ которой
«всеобщая не играла бы важной роли. Такъ необхо-
«дима въ себѣ самой, такъ всеобъемлюща послѣдо-
«вательность вѣковъ, что часто даже могущественнѣй-
«шее государство является только лишь членомъ въ
«общей системѣ и при томъ совершенно покорнымъ
«судьбамъ ея. Кто когда-либо пытался представить
«себѣ вполнѣ весь ходъ исторіи какаго-либо народа,
«безъ произвола и самообольщенія съ своей стороны,
«тотъ вѣрно понимаетъ затрудненія, отсюда происте-
«кающія. Въ отдѣльныхъ моментахъ развитія частной
«жизни мы замѣчаемъ различныя проявленія всемір-
«ныхъ судебъ. Но эти затрудненія удвояются, когда
«какое-нибудь государство возбуждаетъ, какъ не рѣд-
«ко случается, всемірное движеніе и представляетъ въ
«себѣ по-преимуществу дѣйствующее начало. Оно
«принимаетъ тогда столь дѣятельное участіе въ дѣлахъ
«общественныхъ, оно становится въ столь живыя от-
«ношенія ко всѣмъ силамъ міра, что исторія его по-
«лучаетъ характеръ всеобщій. Въ такомъ положеніи
«было теперь папство послѣ Тридентинскаго собора.
«Потрясенное въ самыхъ нѣдрахъ, подрытое въ осно-
«ваніяхъ своего бытія, оно съумѣло поддержать и
«обновить себя. Оно истребило уже всѣ враждебныя
«предпріятія на обѣихъ южныхъ полуостровахъ и
«снова привлекло къ себѣ и проникло элементы жиз-
«ни. Теперь вознамѣрилось оно опять покорить себѣ
«отпадшихъ въ другихъ частяхъ міра. Еще разъ

«Римъ явился завоевателемъ: проекты, предпріятія, «созидавшіеся на этихъ семи холмахъ въ древнія вре«мена и въ средніе вѣки, возобновились. Слишкомъ «мало были бы мы знакомы съ исторіею обно«вленнаго папства, если бъ остановились въ его «средоточіи. Только въ дѣйствіи его на міръ откры«вается его существенное значеніе.» Кромѣ силы мыслей и обширности знанія, сколько у автора добросовѣстности въ расказѣ о событіяхъ: онъ ни одной черты не вноситъ въ него, не указывая на источникъ, изъ котораго ее заимствуетъ. Мы, для сбереженія мѣста въ журналѣ нашемъ, съ сожалѣніемъ должны были обнажить страницы выше напечатанныхъ статьей перевода г. *Вельбрехта* отъ этаго густаго и роскошнаго убранства необъятной учености. Между-тѣмъ, по долгу справедливости, почитаемъ за обязанность предупредить читателей, чтобы они съ книгою г. *Вельбрехта* не смѣшивали книги г. *Савельева*, который подъ этимъ же названіемъ публиковалъ на-дняхъ собраніе статей частію собственныхъ, частію заимствованныхъ изъ Нѣмецкаго писателя, не обозначивъ обстоятельно, что это не та славная книга, которую Ранке и нашъ отчетливый его переводчикъ г. Вельбрехтъ прежде него назвали тоже: *Римскіе Папы, ихъ Церковь и проч.*

ПОВѢСТИ И РАСКАЗЫ.

СЕМЕЙСТВО,

или

ДОМАШНІЯ РАДОСТИ И ОГОРЧЕНІЯ.

Отъ Корреспондента Современника. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ и вмѣстѣ самыхъ пріятныхъ явленій современной Европейской Литературы составляютъ романы Шведской писательницы, дѣвицы Фредерики Бремеръ. Они и по содержанію своему и по духу и направленію рѣшительно противоположны произведеніямъ новѣйшей школы романистовъ, которая ведетъ начало свое изъ Франціи и вездѣ какъ бы заразила литературную атмосферу тлетворнымъ запахомъ труповъ: это школа терроризма. Романы и повѣсти дѣвицы Бремеръ носятъ общее заглавіе «Очерковъ изъ ежедневной жизни», и будучи основаны на явленіяхъ семейнаго быта, чрезвычайно просты какъ по содержанію, такъ и по изложенію. Фредерика Бремеръ мастерскою кистью рисуетъ то плѣнительныя, то мрачныя, но всегда проникнутыя исти-

ною картины изъ жизни семейной, и потому не только доставляетъ своимъ читателямъ высокое эстетическое наслажденіе, но и поучаетъ ихъ разительными примѣрами изъ той области бытія, къ которой каждый принадлежитъ отъ самаго рожденія. Расказъ, исполненный естественности, живости и граціи, удивительная вѣрность въ подробностяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательная завязка, увлекательное развитіе событій: вотъ что пріобрѣло романамъ Фредерики Бремеръ обширный кругъ читателей въ Европѣ. Но всего выше въ нихъ та кроткая, истинно-Христіанская философія, которая своимъ благотворнымъ дыханіемъ наполняетъ весь ихъ составъ и живитъ каждое слово. Видно, что сочинительница много не только наблюдала, но сама чувствовала и жила, пока достигнула до этой глубочайшей, но вмѣстѣ и простѣйшей мудрости житейской. Всѣ эти качества соединены, можетъ быть, всего счастливѣе въ томъ изъ романовъ Фредерики Бремеръ, который называется: «Семейство (Hemmet)». Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ ея произведеній онъ переведенъ уже на Нѣмецкій языкъ и принятъ въ Германіи съ восторгомъ; мы слышали, что этотъ переводъ и въ Петербургѣ доставилъ сочинительницѣ многочисленныхъ почитателей.

По-этому Русская публика конечно будетъ благодарна молодой любительницѣ Литературы, которая, будучи коротко знакома съ Шведскимъ языкомъ, рѣшилась перевести «Семейство» на Русскій языкъ. Та-

кимъ образомъ одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній женскаго пера на нашу отечественную почву пересажено будетъ женскою же рукою, отъ чего безъ сомнѣнія переводъ тѣмъ вѣрнѣе сохранитъ настоящія краски и всю нѣжную прелесть подлинника. Для читателей Современника, которые первые будутъ знакомиться съ талантомъ, столько же оригинальнымъ, какъ и пріятнымъ, мы приготовили, какъ по-справедливости надѣемся, удовольствіе и благородное и неожиданное.

Нельзя при этомъ случаѣ удержаться отъ одного замѣчанія. Во всѣхъ странахъ Европы женщины чаще и чаще являются на поприщѣ Литературы и по большой части съ заслуженнымъ отличіемъ. Намъ не нужно искать тому примѣровъ далеко: наша современная библіографія лучшій свой блескъ заимствуетъ, можетъ быть, отъ именъ дамскихъ. У сосѣдей нашихъ, Шведовъ, сверхъ дѣвицы Бремеръ, еще двѣ дамы (Кнорингъ и Флюгарѐ) не безъ успѣха обрабатываютъ ту же отрасль Литературы. Имена нѣкоторыхъ Англійскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ писательницъ произносятся цѣлою Европою. Такимъ образомъ кажется, будто въ нашъ вѣкъ высокое вліяніе женщины на Европейское общество, вліяніе, сообщенное ей Христіанствомъ и впервые рѣзко выразившееся въ рыцарствѣ, начинаетъ новую эпоху силы своей, вступая въ новый кругъ дѣйствія. Болѣе и бо-

лѣе исчезаетъ общественный предразсудокъ, который всѣ права женщины долго ограничивалъ красотою и любезностію, а всѣ ея обязанности надзоромъ за хозяйствомъ и дѣтьми. Теперь женщина уже выходитъ, иногда, хотя еще съ робостью, изъ тѣсныхъ предѣловъ салона, дѣтской и кухни. Уже ей не отказываютъ въ правѣ развивать въ себѣ всѣ человѣческія способности, позволяютъ наравнѣ съ нами искать въ наукѣ способовъ къ самоусовершенію и свободно употреблять слово на пользу или наслажденіе другихъ.

Мы смѣемъ однако же думать, что и въ Литературѣ лучшимъ призваніемъ женщины остается та дѣятельность, которая всего ближе къ ея прямому назначенію въ дѣйствительной жизни: воспитаніемъ утверждать основу будущихъ поколѣній. Удивляемся дамскому таланту, который счастливымъ творчествомъ или пзящнымъ словомъ очаровываетъ душу и слухъ; но глубоко уважаемъ писательницу, которая свой даръ, свои труды и бдѣнія посвящаетъ благу человѣчества, которая матерямъ семейства, не столь щедро надѣленнымъ природою или судьбою, подаетъ новыя средства къ воспитанію и объясняетъ имъ тайны его. Мы смѣемъ думать, что какъ умственное воспитаніе рода человѣческаго всегда было плодомъ ума мужскаго, такъ нѣкогда нравственное его воспитаніе, которымъ первое должно увѣнчаться, довершено будетъ женщиною. Первая наставница человѣка въ се-

мействѣ будетъ, можетъ быть, послѣднею воспитательницею человѣчества.

Отъ Редакціи. Мы для Журнала нашего ограничились бы нѣсколькими Отрывками Романа дѣвицы Бремеръ, если бы занимательность сочиненія не была принадлежностію цѣлаго. Это заставляетъ насъ послѣдовательно представлять читателямъ Современника всѣ Сцены или Главы Романа. Для новыхъ въ 1843 году подписчиковъ на Современникъ Редакція его приготовитъ особые оттиски Главъ, напечатанныхъ въ 1842 г., которыя по желанію читателей будутъ изъ нея немедленно высылаемы къ нимъ безденежно, лишь только Редакція получитъ ихъ требованія и адресы.

УТРЕННІЙ СПОРЪ И ВЕЧЕРНЯЯ РАЗМОЛВКА.

— Другъ мой, тебѣ рѣшительно не стоитъ читать вслухъ; ты безпрестанно зѣваешь и оглядываешься то на одну, то на другую сторону — сказалъ немного обиженнымъ тономъ Лагманъ * Франкъ. Онъ положилъ на столъ сочиненіе Іереміи Бентама и всталъ.

«Милый, прости мнѣ! но вѣдь эти прекрасныя разсужденія такъ сухи, и я думала о... Послушай, Бригитта...» Элиза Франкъ подозвала къ себѣ старую няню и начала шептать ей что-то на ухо.

Между-тѣмъ Лагманъ, видный, здоровый мущина лѣтъ сорока, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

* Названіе особой должности въ Шведской гражданской службѣ.

Вдругъ онъ остановился въ раздумьѣ передъ стѣной, и когда переговоры хозяйки съ прислужницей кончились, онъ сказалъ: — Что, душа моя, если бы мы прорубили здѣсь дверь (это было бы очень легко, потому-что стѣна не капитальная)? Тогда бы намъ можно было ходить въ спальню, не проходя черезъ гостиную и дѣтскую; это было бы прекрасно. —

«А куда бы мы дѣвали тогда софу?» отвѣчала Элиза съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Софу? Ее бы стоило только отодвинуть подальше. Тамъ ей было бы очень просторно. —

«Но подумай: изъ двери такъ дуло бы, что невозможно бы сидѣть...»

— Ну вотъ! у тебя вѣчно неудобства и затрудненія. Уже ли ты сама не видишь, какъ бы удобно было имѣть здѣсь дверь? —

«Нѣтъ! откровенно сказать, я нахожу, что гораздо лучше оставить все такъ, какъ есть!»

— Таковы всѣ женщины. Никогда не хотятъ потревожить себя, чтобы устроиться лучше и покойнѣе; все хорошо, безподобно такъ, какъ есть, до тѣхъ поръ, пока другіе не похлопочутъ за нихъ; тогда у нихъ вдругъ откроются глаза, и онѣ восклицаютъ: ахъ,

какъ теперь хорошо, какъ прелестно! Женщины принадлежатъ рѣшительно къ партіи приверженцевъ старины.—

«А мущины къ партіи нововводителей, по крайней мѣрѣ, по части строительной и разрушительной!»

Эта фраза была сказана въ-шутку; но слово «разрушительной» придало ей какую-то горечь и побудило Лагмана отвѣчать на выходку противъ мущинъ тономъ немного рѣзкимъ: — Правда, они не боятся ничтожнаго труда, когда онъ можетъ доставить большія выгоды. Однако будетъ ли намъ сегодня завтракъ? Уже болѣе четверти десятаго, а онъ все не является. Какъ это скучно, Элиза, что ты не можешь пріучить своихъ служанокъ къ аккуратности! Нѣтъ ничего убійственнѣе, какъ терять время въ ожиданьѣ, а между-тѣмъ какъ легко пособить этому, если только твердо захочешь. Право, жизнь такъ коротка! нельзя же убивать половину ея въ ожиданіи! Вотъ уже двадцать пять минутъ десятаго! А дѣти также еще не готовы? Ради Бога, Элиза...—

«Я сейчасъ пойду, посмотрю!» сказала Элиза и побѣжала.

Было Воскресенье. Іюньское солнце освѣщало большую веселую комнату и ярко сіяло на бѣлой какъ снѣгъ скатерти, которая въ легкихъ складкахъ

спадала съ овальнаго стола, гдѣ стоялъ красивый кофейный приборъ. Лагманъ съ разстроеннымъ видомъ приблизился къ столу; но лице его вдругъ прояснилось, когда вошелъ человѣкъ, о которомъ молодыя женщины непремѣнно сказали бы при первомъ взглядѣ: «какой уродъ!» но который бы вѣрно остановилъ на себѣ вниманіе физіономиста. Онъ былъ высокъ, необыкновенно худъ и держался нѣсколько на бокъ; лице его было смугло, черты благородны, но обезображены угрюмой миной, которая изрѣдка уступала мѣсто улыбкѣ необыкновенно пріятной. Глубокія складки часто покрывали лобъ, подъ которымъ сверкали большіе темнокаріе выразительные глаза, а надъ нимъ возвышался лѣсъ черныхъ курчавыхъ волосъ, гдѣ какъ будто жили хандра и парадоксы; они, казалось, нашли себѣ прибѣжище и въ многозначительныхъ морщинахъ, прорѣзавшихъ лице; но ни острые углы этихъ морщинъ, ни рѣзкость рѣчей и голоса не могли скрыть выраженія глубокаго добросердечія, которое наложило свою печать на все въ Ассесорѣ Іереміи Мунтерѣ. Такъ въ суковатомъ дубѣ благотворный сокъ питаетъ жесткія упорныя вѣтви, и изъ нихъ выходятъ зеленые листья.

«Здравствуй, братецъ!» сказалъ Лагманъ радостно и протянулъ руку входящему; «каково поживаешь?»

— Худо! отвѣчалъ угрюмый, да и можетъ ли быть иначе? Какая у насъ погода! холодно какъ въ

серединѣ зимы! Да и что за люди на свѣтѣ! и жалко и стыдно. Я сегодня такъ разсердился, что... Читалъ ты злую статью противъ тебя въ *** газетѣ?—

«Нѣтъ! я не получаю этаго листка, но слышалъ про статью. Вѣдь это, кажется, критика на мое сочиненіе: *О призрѣніи бѣдныхъ въ *** области?*»

— Не знаю, какъ сказать: да или нѣтъ! Замѣчательно то, что о самомъ сочиненіи почти не упоминается; все только однѣ личности; на всякомъ словѣ низкіе намеки, грубыя насмѣшки! —

«Я это слышалъ, а потому-то и не желаю читать статьи.»

— А слышалъ ли ты, кто ее написалъ? —

«Нѣтъ, да и не хочу знать.»

— Однако ты узнаешь, потому-что всякой долженъ знать своихъ враговъ. Это N. Мнѣ бы хотѣлось прописать ему рвотный порошокъ, чтобъ онъ отвѣдалъ собственную свою желчь. —

«Какъ? тотъ самый N, который живетъ противъ насъ и къ которому недавно пріѣхала дочь, бѣдная дѣвочка безъ матери?»

— Именно! Ты непремѣнно долженъ прочитать это произведеніе, хоть въ видѣ вкусной приправы къ твоему завтраку. Смотри, вотъ оно! я взялъ листокъ съ собой. Я слышалъ, что его хотѣли послать сегодня твоей женѣ: вѣдь родятся же такіе уроды на свѣтѣ! Но гдѣ же хозяйка сегодня? Ахъ, да вотъ она идетъ. Здравствуйте, миледи Элиза! и какъ вы прелестны въ утреннемъ нарядѣ! но отъ чего такія блѣдныя? Охъ, охъ, охъ, какъ это не хорошо! А что я вамъ все твержу и проповѣдую? Движеніе, чистый воздухъ; безъ того не поможетъ никакое лекарство. Но моимъ проповѣдямъ не вѣрятъ —и такъ прощайте, честные господа. А гдѣ моя табакерка? никакъ подъ газетами? Ужъ эти проклятыя газеты! всѣмъ и всему отъ нихъ достается; даже мою табакерку не могутъ оставить въ покоѣ. Прощайте, фру * Элиза! прощай, Франкъ! Ахъ, да смотрите пожалуста, какъ онъ сидитъ и читаетъ: какъ будто ничего не бывало, какъ будто это совсѣмъ его не касается!.. А теперь еще и смѣется; добраго аппетита, друзья!—

«Позавтракайте съ нами! сказала Элиза ласковымъ голосомъ. Мы васъ попотчуемъ свѣжимъ домашнимъ хлѣбомъ.»

—Благодарю покорно! Я не охотникъ ни до чего домашняго; оно никогда не удается, хоть имъ и хва-

Fru — госпожа.

стаютъ. Дома испечено, дома сварено, дома изготовлено! звучитъ-то оно очень привлекательно, а въ сущности никуда не годится. —

«Попробуйте: можетъ быть, сегодня и годится! Вотъ и мадамъ Фолетъ явилась на столъ. Вы непремѣнно должны принять отъ нея чашку кофею.»

— Что? что такое? Какая это глупая мадамъ должна дать мнѣ чашку кофею? Я не люблю старыхъ бабъ, а особенно, когда онѣ въ-добавокъ очутятся на кофейномъ столѣ. —

«Мы называемъ мадамъ Фолетъ этотъ круглый кофейникъ. Уже ли вы его не любите?»

— Къ чему его такъ называть? Что за глупая шутка? —

«Это дѣтская выдумка. Одна бѣдная вдова этого имени, которую я разъ подчивала кофеемъ, воскликнула при видѣ своего любимаго напитка: «когда я вижу кофейникъ, мнѣ кажется, будто я вижу божество.» Дѣти это слышали и открыли большое сходство между фигурой мадамъ Фолетъ и этимъ кофейникомъ, который съ тѣхъ поръ и слыветъ подъ ея именемъ. Дѣти особенно жалуютъ его, потому-что онъ каждое воскресенье поутру разливаетъ имъ кофей.»

— Зачѣмъ дѣтямъ давать кофей? Развѣ изъ опасенія, чтобъ они не слишкомъ растолстѣли, или чтобъ, какъ можно раньше, сжечь имъ внутренность? Ваша Петрея и то ужъ настоящая спичка. Я и безъ того ее не очень люблю, а когда она еще сдѣлается кофейницей, то...—

«Вы сегодня совсѣмъ не въ-духѣ, добрый Мунтеръ!»

— Не въ-духѣ? Это правда, фру Элиза; да я не знаю, отъ чего бы мнѣ и быть въ-духѣ. Вотъ еще вашъ стулъ разорвалъ мнѣ фалду. Хорошо ли это? вѣдь и это домашнее издѣліе? Нѣтъ, лучше скорѣе убраться, если только ваши двери—не домашней ли онѣ работы? пропустятъ меня.—

«Не придешь ли ты отобѣдать съ нами?»

— Нѣтъ, благодарю. Я уже отозванъ, да еще въ этомъ же самомъ домѣ.—

«Вѣрно къ гофмаршальшѣ В**?»

— Нѣтъ, чортъ возьми! Я терпѣть не могу этой старой вѣдьмы. Она вздумала мнѣ мораль читать. Слышите? мнѣ читать мораль. Да мнѣ бы самому хотѣлось ей почитать мораль. Къ-тому же у нея несчастная собаченка, Пиррусъ или Пирръ, что ли? ко-

торую мнѣ бы хотѣлось убить. Къ довершенію всего она ужасно худа, а я не люблю худощавыхъ людей, а еще болѣе сухопарыхъ бабъ! —

«Въ самомъ дѣлѣ? А знаете ли, какіе слухи носятся про васъ и про старую бѣдную мамзель Раскъ?»

— Про эту старую колдунью? Ну, что же злые языки говорятъ объ ней и обо мнѣ? —

«То, что вы на-дняхъ встрѣтились съ нею на вашей лѣстницѣ, когда она карабкалась въ свою комнату и кряхтя жаловалась на высоту лѣстницы и слабость груди. Злые языки говорятъ, что вы тогда чрезвычайно вѣжливо подали ей руку, бережно повели ее наверхъ и оставили не прежде, какъ у самыхъ ея дверей, а потомъ послали ей фунтъ грудныхъ пастилокъ и...»

— И вы думаете, что это сдѣлалъ я для нея? Очень ошибаетесь; я сдѣлалъ это для того, чтобы старая вѣдьма не споткнулась и не пздохла на моей лѣстницѣ, и чтобы мнѣ послѣ не пришлось шагать черезъ ея безобразное тѣло. Иначе бы я ее ни за что на свѣтѣ не потащилъ наверхъ, увѣряю васъ. Я обѣдаю сегодня у мамзель Бернлесъ. Вотъ эта такъ умная женщина, да и ея Лаура премилая дѣвочка. Ну, вотъ и вся дѣтская орда высыпала. Мое почтеніе, сестрица

Луиза! А, вотъ и Фанничка! Она не боится «гадкаго старичишки» — благословп ее Богъ! Вотъ тебѣ карамель, душенька! А малютка * смотритъ настоящимъ херув... Что это, она не на меня ли морщится? Тогда я поскорѣе уберусь, потому-что ненавижу дѣтскій крикъ. Оборони Боже! Я воображаю, что это также принадлежитъ къ домашнимъ пріятностямъ: не домашняя ли это музыка? Домашнее печенье, домашнее издѣліе, домашняя музыка... У — у!!! —

Ассесоръ побѣжалъ къ дверямъ, Лагманъ засмѣялся, малютка замолчала при видѣ кренделя, сквозь который братъ Генрихъ, будто въ лорнетку, смотрѣлъ на нее. Дѣти прыгая тѣснились около стола.

«Тихонько, тихонько, милыя дѣточки, не шумите такъ! Погодп, Петрея! на хотѣнье есть терпѣнье. Не хватай такъ, Фанничка Развѣ маменька такъ дѣлаетъ? Посмотри на меня.» Такимъ образомъ мать кротко унимала дѣтей, приготовляя имъ завтракъ съ помощію старшей дочери, степенной Луизы. Отецъ съ довольнымъ видомъ ходилъ вокругъ стола. гладилъ дѣтокъ по головѣ и тихонько бралъ ихъ волосы. «Надобно бы было всѣхъ васъ остричь вчера» сказалъ онъ, «у Фанни выросъ такой парикъ, что личико

Въ Шведскихъ семействахъ самыя маленькія дѣти называются обыкновенно словами: Lillus въ муж. родѣ, и Lillan въ женскомъ (маленькій). Въ Русскомъ переводѣ Lillan замѣнено словомъ «малютка.»

чуть видно; поцѣлуй папу, дурочка! Завтра поутру я съ тебя сниму парпкъ!»

— И у меня, и у меня также, папа!» кричали всѣ дѣти.—

«Хорошо, хорошо, я васъ всѣхъ обрѣю!» отвѣчалъ отецъ. Всѣ смѣялись, а малютка въ испугѣ прижала свою бѣлокурую головку къ груди матери. Отецъ приподнялъ ее тихонько и поцѣловалъ прежде ее, потомъ мать.

— Положи сахару папѣ, сказала Элиза; смотри, онъ подаетъ тебѣ чашку! — Малютка улыбнулась, положила сахару въ чашку, и мадамъ Фолетъ весело начала гулять кругомъ.

А мы оставимъ мадамъ Фолетъ, домашній хлѣбъ, семейный завтракъ и утреннее солнце — и перейдемъ къ вечерней лампѣ, при свѣтѣ которой Элиза пишетъ

Къ Сесиліи.

«Я хочу описать тебѣ всѣхъ моихъ дѣточекъ, которыя, сейчасъ только отужинавъ, отправились на покой въ мягкія свои постельки. Ахъ! если бъ я могла написать хорошій портретъ, въ настоящемъ смыслѣ портретъ, моего Генриха, моего первенца, моего лѣтняго цвѣтка, какъ я его называю, потому-что онъ

родился въ Ивановъ день, въ лѣтнюю пору моей жизни и моего счастія! Но только кисть Корреджіо могла бы передать эти прекрасные, живые, голубые глаза, эти золотые кудри, этотъ прелестный ротикъ, все это невинное, чудное личико. Отъ него такъ и вѣетъ добродушіемъ и веселостью; но живость его обнаруживается иногда не совсѣмъ граціозно въ его рукахъ и ногахъ, которыя рѣдко успокоиваются. Одиннадцатилѣтній мой сынокъ, можно сказать, очень, или даже, какъ отецъ его говоритъ, слишкомъ рѣзовъ. Но не смотря на эту чрезмѣрную рѣзвость, въ немъ есть какая-то нѣжная чувствительность, которая часто заставляетъ меня опасаться за его будущность. Да хранитъ Господь моего любимца, мою радость, моего единственнаго сына! О, какъ я его люблю! Эрнстъ часто предостерегаетъ меня противъ излишняго пристрастія къ этому ребенку, и потому я разстаюсь съ портретомъ № 1 и перехожу къ —

№ 2.

Посмотри теперь на пчелку-царицу, на нашу старшую дочь, которой недавно минуло десять лѣтъ. Представь себѣ маленькую, степенную, бѣлокурую дѣвочку, съ круглымъ, не красивымъ, но пріятнымъ лицемъ, на которомъ надѣюсь со-временемъ изгладить нѣсколько угрюмое выраженіе. Она необыкновенно прилежна, молчалива и порядочна; ласкова къ своимъ меньшимъ сестрамъ, но любитъ давать имъ наставленія

и особенно соблюдать въ отношеніи къ нимъ достоинство старшей сестры, за что малютки называютъ ее иногда «министръ юстиціи» и т. п. Мнѣ кажется, что моя Луиза будетъ изъ тѣхъ людей, которые тихо и твердо, а потому и счастливо проходятъ жизненный путь.

№ 3.

Говорятъ, что моя девятилѣтняя Фанни будетъ очень походить на мать свою. Я надѣюсь, что изъ нея выйдетъ настоящее «роскошное изданіе.» Теперь ты видишь въ ней полненькую, круглую какъ шарикъ фигурку, которая свободно перекатывается съ мѣста на мѣсто, смѣясь и играя; прихотливыя, но скорѣе дурныя, нежели красивыя, черты лица озарены прекрасными, кроткими темно-голубыми глазами. Равно чувствительна къ горю и къ радости, ласкова, добродушна, лакома, страстно любя гостей и новыя платья, куклы и забавы, маленькая Фанни любимица сестеръ и домашнихъ, лучшій другъ и — въ играхъ — неизмѣнный товарищъ своего брата.

№ 4.

№ 3 и 4 не такъ-то любятъ другъ друга. Бѣдная Леонора часто хворала въ дѣтствѣ, и это обстоятельство—я думаю—болѣе, нежели природа, сообщило ей неровный, вспыльчивый нравъ и заронило въ

ея душу сѣмя зависти къ болѣе счастливымъ сестрамъ. Въ глубокомъ чувствѣ нѣтъ недостатка, но умъ лѣнивъ и ей чрезвычайно трудно учиться — чему бы ни было. Граціи нѣтъ въ ней ни малѣйшаго слѣда, скорѣе можно бы замѣтить противное. Ротъ ея, уже въ скучномъ періодѣ молочныхъ зубовъ, часто открывается для учтивой фразы: «оставьте меня въ покоѣ!» Бѣдняжка непремѣнно будетъ дурна; за то, я надѣюсь, она, при благословеніи Божіемъ, будетъ добра и счастлива. «Ахъ ты, моя миленькая дурнышка», говорю я ей иногда, нѣжно прижимая ее къ сердцу. Такимъ образомъ я хочу уже заранѣе примирить ее съ судьбою.

№ 5.

А какъ-то судьба поступитъ съ носомъ моей Петреи? До сихъ поръ это самая замѣчательная принадлежность ея маленькой персоны. Если бы онъ не былъ такъ великъ, она была бы хорошенькая дѣвочка. Мы надѣемся, что она вростетъ въ него. Она очень жива и показываетъ склонность почти ко всему и хорошему и дурному; любопытна, неугомонна, ужасно рѣзва и имѣетъ опасную слабость выказывать себя и обращать на себя вниманіе. Творческая жизнь обнаруживается въ ней разрушительнымъ образомъ. Впрочемъ у нея доброе сердце, и она готова отдать все, что имѣетъ. Когда дѣло идетъ о шалостяхъ, она охотно присоединяется къ Генриху и Фанни, если имъ угодно принять ее въ товарищи,

и когда эти трое шепчутся, то напередъ можно быть увѣреннымъ, что безъ проказъ не обойдется. Въ ней уже теперь такъ много безпокойства, что я опасаюсь за всю ея будущность. Но я заблаговременно пріучу ее обращаться къ Тому, Кто и безпокойство можетъ обращать въ спокойствіе.

№ 6.

Теперь перейдемъ къ баловню всего дома, къ самому младшему, къ прелестнѣйшему изъ нашихъ дѣтей, къ малюткѣ, которая каждый день кладетъ сахаръ въ чашку папѣ и мамѣ — безъ того бы имъ кофей казался не вкусенъ — къ той, которой кроватка не оставила еще спальни родителей, которая каждое утро всползаетъ къ нимъ на кровать, кладетъ головку на плечо къ отцу и опять засыпаетъ. Ахъ, если бъ ты видѣла мою двухлѣтнюю Габріэль съ ея большими, умными, черными глазами, съ нѣжнымъ, нѣсколько блѣднымъ, но невыразимо прекраснымъ личикомъ, съ обворожительными пріемами, ты бы восхищалась ею такъ же, какъ и другіе, ты бы баловала ее, какъ всѣ мы не можемъ не баловать ея. Она тихій ребенокъ, но совершенно въ другомъ родѣ, нежели старшая ея сестра. Отличительная черта у Габріэли чувство изящнаго; она обнаруживаетъ рѣшительное отвращеніе отъ всего безобразнаго и непріятнаго, и рѣшительное пристрастіе ко всему прекрасному. Какая-то очарова-

тельная важность въ минахъ ея и обращеніи подали другимъ моимъ дѣтямъ поводъ называть ее въ-шутку «маленькая госпожа» или «маленькая принцесса.» Генрихъ совершенно влюбленъ въ свою сестричку и не устанетъ цѣловать ея бѣленькія рученки; она платитъ ему взаимною любовью. Къ другимъ она часто не совсѣмъ милостива, и добрый нашъ другъ Ассесоръ называетъ ее попеременно «ея милость» и «ея немилость»; впрочемъ у него есть еще разныя другія прозвища для нея — одно я желаю, чтобы она заслужила, а именно названіе «любви достойной»!

Миръ надъ моими малютками! Нѣтъ между ними ни однаго, въ которомъ не заключалось бы сѣмени какаго нибудь особеннаго достоинства или превосходства, но за то и сѣмени опаснаго порока, который можетъ подавить благія начала, положенныя Создателемъ. Дай Господи отцу ихъ и мнѣ взлелѣять, какъ должно, эти драгоцѣнные цвѣтки Божіи! Но увы! дѣтское воспитаніе не легкое дѣло, и изъ всѣхъ книгъ о воспитаніи, какія мнѣ попадались, мало извлекла я пользы: не знаю, кто виноватъ—я или онѣ. Ахъ! часто не придумаю я другаго средства, какъ прижать малютку къ сердцу и отъ всей души плакать надъ нимъ, или въ радости цѣловать его; и я неразъ находила, что такія минуты были не безполезны.

Я стараюсь, какъ можно менѣе бранить, зная, какъ легко этимъ убивается дѣтская откровенность и невинная веселость, и вообще я думаю, что если только развивать доброе, согрѣвать, оживлять, просвѣщать, то дурное мало-по-малу само исчезнетъ.

Я часто пою пѣсни моимъ малюткамъ; они вскормлены пѣснями. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ они заблаговременно какъ будто купались душою въ гармоніи. Многіе изъ нихъ, особенно мой перворожденный и Фанни, настоящіе меломаны, и каждый вечеръ, когда наступятъ сумерки, они собираются вокругъ меня, и я должна садиться за фортепіано и пѣть имъ пѣсни, или они сами поютъ, а я только играю. Когда мой Генрихъ бываетъ особенно уменъ въ продолженіе дня, то я въ награду ему вечеромъ сажусь у его кроватки и пою ему пѣсенки, пока онъ не уснетъ. Онъ говоритъ, что онъ тогда видитъ такіе чудные сны. Иногда это время проходитъ въ разговорахъ, и тогда я внутренно радуюсь его чистой, теплой душѣ. Когда онъ строитъ воздушные замки въ будущемъ, то всегда говоритъ: «когда я выросту большой и буду самъ господинъ, тогда, маменька, ты переѣдешь жить ко мнѣ; у меня будетъ много, много служанокъ, которыя будутъ прислуживать тебѣ, и много цвѣтовъ и всего, что ты любишь, и ты будешь жить какъ царица; а вечеромъ ты будешь сидѣть у моей постели и пѣть мнѣ пѣсни, пока я не засну—не правда ли?» Когда онъ наконецъ засыпаетъ,

убаюканный своими планами и моими пѣснями, я иногда по цѣлымъ часамъ просиживаю у его постели, и сердце мое расширяется отъ счастія и гордости, что у меня такой ангелъ. Эрнстъ увѣряетъ, что я его балую; ахъ! можетъ быть, это и правда; но то вѣрно, что я усердно стараюсь не баловать его. Впрочемъ я могу сказать о моихъ дѣткахъ, какъ одна изъ моихъ пріятельницъ сказала о своихъ, что они всѣ для меня довольно хороши.

Я нынѣшній вечеръ одна; Эрнстъ уѣхалъ къ Губернатору. Сегодня мое рожденіе; но я никому объ этомъ не сказала, потому-что люблю праздновать этотъ день въ тихой бесѣдѣ съ моими мыслями.

Какъ въ эту минуту протекшіе годы живо представляются мнѣ! Я вижу себя опять въ родительскомъ домѣ, въ этомъ тихомъ, веселомъ, миломъ жилищѣ. Я опять съ тобой, моя любезная, единственная сестра, въ нашемъ красивомъ, щегольскомъ домикѣ, окруженномъ лугами и мызами; мы смотрѣли на нихъ изъ нашихъ высокихъ окошекъ и радовались, что солнце освѣщало низенькія хижины наравнѣ съ нашими высокими хоромами; міръ казался намъ такъ прекрасенъ!

Какъ тогда жизнь текла для насъ радостно и беззаботно, Сесилія! Какъ мы плакали надъ «Voeux

téméraires» и надъ «Ѳеодоръ и Марія!» Инаго мы не знали. Жизнь нашу составляли пѣсни, танцы и игры съ толпой веселыхъ сосѣдей; съ людьми, болѣе образованными, мы восхищались музыкой и литературой. Мы считали себя добродѣтельными, любя тѣхъ, которые насъ любили и дѣлясь нашимъ избыткомъ съ бѣдными. Дружба была наша страсть; для нея мы готовы были умереть, но для любви наше сердце было холодно какъ камень. Какъ мы шутили надъ нашими обожателями, и какъ намъ нравилась роль неумолимыхъ героинь романа! Какъ мы были жестокосерды, но за то какъ скоро и обожатели наши утѣшались! Потомъ Эрнстъ Франкъ пріѣхалъ гостить къ намъ. Слава умнаго человѣка и красиваго мущины опередила его и пріобрѣла ему наше вниманіе, потому-что, какъ бы то ни было, а женщины любятъ эти достоинства въ мущинахъ. Помнишь ли, какъ мы занимались имъ? Какъ его благородная наружность, его непринужденность и праводушіе, его открытое, рѣшительное, но всегда учтивое обращеніе и рѣчь, свидѣтельствуя, что твердость его правилъ не уступала крѣпости его тѣла, сперва понравились, а потомъ внушили намъ почтеніе къ нему!

Глубокій трауръ, выраженіе тихой, смиренной скорби, которое иногда показывалось на его лицѣ, еще болѣе усиливали наше къ нему участіе. Тебѣ однако жъ казалось, что видъ у него слишкомъ строгій, и скоро я утратила въ его присутствіи обыкновенную

мою откровенность. Когда его черные, проницательные глаза останавливались на мнѣ, я была въ восторгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ трепетала; я была счастлива и чувствовала невольный страхъ; движенія мои становились принужденны, руки холодны; я все дѣлала не впопадъ и никогда не говорила такъ глупо, какъ въ то время, когда замѣчала, что онъ меня слушаетъ. Тетушка Елизавета дала мнѣ однажды слѣдующее наставленіе: «Запомни, что я скажу тебѣ, мой другъ: если мущина будетъ думать, что ты глупа, то это не повредитъ тебѣ въ его глазахъ; если же онъ будетъ думать, что ты почитаешь его глупымъ, то ты навсегда пропала въ его мнѣніи.» Не знаю, до какой степени послѣднее справедливо; знаю только, что одинъ молодой остроумный мущина сказалъ, что это бы имѣло надъ нимъ такое же дѣйствіе, какъ соль, брошенная въ огонь; что же касается до перваго, то оно должно быть справедливо, потому-что глупость моя въ присутствіи Эрнста совсѣмъ не повредила мнѣ въ его глазахъ. А какъ онъ былъ невыразимо пріятенъ, когда предавался кротости и веселости своего характера! Съ каждымъ днемъ его власть надо мной усиливалась; мнѣ казалось, что онъ безпрестанно смотритъ на меня; когда глаза его блистали удовольствіемъ, я чувствовала на душѣ какъ будто вѣяніе весенняго вѣтерка; когда же взглядъ его принималъ строгое выраженіе, я становилась молчалива и безпокойна. Мнѣ иногда казалось, и теперь еще кажется, что если бы этотъ свѣтлый, необыкновенно проницательный взглядъ оста-

новился на мнѣ съ выраженіемъ глубокаго негодованія, сердце мое перестало бы биться; не смотря на все это, я не знаю, любила ли я его; я почти сомнѣваюсь въ томъ. Въ его отсутствіи я дышала легко и свободно, но для спасенія его жизни я бы охотно пожертвовала своею. Во многомъ склонности наши не сходились. Онъ былъ равнодушенъ къ музыкѣ, а я ее страстно любила; на счетъ чтенія мы также никогда не были согласны. Онъ зѣвалъ надъ моими любимыми романами, иногда даже смѣялся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я была готова залиться слезами; я съ своей стороны зѣвала надъ его учеными, назидательными книгами, и находила ихъ несносно скучными, хотя не смѣла говорить того. Онъ пренебрегалъ міромъ фантазіи, въ который я любила переноситься мыслями, а меня не удовлетворяла положительная существенность, которой онъ искалъ въ жизни. Во многихъ пунктахъ однако жъ мы соглашались, особенно въ вопросахъ нравственныхъ, и тогда мы, кажется, оба были довольны. Въ это самое время ты принуждена была оставить меня, Сесилія; но судьба, разлучившая насъ, не разлучила нашихъ сердецъ.

Однажды у насъ собралось много гостей. Послѣ обѣда я играла въ воланы съ двоюроднымъ моимъ братомъ Эмилемъ, котораго мы такъ любили и который такъ заслуживалъ любовь; не помню, какъ это случилось, но Эрнстъ сталъ на его мѣсто и сдѣлался моимъ партнеромъ. Онъ былъ въ необыкновенно ве-

селомъ расположеніи духа, и я себя чувствовала при немъ смѣлѣе обыкновеннаго. Онъ кидалъ воланъ превосходно и мѣтко, но каждый разъ перебрасывалъ его черезъ мою голову, такъ, что я должна была отбѣгать назадъ, чтобы поймать его; такъ мы, шутя и смѣясь, непримѣтнымъ образомъ подавались все дальше и дальше черезъ длинный рядъ комнатъ, пока наконецъ очутились далеко отъ общества и одни. Тогда Эрнстъ вдругъ пересталъ играть, и лице его совершенно измѣнилось. Я предчувствовала что-то недоброе и охотно бы убѣжала за тридевять земель, но я была какъ очарована. Тутъ Эрнстъ началъ говорить со мной, и въ словахъ его было столько жара, столько непритворнаго чувства, столько убѣдительной нѣжности, что онъ оковалъ мое сердце. Я дала ему взять мою дрожавшую руку и, почти сама того не замѣчая, согласилась быть его спутницей въ жизни. Мнѣ тогда только-что исполнилось девятнадцать лѣтъ. Добрые мои родители благословили мой союзъ съ человѣкомъ, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ и кромѣ того могъ, какъ всѣ полагали, достигнуть первыхъ степеней въ государственной службѣ. Эрнстъ, привыкнувъ итти всегда къ цѣли быстрыми шагами, устроилъ все такъ, что вскорѣ послѣ того мы отпраздновали и свадьбу.

Многіе изъ моихъ родственниковъ находили однако жъ, что это супружество было ниже меня; я находила скорѣе противное: я могла похвалиться происхож-

деніемъ своимъ и родственными связями, была воспитана въ блестящемъ кругу, въ изобиліи и безпечности, и пріобрѣла всѣ суетные таланты свѣтской дѣвицы; *онъ* былъ человѣкъ, который самъ проложилъ себѣ дорогу въ жизни, который благородными трудами и лишеніями поправилъ разстроенныя дѣла отцовскаго дома и обезпечилъ судьбу матери и сестеръ; онъ былъ самостоятельный, просвѣщенный, добрый человѣкъ, да, *добрый*—въ этомъ я каждый день болѣе и болѣе удостовѣрялась по мѣрѣ того, какъ я сквозь его иногда суровую оболочку проникала въ глубину его души. Какою ничтожною я чувствовала себя передъ нимъ!

Первый годъ замужства провела я въ домѣ моихъ родителей по условію, сдѣланному ими съ мужемъ, и если бы я менѣе чувствовала его превосходство надо мною и болѣе была увѣрена, что нравлюсь ему, то была бы совершенно счастлива. Всѣ носили меня на рукахъ, и потому мнѣ казалось, что Эрнстъ въ сравненіи съ другими былъ немного холоденъ. Я была избалована добрыми моими родителями, вѣтрена и малодушна, и увы, до сихъ поръ еще не совсѣмъ исправилась! Не смотря на то, понятіе о прекрасной и высокой цѣли жизни уже тогда начинало болѣе и болѣе проясняться въ душѣ моей подъ благотворнымъ вліяніемъ Эрнста. Супружество и семейная жизнь, родина и общество впервые явились моему взору со всѣми ихъ обязанностями и во всемъ ихъ священномъ

значеніи. Эрнстъ былъ моимъ учителемъ; я смотрѣла на него съ любовію, но не безъ страха.

Въ это счастливое время мы составляли разные планы, которые нравились моему романическому воображенію. Путешествіе пѣшкомъ по прекрасному краю къ западу отъ Швеціи было между прочимъ любимою мечтою Эрнста. Его мать, въ память которой маленькой Петрѣ дано было это немного странное имя, была родомъ изъ Норвегіи, и драгоцѣнное воспоминаніе о ней, казалось, слилось для него съ горами и долинами, въ которыхъ онъ по ея расказамъ видѣлъ чудный, волшебный міръ. Эти воспоминанія — романическій уголокъ въ душѣ Эрнста; туда онъ сходитъ, когда хочетъ освѣжить себя и оживить свои надежды. «Въ будущемъ году мы отправимся путешествовать», говорилъ онъ; тогда мы вмѣстѣ отмѣчали на картѣ наши странствованія; я уже придумала и нарядъ, въ которомъ вмѣстѣ съ нимъ буду гулять по Норвегіи, «моремъ опоясанной»; но ахъ, скоро мнѣ представились другія путешествія!

Въ этотъ самый годъ явился на свѣтъ мой первенецъ, мой милой Генрихъ, который такъ завладѣлъ моею любовью и моими мыслями, что Эрнстъ сталъ ревновать. Какъ часто я тихонько вставала ночью, чтобы любоваться спящимъ малюткой. Онъ былъ живой, безпокойный ребенокъ; и потому я находила особенное наслажденіе смотрѣть на него, когда онъ

спалъ, и какъ онъ былъ тогда прекрасенъ! Я была въ состояніи просиживать цѣлыя ночи надъ его люлькою. До сихъ поръ, Сесилія, все шло, какъ водится въ романахъ, которыми мы съ тобой въ молодости питали сердце. Но скоро настали другія времена. Сперва большая перемѣна въ состояніи моихъ родителей, которая имѣла рѣшительное вліяніе на нашъ образъ жизни; потомъ дѣти, хлопоты, заботы, болѣзни! Если бы не Эрнстъ, я бы навѣрное изнемогла и тѣломъ и духомъ. Эрнстъ любилъ итти наперекоръ обстоятельствамъ; для него было особеннымъ наслажденіемъ бороться съ препятствіями и побѣждать ихъ; каждый годъ онъ умножалъ свои занятія, и наконецъ успѣлъ поправить наше положеніе. И какъ онъ былъ невыразимо добръ, какъ онъ кротко ободрялъ меня, когда я готова была предаться унынію! Сколько ночей онъ провелъ безъ сна для меня! сколько разъ убаюкивалъ на груди своей плачущихъ малютокъ! Каждаго новорожденнаго, съ которымъ должны были умножиться его труды и заботы, онъ принималъ какъ даръ Божій, какъ знакъ Его милости—и приходъ его былъ семейнымъ праздникомъ. И какъ я въ сердцѣ благодарила его за то! какъ его твердость и вѣра подкрѣпляли меня! Рожденіе маленькой Габріэли едва не стоило мнѣ жизни, и я твердо убѣждена, что если бъ не попеченія Эрнста, дѣти мои остались бы безъ матери. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ болѣзни моей продолжалось сильное изнуреніе, и ноги мои рѣдко касались пола, потому-что Эрнстъ на рукахъ

переносилъ меня съ мѣста на мѣсто. Во все продолженіе моей болѣзни онъ показывалъ доброту и терпѣніе необыкновенныя. Не обязана ли же я здоровая посвятить ему всю свою жизнь? Да, я на это рѣшилась; я хочу исполнить свой долгъ, но увы! силы мои не соотвѣтствуютъ волѣ. Знаешь ли, Сесилія, что меня часто не на-шутку сокрушаетъ? Я не мастерица хозяйничать; у меня не стаетъ умѣнья и памяти для распоряженій, отъ которыхъ такъ много зависитъ домашнее благоденствіе. Особенно противны мнѣ ежедневныя заботы о кушаньѣ; у меня самой худой апетитъ, и мнѣ тяжело каждый вечеръ засыпать и каждое утро просыпаться съ прозапческою мыслію: что готовить къ обѣду? Такъ, по моей винѣ, мужъ мой не пользуется тѣми домашними удобствами, которыхъ онъ въ-правѣ былъ бы требовать. До сихъ поръ слабость здоровья, попеченія о дѣтяхъ и неблагопріятныя обстоятельства служили мнѣ извиненіемъ; но теперь, когда здоровье мое возстановилось и средства наши увеличились, ничто болѣе не можетъ меня извинять.

Потому-то я теперь и стараюсь всѣми мѣрами исполнять, какъ можно лучше, свои обязанности, но... Ахъ, какъ будетъ весело, когда Луиза подростетъ, и мнѣ можно будетъ передать ей часть моей ноши! Я воображаю, что она въ этихъ заботахъ найдетъ особенную прелесть. Сегодня мнѣ минуло тридцать два года, и я какъ будто начинаю новую эпоху жизни, переступаю за предѣлъ молодости и вхожу въ зрѣлый

возрастъ; чувствую, что лѣта налагаютъ на меня новыя обязанности. О Боже! подай мнѣ новыхъ силъ, подкрѣпи духъ мой и внуши мужу снисходительность къ моимъ недостаткамъ! Эристу надобно бы имѣть жену поздоровѣе. При слабости моихъ первовъ я чрезвычайно раздражительна, и всякая малость меня разстраиваетъ. Но дѣятельный характеръ часто причиняетъ мнѣ излишнее, даже безразсудное безпокойство. Напримѣръ: я просто прихожу въ отчаяніе, когда вижу, что онъ пристально смотритъ на стѣну или на другой какой предметъ; я такъ и боюсь, чтобы ему не вздумалось проломить дверь или сдѣлать какую-нибудь другую перемѣну, а я такъ сильно чувствую потребность въ тишинѣ и спокойствіи.

Скоро въ нашемъ домѣ произойдетъ перемѣна, которая очень меня тревожитъ: къ намъ переѣдетъ на лѣто кандидатъ философіи Яковъ Якоби, будущій наставникъ моихъ дѣтокъ. Онъ будетъ держать въ рукахъ моего шалуна, будетъ учить моихъ дѣвицъ чистописанію, рисованію и ариѳметикѣ а осенью увезетъ моего первенца изъ родительскаго дома въ училище. Я боюсь этаго новаго пришельца въ нашъ домашній кругъ; онъ можетъ разстроить его, если мы съ нимъ не сойдемся. Если же онъ уменъ и добръ, то я ему душевно рада, особенно какъ помощнику въ несносныхъ урокахъ чистописанія съ этими вѣчными наставленіями: «Генрихъ, сиди смирно!» Держи хорошенько перо, Луизочка!» «Смотри

на пропись, Леонора.» — Не забывай, Фанни, знаковъ надъ буквами. — «Петрея, не стирай буквы носомъ!» Къ-тому же мой старшій начинаетъ показывать неуваженіе къ моимъ познаніямъ въ Латинской грамматикѣ, а Эрнстъ чаще прежняго ворчитъ на него за шалости. Онъ будетъ учиться у Якоби вмѣстѣ съ сыномъ Губернатора Шернгека, маленькимъ Нильсомъ Габріэлемъ, необыкновенно умнымъ и степеннымъ мальчикомъ, котораго вліяніе, я надѣюсь, будетъ полезно для Генриха.

Кандидата рекомендовалъ намъ съ большимъ участіемъ другъ моего мужа, почтенный Епископъ Б. Съ другой стороны слышали мы кое-какія студенческія проказы, которыя не совсѣмъ въ его пользу. Будучи слишкомъ довѣрчивъ и беззаботенъ, онъ въ короткое время промоталъ порядочное наслѣдство, доставшееся ему послѣ трехъ старыхъ тётокъ, которыя воспитывали и избаловали его. Вообще онъ въ поведеніи своемъ показалъ много неосновательности. Епископъ не скрываетъ этаго, но говоритъ, что при всемъ томъ очень любитъ его; онъ хвалитъ его доброе сердце, его рѣдкія способности къ преподаванію, и проситъ насъ обходиться съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ. Признаюсь, что до сихъ поръ моя материнская любовь къ нему еще спитъ глубокимъ сномъ.

Но едва ли не болѣе этаго гостя пугаетъ меня другое посѣщеніе, котораго мы въ скоромъ времени ожидаемъ. Ты вѣрно знаешь по наслышкѣ полковницу О., прекрасную Эмилію, «старую пассію» моего мужа, какъ я называю ее въ отмщеніе за все безпокойство, какаго мнѣ стоили ея совершенства, рѣшительно противоположныя моимъ. Она уже нѣсколько лѣтъ вдовѣетъ, жила долго въ чужихъ краяхъ, теперь возвращается оттуда на родину, и по-дорогѣ заѣдетъ къ намъ. Она всегда была на дружеской ногѣ съ Эрнстомъ, хотя и отказала ему, когда онъ просилъ ея руки; но вообрази, этотъ отказъ вовсе не охладилъ его къ ней: вотъ благородная черта въ характерѣ Эрнста, впрочемъ довольно свойственная его полу. Напротивъ, онъ часто хвалитъ съ жаромъ достоинства Эмиліи и не переставалъ вести съ нею переписку; я читаю всѣ ихъ письма и не могу не отдать справедливости необыкновеннымъ ея познаніямъ и остроумію. При всемъ томъ, мнѣ бы хотѣлось удивляться имъ только издали; можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что «старая пассія» моего мужа немножко холодна и что ей не разогрѣть моего сердца. Бьетъ 10 часовъ. Прежде 12-ти Эрнстъ не будетъ домой. Я оставляю тебя теперь, Сесилія, чтобъ ...сказать ли тебѣ мою тайну? Ты знаешь, что однимъ изъ величайшихъ моихъ наслажденій всегда было чтеніе хорошихъ романовъ; но отъ этаго наслажденія я покуда совсѣмъ отказалась, потому-что когда мнѣ попадетъ въ руки интересный романъ, мнѣ ужа-

сно трудно бываетъ разстаться съ нимъ, пока я не дочту его до конца, а это совсѣмъ не годится—и съ тѣхъ поръ, какъ у меня изъ-за Корнины мадамъ Сталь два обѣда, одна большая стирка и семнадцать хозяйственныхъ дѣлишекъ чуть не сѣли на-мель, а домашній миръ потерпѣлъ-было кораблекрушеніе, я дала себѣ слово оставить чтеніе романовъ, по крайней мѣрѣ до времени. Но потребность литературнаго отдохновенія въ этомъ родѣ такъ сильна во мнѣ, что, переставъ читать романы, я начала сама писать романъ. Да, Сесилія! Склонности моей молодости не оставляютъ меня посреди вседневныхъ занятій и прозаическихъ житейскихъ заботъ—и цвѣты, такъ сладко благоухавшіе на зарѣ моей жизни, опять разцвѣтаютъ и вьются освѣжительнымъ вѣнкомъ надъ моей увядшей головой. Счастливые дни, которые я провела съ тобой, впечатлѣнія, радостныя событія — въ прошедшемъ они кажутся мнѣ еще радостнѣе, нежели казались въ настоящемъ—событія, которыя доставляли столько чистыхъ наслажденій, столько блаженныхъ минутъ нашей молодости, все это, Сесилія, я хочу положить на бумагу, пока время не изгладило изъ моей памяти картины и образы. Это занятіе свѣжитъ и укрѣпляетъ меня, и когда я вечеромъ отъ усталости или досады страдаю нервною зубною болью, то самое лучшее для меня развлеченіе приняться за свой романъ. Сегодня эта несносная боль сильнѣе обыкновеннаго, и я хочу прогнать ее своимъ невиннымъ

опіумомъ; но Эрнстъ не застанетъ меня за письмомъ: я ему это обѣщала. Прощай, милая Сесилія!»

Здѣсь мимоходомъ набросимъ легкій очеркъ самой сочинительницы этаго письма — матери нашихъ маленькихъ знакомцевъ: Генриха, Луизы, Фанни, Леоноры, Петреи и Габріэли.

Она не была красавица, но природа надѣлила ее благороднымъ станомъ, съ которымъ она еще сохраняла стройность и эфирность молодой дѣвушки. Черты лица были неправильныя; за то у нея былъ свѣжій пріятный ротъ, прекрасныя коралловыя губы, бѣлая кожа, голубые глаза, исполненные кротости и добродушія. Всѣ движенія ея были граціозны; руки прекрасны, что много значитъ у женщины — и она не выставляла ихъ на-показъ, что еще возвышаетъ ихъ красоту. Она одѣвалась со вкусомъ, носила почти всегда платья свѣтлыя, и это вмѣстѣ съ легкимъ запахомъ розъ, любимыхъ и всегдашнихъ ея духовъ, придавало всей ея особѣ какую-то тихую прелесть. Впечатлѣніе, которое она производила, можно уподобить томному блеску луны. Походка у нея была тихая, а голосъ пріятный, что, по словамъ Шекспира, большое достоинство въ женщинѣ. Мы себѣ легко представляемъ ее на мягкой софѣ, передъ цвѣткомъ или съ ребенкомъ, составляющими предметъ ея попеченій, но не можемъ вообразить ее озабоченною большимъ хозяйствомъ, со всѣми домашни-

ми хлопотами, посреди многочисленной прислуги, и въ добавокъ наставницей полдюжины дѣтей. Но любовь и чувство долга дали ей силу трудиться съ охотою на поприщѣ, которое такъ мало соотвѣтствовало ея врожденнымъ склонностямъ, и мало по малу она сдружилась съ занятіями, сначала казавшимися ей тягостными. Все, что касалось до дѣтей, было близко къ ея сердцу: она въ цѣломъ домѣ охраняла порядокъ, миръ и спокойствіе. Шкапъ съ бѣльемъ былъ ей драгоцѣненъ; снѣжно-бѣлая скатерть веселила ей душу. Сырое бѣлье, пыль и мухъ она ненавидѣла — сколько могла ненавидѣть. — Теперь возвратимся къ нашимъ историческимъ очеркамъ.

Мы оставили Элизу за ея манускриптомъ. Она такъ занялась имъ, что и не слыхала, какъ пробило двенадцать. Она вздрогнула отъ ужаса, когда вдругъ услышала шаги своего мужа. Легко было бы скорѣе бросить бумаги въ ящикъ письменнаго стола, и начать раздѣваться; Элиза хотѣла-было такъ поступить— но вдругъ одумалась. «До сихъ поръ я еще никогда ничего не скрывала отъ Эрнста» — подумала она — «не начну же сегодня!» и она осталась на своемъ мѣстѣ, ожидая его прихода.

«Какъ? ты еще сидишь и пишешь? «сказалъ онъ съ недовольнымъ видомъ. «Такъ-то ты исполняешь свои обѣщанія, Элиза?»

— Прости мнѣ, Эрнстъ! я засидѣлась! —

«А надъ чѣмъ? Что ты пишешь, покажи-ка! Что это? да это романъ, кажется! Скажи пожалуста, къ чему это?»

— Къ чему? это меня забавляетъ.—

«Но надобно, чтобы и удовольствія наши никогда не были безъ пользы и цѣли; меня совсѣмъ не забавляетъ, что ты просиживаешь цѣлыя ночи и портишь глаза для дряннаго романа. Если бы въ эту минуту топился каминъ, то я бы бросилъ въ огонь весь этотъ вздоръ.»

— Чѣмъ затѣвать такіе ужасы, ты бы лучше помолился Богу, да легъ спать. Что, весело ли было у Губернатора?—

«Вы хотите замять разговоръ, сударыня! Посмотри на меня, Элиза: какъ ты блѣдна; пульсъ у тебя лихорадочный. Прежде, нежели помолюсь Богу, мнѣ хочется побранить тебя. Хорошо ли, благоразумно ли сидѣть до глубокой ночи, и терять здоровье на пустяки? Я никакъ не могу равнодушно видѣть, какъ ты ребячишься. Стоитъ ѣздить на воды, совѣтоваться со всѣми докторами въ мірѣ, и хлопотать о здоровьѣ, когда ты, какъ нарочно, всѣми способами разстроиваешь его!»

— Не сердись, Эрнстъ! не смотри на меня такъ строго, особенно сегодня, Эрнстъ!—

«Да,» сказалъ Лагманъ, смягчившись внезапно: «сегодня тебѣ минуло тридцать два года, и отъ того тебѣ кажется, что ты имѣешь право ребячиться.»

— Пусть будетъ такъ, — сказала Элиза, и на глазахъ ея навернулись слезы.

«Пусть, пусть! Мы все будемъ говорить *пусть* до тѣхъ поръ, пока не будетъ поздно! Мнѣ бы хотѣлось связать всѣ романы и всѣхъ сочинителей романовъ на земномъ шарѣ и разомъ уничтожить ихъ. Между-тѣмъ хорошо, что ты еще не спишь, иначе я бы разбудилъ тебя, только для того, чтобъ показать тебѣ, что ты ничего не можешь скрыть отъ меня, даже и лѣтъ своихъ. Вотъ тебѣ въ наказаніе за твое дурное намѣреніе.»

— Ахъ! романы Вальтеръ-Скотта! и еще роскошное изданіе! Благодарю тебя, милый, добрый Эрнстъ! Однако, нечего сказать, ты славный законодатель: ты поощряешь то, что самъ запрещаешь! —

«Обѣщай мнѣ только, что не будешь проспживать ночей надъ чтеніемъ или сочиненіемъ романовъ! Вспомни, для сколькихъ людей твое здоровье драгоцѣнно! Уже ли ты думаешь, что я бы сердился, если бъ

менѣе любилъ тебя? Понимаешь ли ты это? Года черезъ два, Элиза, когда дѣти подрастутъ и здоровье твое еще болѣе укрѣпится, мы какъ-нибудь да вырвемся, чтобы побывать въ Норвегіи. Ты будешь дышать чистымъ горнымъ воздухомъ, любоваться прелестными долинами, моремъ — это будетъ для тебя полезнѣе всѣхъ минеральныхъ водъ. Но пойдемъ посмотрѣть на дѣтей; мы не разбудимъ ихъ; баронесса дала мнѣ для нихъ нѣсколько конфектъ, которыя я положу имъ на подушки; а вотъ тебѣ ренетъ!»

Супруги пошли въ дѣтскую, гдѣ старая, вѣрная Фипляндка, Бригитта, стерегла малютокъ, какъ змѣй стережетъ свои сокровища. Дѣти спали какъ — дѣти. Лагманъ потрепалъ прекрасную кудрявую головку своего первенца, и поцѣловалъ каждую изъ дочекъ въ румяную щечку. Потомъ родители воротились въ спальню. Элиза легла спать; а мужъ ея сѣлъ за письменный столъ, стараясь головою своей заслонить ее отъ свѣта лампы. Скоро легкій скрыпъ его пера усыпилъ ее. Когда пробило два часа, она проснулась: онъ все еще писалъ. Рѣдкій человѣкъ спалъ такъ мало, какъ Эрнстъ Франкъ; онъ не чувствовалъ и надобности въ продолжительномъ отдыхѣ.

КАНДИДАТЪ.

Смеркалось. Дѣти играли въ «сижу посижу» и рѣзвились и бѣгали изъ угла въ уголъ, какъ вдругъ у воротъ остановилась почтовая радка. На рѣзвую толпу это подѣйствовало, какъ струя холодной воды дѣйствуетъ на пчелиный рой. Царица дѣтскаго роя, маленькая умница Лиза, вдругъ бросилась къ окошку и въ ту же минуту около нея собрались еще четыре головки съ разгоряченными, пышущими лицами; всѣ съ любопытствомъ высовывались и, въ нетерпѣніи увидѣть пріѣзжаго, толкали другъ друга. Изъ тележки выпрыгнулъ мущина, но дѣтямъ не видно было, молодъ ли онъ былъ или старъ; они видѣли только, какъ отецъ ихъ изъ воротъ выбѣжалъ къ нему навстрѣчу и повелъ его на верхъ. За нимъ понесли маленькій тощій сундучекъ. Тутъ рой опять поднялся и налетѣлъ на мать, чтобы постепенно всѣми голо-

сами, отъ шопота до совершеннаго крика, объявить ей, что вѣрно «информаторъ» пріѣхалъ. Элиза, у которой были гости, старалась унять волненіе дѣтей лаконическими «хорошо, хорошо, знаю, знаю» и ласковыми взорами. Пчелка скоро пришла въ себя и какъ будто замѣтивъ, что она уронила свое достоинство, преважно усѣлась между большими. Прочія дѣти забились въ уголъ, началось шептанье, конца не было удивленію; Петренъ носъ часто съ любопытствомъ высовывался изъ толпы малютокъ.

Лагманъ послалъ увѣдомить жену о прибытіи жданаго гостя, и сказать, что онъ представится ей тотчасъ по окончаніи своего туалета. Скоро явился другой посланный, и отъ имени Кандидата попросилъ щипцовъ для завивки волосъ.

«Кажется, этому туалету никогда не будетъ конца,» думала про себя Элиза, которая ждала ужъ цѣлый, часъ, и если сказать правду, то носъ ея часто поворачивался въ одномъ направленіи съ носомъ Петреи.

Наконецъ въ залѣ послышались мужскіе шаги и въ дверяхъ гостиной показалась красивая нога въ щегольскомъ сапогѣ, принадлежавшая хорошо сложенному, немного плотному туловищу, которое свободно поддерживало двадцатилѣтнюю мужскую голову съ красивымъ веселымъ лицемъ и прической по послѣдней

модѣ. То былъ Кандидатъ. Окинувъ взоромъ сперва свой сапогъ, потомъ хозяйку, онъ подошелъ къ ней съ свободною самоувѣренностію и раскланиваясь показалъ рядъ прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ. Въ комнатѣ распространился запахъ eau de Portugal. Лагманъ, который шелъ за нимъ, и по простотѣ въ наружности и во всѣхъ пріемахъ составлялъ противоположность съ новоприбывшимъ гостемъ, представилъ «Кандидата Якобп!» По окончаніи общихъ привѣтствій, всѣ усѣлись по мѣстамъ. Тутъ вошли дѣти и начали раскланиваться. Генрихъ весело и довѣрчиво смотрѣлъ на своего будущаго наставника. Пчелка важно присѣла и поспѣшно отскочила назадъ, когда Кандидатъ хотѣлъ было взять смѣлость поцѣловать ее. Петрея выставила свой носъ съ плутовской миной и съ видомъ любопытства. Кандидатъ былъ со всѣми ласковъ, дружески пожалъ всѣмъ руку и у каждаго спросилъ: какъ васъ зовутъ? а потомъ онъ подошелъ къ зеркалу и сталъ поправлять свою прическу.

«На кого это мы попали?» думала Элиза съ тайнымъ ужасомъ. «Онъ фанфаронъ, настоящій фанфаронъ! Какъ это Епископъ могъ выбрать его въ наставники къ моимъ бѣднымъ малюткамъ! Онъ будетъ гораздо болѣе заниматься собою, нежели ими. Эта булавка на его манишкѣ изъ фальшивыхъ каменьевъ. Смѣется онъ только, чтобы показать свои бѣлые зубы. Экой фанфаронъ! вѣроятно и пустѣйшій человѣкъ! Теперь опять смотрится въ зеркало.»

Элиза желала прочесть мнѣніе мужа во взглядѣ его; но онъ убѣгалъ ея взоровъ. На лицѣ его изображалось неудовольствіе и легкое смущеніе. Кандидатъ напротивъ того былъ очень развязенъ, ловко повертывался на креслахъ и съ любопытствомъ поглядывалъ на трехъ дамъ, которыя очевидно не принадлежали къ дому. Старшей, не оставлявшей работы ни на минуту, было по-видимому лѣтъ около сорока; во всей ея наружности и въ пріемахъ ея выражалось что-то необыкновенно спокойное, откровенное и пріятное. Лагманъ безпрестанно разговаривалъ съ нею. Обѣимъ другимъ, казалось, не было и по двадцати лѣтъ; одна была блѣдная блондинка, другая хорошенькая брюнетка, обѣ имѣли пріятную наружность, казались добры и счастливы. Кандидатъ узналъ, что три незнакомки были: дѣвица Берндесъ и двѣ ея воспитанницы, Коринна и Лаура. Лаура безпрестанно брала на колѣна то одного, то другаго изъ дѣтей—и Кандидатъ всего чаще на ней останавливалъ свои взоры. И въ самомъ дѣлѣ Лаура съ маленькою, прелестною Габріэлью на рукахъ, которую она украшала цвѣтами, браслетами, бусами и другими принадлежностями своего наряда, была чудная картина. Разговоръ сдѣлался скоро общимъ и живо переходилъ отъ одного предмета къ другому. Много способствовалъ къ тому Кандидатъ, говорившій умно и увлекательно объ извѣстныхъ лицахъ, принадлежавшихъ къ Университету, который онъ только-что оставилъ. Элиза упомянула объ одномъ знаменитомъ Ученомъ, котораго ей всегда очень хотѣлось

увидѣть. Кандидатъ сказалъ, что онъ недавно написалъ его портретъ и, по просьбѣ Элизы, поспѣшилъ за своимъ произведеніемъ. Онъ воротился съ портфелемъ, гдѣ лежало множество картинъ и рисунковъ, частію портретовъ, частію ландшафтовъ, его собственной работы. Они показывали дарованіе и всѣмъ доставили удовольствіе. Нашли нѣкоторыхъ знакомыхъ, а между прочимъ и самаго Кандидата. Дѣти были въ восхищеніи и съ жадностію тѣснились около стола; а Кандидатъ сажалъ ихъ къ себѣ на колѣна и всячески старался забавлять ихъ. Они, казалось, почти совсѣмъ забыли, что передъ ними былъ новый знакомый; только Луиза оставалась еще немного «спѣсива», а малютка была очень немилостива до него. Особенно поразила и восхитила дѣтей одна картина: женщина, стоя на колѣнахъ передъ розовымъ кустомъ, рвала цвѣты; возлѣ нея на гробницѣ лежала ея лира. О, какъ она была очаровательна, какъ чудно-прелестна! Петрея не могла свести глазъ съ этой въ самомъ дѣлѣ прекрасной картины, на которую самъ Кандидатъ смотрѣлъ съ родительскою нѣжностью и которая была вѣнцомъ его коллекціи.

Обыкновенно дѣти тотчасъ послѣ осьми часовъ удалялись подъ предводительствомъ пчелки въ дѣтскую; это однажды заставило неугомонную Петрею сказать, что «хуже ночи Богъ ничего не создалъ», за что ей достался отъ Луизы укоризненный взглядъ съ наставленіемъ, что «такъ не надо говорить!» Но

ради этаго достопамятнаго дня дѣти получили позволеніе отужинать съ родителями и лечь спать въ одно время съ другими. Это позволеніе, Кандидатъ, рисунки—все вмѣстѣ придало дѣтямъ необыкновенную живость. Петрея взяла даже смѣлость предложить Кандидату за столомъ, когда кушали вареную курицу, не угодно ли ему сломить съ нею дужку за женщину передъ розовымъ кустомъ, въ вознагражденіе чего она, если счастье будетъ на ея сторонѣ, дастъ Кандидату картину своей работы, представляющую что-то въ родѣ храма. Пчелка была въ отчаяніи отъ такаго безстыдства и качала головой, смотря на сестру. Госпожа Франкъ серьёзно воспротивилась предложенію Петреи, а та, бѣдняжка, покраснѣла и пришла въ замѣшательство отъ укоризненнаго взгляда матери; но Кандидатъ, котораго неожиданное предложеніе привело-было въ недоумѣніе, принялъ его однако съ веселымъ видомъ и упорно настаивалъ, чтобъ оно приведено было въ исполненіе. Онъ съ важнымъ видомъ и съ комическою точностію отмѣтилъ съ обѣихъ сторонъ на косточкѣ мѣсто, за которое надо было ее захватить, и сказавъ: «разъ, два три!..»---

Элиза втайнѣ надѣялась, что Кандидатъ будетъ держать кость такъ, чтобы головка осталась у него. Такъ вѣдь нѣтъ! она очутилась въ рукѣ Петреи, и она громко вскрикнула отъ радости. Послѣ ужина родители стали противиться исполненію договора, но Кандидатъ настаивалъ съ такимъ убѣдительнымъ

радушіемъ, что восторжествовалъ—и Петрея, счастливѣйшая изъ смертныхъ, унесла съ собой женщину передъ розовымъ кустомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и материнское наставленіе, которое спрыснуло ея радость нѣсколькими слезами. Между-тѣмъ Кандидатъ, ласковымъ своимъ обращеніемъ съ дѣтьми и любезностію къ Петреѣ, произвелъ пріятное впечатлѣніе на родителей.

«Кто знаетъ,» сказала Элиза мужу, «можетъ быть, мы еще съ нимъ и сойдемся. Конечно у него есть свои недостатки, но вѣрно также и свои достоинства. По крайней мѣрѣ въ лицѣ и въ голосѣ его есть что-то необыкновенно пріятное. Если бъ только можно было отучить его отъ несносной привычки смотрѣться въ зеркало!»

— По словамъ друга моего Б., отвѣчалъ Лагманъ, я убѣжденъ, что онъ человѣкъ съ достоинствомъ. Отъ тщеславія и фанфаронскихъ привычекъ мы въ свое время его отучимъ. Ты увидишь, что мы съ нимъ сойдемся, милая Элиза! будь только ласкова до него и обращайся съ нимъ такъ, чтобы онъ былъ у насъ какъ дома. —

Въ дѣтской дѣлались также замѣчанія на счетъ Кандидата. «Я нахожу, что онъ гораздо красивѣе папеньки,» сказала маленькая Петрея.

«А я нахожу,» возразила пчелка наставительнымъ тономъ, «что никого въ мірѣ нѣтъ совершеннѣе папеньки!»

«Конечно, кромѣ маменьки,» отозвалась Фанни изъ своей постельки.»

«Ахъ, я такъ люблю его!» сказала Петрея, «онъ подарилъ мнѣ такую прелестную картину. Знаете ли, какъ моя красавица будетъ называться? я назову ее Розой и разскажу вамъ про нее длинную исторію! «Жилъ-былъ...»

Всѣ дѣти навострили уши, потому-что никто изъ нихъ не умѣлъ расказывать такихъ занимательныхъ исторій, какъ Петрея; отъ того она и слыла между ними самой остроумной; но пчелка очень боялась, чтобы Петрея не замѣтила этаго, а потому она и теперь слушала Петрешну исторію безъ малѣйшаго знака одобренія; за то прочимъ слушателямъ она показалась такъ занимательна, что былъ уже двенадцатый часъ въ исходѣ, а они еще не спали.

«Что-то будетъ съ моимъ вареньемъ?» думала на другой день Элиза при видѣ порцій, которыми Кандидатъ нагружалъ свою тарелку. Но вечеромъ, когда она видѣла, какъ маленькая Габріэль теребила его безъ церемоніи за волосы, какъ онъ мѣшался въ дѣтскія игры и тѣмъ оживлялъ ихъ, какъ онъ воо-

руженный бумажной дудкой, которую онъ называлъ «трубой», билъ того, кто ошибался въ счетѣ, и тѣмъ возбуждалъ усердіе и веселость дѣтей; тогда она думала: «пускай онъ себѣ-поѣдаетъ варенья, сколько хочетъ; ужъ я постараюсь, чтобы его всегда было довольно.»

Но если акціи Кандидата съ одной стороны возвысились, то онѣ съ другой были не въ отличномъ положеніи. Бригитта, которая завѣдывала разными частями хозяйства, начала принимать недовольный, озабоченный видъ. Нѣсколько дней она молчала, но наконецъ, разъ вечеромъ, вошла къ своей хозяйкѣ и сказала, раздувъ значительно поздри своего маленькаго носа: «Извольте, сударыня, выдавать нынче кухаркѣ кофею вдвое противъ обыкновенной порціи; ужъ какъ ни выгадывай, а все не будетъ становиться, если такъ будетъ итти. Этотъ, магистръ что-ли, выпиваетъ одинъ цѣлый маленькій кофейникъ поутру. Я отъ роду не видывала еще такой кофейницы.

На слѣдующій вечеръ опять жалобы. Съ кислымъ лицемъ и вытаращенными глазами вопила Бригитта: «Онъ не только-что кофейница, а еще и теленокъ, и на сухари ужъ такъ падокъ. Повѣрите ли, сударыня? Коробка, которую я вчера до краевъ наполнила сухарями, сегодня почти пуста; всего-то осталось три сухаря, да кой-какія крошки! а сливочникъ тотъ такисплошь каждое утро опоражнивается.»

— Такъ что жъ, Бригитта? я очень рада, что у него аппетитъ хорошъ! — отвѣчала Элиза кротко и хладнокровно.

«Вотъ тебѣ на! Прости Господи! Да онъ еще и сластёна! «ворчала въ другой разъ Бригитта.» Онъ вѣрно кладетъ по крайней мѣрѣ кусковъ двадцать сахару въ чашку, сударыня; а то какъ бы у него такъ скоро выходила сахарница? Я пришла опять просить у васъ ключа отъ жестянки, чтобы наполнить ее. Пособи намъ только Господи свести концы съ концами».

Бригиттѣ позволялось говорить многое, потому-что она состарѣлась въ семействѣ своей госпожи, носила ее на рукахъ еще ребенкомъ, и изъ привязанности осталась при ней, когда она вышла за-мужъ; сверхъ того она была неоцѣненна для присмотра за дѣтьми. Но эти жалобы повторялись такъ часто, что Элиза наконецъ сказала ей серьёзно:—Пускай онъ себѣ-ѣстъ и пьетъ, что и сколько хочетъ, и прошу не дѣлать впредь на этотъ счетъ никакихъ замѣчаній. Хоть бы онъ тратилъ по цѣлому фунту кофею и сахару въ день, это ничего, если онъ только, какъ я надѣюсь, будетъ усерднымъ другомъ и наставникомъ моихъ дѣтей. —

Бригитта удалилась съ обиженнымъ видомъ и ворча про себя: «Пожалуй, по-мнѣ все равно, я бу-

ду молчать, и таки ни словечка не скажу болѣе; по увидимъ, какой будетъ конецъ. Ему подавай... сахару и сухарей, а соленой салаки въ ротъ не беретъ!... Увидимъ, увидимъ!»

Между-тѣмъ Кандидатъ жилъ день за днемъ беззаботно и ни мало не подозрѣвая тучь, какія собирались надъ его головою, и прозваній кофейницы, теленка, лакомки и проч.; и съ каждымъ днемъ надежды Элизы оказывались болѣе и болѣе основательными. Кандидатъ примѣтно обнаруживалъ все болѣе и болѣе кротость и любезность нрава и отличныя способности къ преподаванію. Дѣти скоро почувствовали къ нему душевную привязанность. Послушаніе и уваженіе къ нему какъ къ наставнику не мѣшали имъ позволять себѣ въ свободные часы разныя невинныя шутки. Петрея въ особенности была очень затѣйлива, и Кандидатъ, любя доставлять дѣтямъ удовольствіе, охотно соглашался быть иногда предметомъ ихъ проказъ.

Завтракъ, который обыкновенно подавали въ одиннадцать часовъ для взрослыхъ членовъ семейства, особенно служилъ малюткамъ поводомъ изощрять свой умъ. Кандидатъ очень любилъ яица, и часто, когда онъ видѣлъ на столѣ покрытую салфеткой тарелку и вдругъ засовывалъ подъ нее руку, онъ находилъ вмѣсто яицъ клубки нитокъ, мячики и другія неудобоваримыя вещи. Тогда обыкновенно слышался

въ дверяхъ звонкій хохотъ, и толпа дѣтскихъ головокъ, которыя онъ съ притворною досадою бомбардировалъ мнимыми яицами, поспѣшно исчезала за дверьми съ криками радости. Иногда также, когда онъ, по старинному Шведскому обычаю, хотѣлъ выпить «en sup» (рюмку водки, шнапсъ), онъ глоталъ чистую воду, и маленькіе шалуны становились всегда на такомъ разстояніи, откуда бы могли видѣть дѣйствіе своей шутки, но куда бы однако жъ доходило только нѣсколько брызговъ пущенной на нихъ души, которая забавляла ихъ до того, что они прыгали отъ радости. Удивительно было, что, какъ часто ни повторялись эти сюрпризы, Кандидатъ всегда вдавался въ обманъ. Но онъ былъ слишкомъ углубленъ въ свои мысли (мысли Кандидата Философіи, прошу не забывать!), такъ-что ему не-когда было думать о проказахъ маленькихъ шалуновъ. Однажды...

Мимоходомъ замѣтимъ, что туалетъ Кандидата, хотя съ внѣшней стороны содержался съ великимъ тщаніемъ, въ сущности находился въ довольно жалкомъ положеніи, и потому неудивительно, что шляпа Кандидата, хорошо вычищенная и приглаженная снаружи, внутри была съ разорванной подкладкой.

Однажды Кандидатъ поставилъ свою шляпу въ углу гостиной, и въ то время, какъ онъ былъ занятъ жаркимъ разговоромъ у софы, Генрихъ, Фанни и Петрея съ таинственными знаками и же-

стами собрались какъ заговорщики около символа свободы. Никто однако этаго не замѣтилъ; но когда Кандидатъ уходилъ и въ сѣняхъ хотѣлъ надѣть шляпу, въ ней сдѣлалась ужасная кутерма: куча оловянныхъ солдатъ, камешковъ, щепокъ и Богъ знаетъ чего еще посыпалось ему на голову; а маленькой трубочистъ сѣлъ верхомъ на его носъ —и ничто не могло сравниться съ блаженствомъ дѣтей при видѣ удивленія Кандидата и комическихъ движеній головы, съ которыми онъ принялъ эту довольно непозволительную шалость. Послѣ того не удивительно, что дѣти обожали Кандидата.

Но «маленькая пчелка», которая съ нѣкотораго времени почитала себя за большую, рѣдко участвовала въ заговорахъ противъ Кандидата, и покачала головою, увидѣвъ эту новую проказу сестеръ. Она отыскала зеленые лоскутки шелковыхъ матерій въ своихъ узлахъ (у пчелки была врожденная страсть къ собиранію), тихонько взяла шляпу Кандидата, попросила мать помочь ей и въ свою очередь насладилась тайнымъ удовольствіемъ посмѣяться изподтишка удивленію Кандидата при видѣ новой съ иголочки шелковой подкладки въ шляпѣ.

«Наша пчелка престепенная дѣвочка», сказалъ съ довольнымъ видомъ Лагманъ своей женѣ, когда узналъ о поступкѣ Лунзы. Съ тѣхъ поръ родители

называли ее часто: «наша маленькая степенная пчелка.»

Прошло еще только три недѣли со времени прибытія Кандидата въ домъ Франковъ, когда Элизѣ представился поводъ дать ему новое прозваніе, а именно «генералъ-диспутатора.» Кандидатъ въ самомъ дѣлѣ началъ обнаруживать удивительную способность къ изслѣдованію всѣхъ, какъ самыхъ отвлеченныхъ, такъ и самыхъ простыхъ предметовъ, начиная съ свободной воли человѣка до правилъ кухонной стряпни и способа ѣсть яица. Посмотримъ, что Элиза писала по этому случаю къ Сесиліи.

«Какъ милъ и пріятенъ Кандидатъ во всѣхъ обыкновенныхъ отношеніяхъ, такъ онъ упрямъ и несносенъ, когда дѣло идетъ о защищеніи принятыхъ имъ мнѣній и идей, и такъ-какъ никто у насъ въ домѣ не можетъ состязаться съ нимъ въ извѣстныхъ тонкостяхъ ума, то онъ пожалуй вообразитъ, что онъ геній въ метафизикѣ, между-тѣмъ какъ я вовсе не признаю его геніальности, и тѣмъ менѣе, что его система ведетъ болѣе къ разрушенію, нежели къ созиданію, болѣе къ запутыванію, нежели къ разъясненію. Эрнстъ не охотникъ до метафизическихъ умозрѣній; и когда Кандидатъ самыя положительныя и неопровержимыя истины («есть ли въ мірѣ что-нибудь положительное и неопровержимое?» сказалъ бы Кандидатъ) начнетъ подвергать изслѣдо-

ванію, то Эрнстъ дѣлается нетерпѣливъ, пожимаетъ плечами, уходитъ къ письменному столу и предоставляетъ мнѣ рѣшить начатый споръ, въ который я не могу не вмѣшаться. Иногда мнѣ удается нѣсколько времени храбро противоборствовать ему, какъ вдругъ онъ озадачитъ меня какою-нибудь ученою фразой или оборотомъ, и я убѣгаю, оставляя его однаго на полѣ сраженія. Тогда онъ воображаетъ, что убѣдилъ меня по крайней мѣрѣ въ превосходствѣ своихъ силъ, въ чемъ онъ однако ошибается, и если счастье не пошлетъ мнѣ мощнаго союзника противъ него, то онъ сдѣлается чрезмѣрно самолюбивъ. Между-тѣмъ я любопытна послушать, что это за система, которую онъ обѣщалъ сообщить мнѣ нынѣшній вечеръ и по которой все въ мірѣ такъ хорошо и складно. Эти разговоры мнѣ очень нравятся и напоминаютъ то время, когда мы съ тобой, Сесилія, какъ двѣ бабочки порхали надъ землею, нѣжились на цвѣтахъ ея и создавали себѣ очаровательныя мечты о жизни и мірѣ. Я ихъ почти забыла теперь. Что если миѳологія нашей юности войдетъ въ составъ Кандидатовой системы?»

Тутъ Элизу прервали вбѣжавшія дѣти.

«Можно намъ взять Габріэль, маменька?» кричали они ласковымъ голосомъ.

«Хочешь пойти играть съ нами», Габріэль? ты хочешь, не правда ли?»

Петрея показала ей пряничное сердечко; видъ его подѣйствовалъ на сердечко «малютки», и она согласилась на желаніе сестеръ.

«Смотрите только хорошенько за нею друзья мои!» сказала мать. «Луиза, душечка, возьми ее подъ свое покровительство, и смотри, чтобъ она не ушиблась »

— Не безпокойтесь, маменька! — отвѣчала Луиза съ важной миной, и ликующая толпа убѣжала съ своимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Спустя минуту послѣ того, въ залѣ кипѣла игра.

Элиза взяла свою работу, а Кандидатъ съ важнымъ видомъ сѣлъ противъ нея, чтобы посвятить ее въ таинства своей системы. Онъ откашлялся и уже открылъ ротъ, чтобы начать рѣчь пословицей, какъ вдругъ послышался у дверей звонкій лай и нѣсколько разъ повторяемое: «мое почтеніе!» и въ дверяхъ показалась раскланиваясь съ нѣсколько-жеманною осанкой и съ бѣлымъ пуделемъ на рукахъ особа, въ честь которой мы начнемъ новую Главу.

ГОФМАРШАЛЬША.

Есть ли въ мірѣ уголъ, гдѣ бы не было «haute volée?» Надъ землею, выше нашихъ планетъ, горятъ звѣзды, а на птичьихъ дворахъ гуси подымаютъ свои крылья выше всѣхъ другихъ домашнихъ пернатыхъ. Такъ ужъ устроена вся вселенная. Гофмаршальша Гунилла В. принадлежала неоспоримо къ высшей «haute volée» безподобнаго городка Х., гдѣ мы познакомились съ почтеннымъ семействомъ Франкъ. Она была сестра Губернатора Шернгёка и жила въ бель-этажѣ того самаго дома, гдѣ семейство Франкъ занимало верхній, а Эвелина Берндесъ нижній этажъ. Гофмаршальша провела свою молодость при Дворѣ. Большую часть дней она проводила въ утомительной для души принужденности, а большую часть ночей въ шитьѣ платьевъ, которыя для свѣта прикрывали

ея бѣдность. Но ни страданія, ни утомленіе, ни бѣдность никогда не вырывали у нея жалобы, отъ того что подъ ея некрасивой наружностью жила сильная и кроткая душа. Одна старая тетка говорила ей часто: «Ѣшь больше, чтобы пополнѣть; пополнѣешь, такъ похорошѣешь; а похорошѣешь, такъ выйдешь замужъ!» Однако жъ Гунилла, не смотря на это увѣщаніе, никогда не ѣла ни кусочка лишняго противъ обыкновенія, не пополнѣла и не похорошѣла, но за прекрасный характеръ была любима всѣми, кто ее зналъ, а особенно молодымъ богатымъ Каммергеромъ, который своими добрыми качествами и прекраснымъ сердцемъ овладѣлъ ея сердцемъ, и дѣвица Гунилла превратилась въ — фру Гуниллу. Въ кругу близкихъ знакомыхъ и пріятелей она всегда слыла подъ этимъ именемъ, почему и мы будемъ брать иногда ту же смѣлость.

Вскорѣ послѣ женитьбы, мужъ ея, въ слѣдствіе простуды, сталъ безпрестанно хворать. На тридцатомъ году жизни она принуждена была отстать отъ свѣта, и съ удивительною любовью и преданностію посвятила себя попеченіямъ о больномъ мужѣ. По-прежнему она страдала и несла свой крестъ не жалуясь. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ глаза мужа ея не могли терпѣть свѣта, и она научилась работать въ-потемкахъ. Такъ она вышила цѣлый коверъ для своей гостиной. «На этотъ коверъ» — сказала она разъ, случайно говоря о себѣ — «я пролила много слезъ.»

Въ продолжительной болѣзни ея мужа былъ періодъ, когда ему безпрестанно казалось, что онъ падаетъ въ разверстую бездну. Только держа свою жену за руку онъ чувствовалъ себя въ безопасности. Въ такомъ положеніи она просидѣла у его постели нѣсколько мѣсяцевъ съ-ряду. Наконецъ растворилась передъ нимъ могила, и онъ сошелъ въ нее тихо, съ вѣрою въ другую, лучшую жизнь и съ чувствомъ благодарности къ женѣ за всѣ радости, которыми она усладила его земныя страданія. Когда его не стало, ей казалось, что она ни на что болѣе не нужна «какъ старый календарь», но и тутъ душа ея возвысилась подъ бременемъ, и она свою жизнь устроила спокойно и ясно. Прошли годы, и ей стало веселѣе; оригинальность ума и характера, которыми надѣлила ее природа и къ развитію которыхъ способствовало уединеніе, явилась теперь во всей своей свѣжести среди общества, куда она сначала вступила изъ благоразумія и гдѣ въ-послѣдствіи нашла удовольствіе. «Провидѣніе устроиваетъ все къ лучшему!» вотъ мысль, на которой основывалась твердость души ея. Но не это одно способствовало къ душевному ея спокойствію и той кротости, которая часто обнаруживалась въ ея голосѣ и придавала ея старому, некрасивому лицу истинную прелесть. Ей помогало еще другое обстоятельство. Такъ-какъ закатившееся солнце бросаетъ очаровательный отблескъ на долину, имъ покинутую, такъ священное воспоминаніе любимаго человѣка бросаетъ свѣтъ на оставшагося въ одиночествѣ

друга. Такимъ-то воспоминаніемъ жила фру Гунилла. Она сама не понимала, какъ это сдѣлалось, но съ тѣхъ поръ, какъ ея мужа не стало, мрачная картина его долгихъ страданій болѣе и болѣе удалялась, а его собственный образъ, возвеличенный терпѣніемъ и страданіемъ, все выдавался въ лучезарномъ сіяніи. Лучи его проникали въ ея душу, которая сама озарялась ими. Она рѣдко произносила его имя; но когда это случалось, то въ голосѣ и на лицѣ ея было нѣчто подобное дыханію лѣтняго вѣтра. Она окружала себя добрыми, почтенными людьми, къ счастію которыхъ любила способствовать, и гдѣ новозаведенное хозяйство перемогалось кое-какъ со дня на день, безъ надежды на будущее, или молодой человѣкъ былъ безъ средствъ, безъ помощи и въ необходимости прибѣгнуть къ долгамъ, тамъ тотчасъ являлась фру Гунилла, хотя по большой части пряталась за другихъ. Однако у нея были и свои недостатки, которые мы увидимъ далѣе, а покамѣстъ набросимъ наскоро ея портретъ во весь ростъ. Лѣта —между пятидесяти и шестидесяти; высока, стройна, но лишена всякой гибкости; не слишкомъ худощава — въ сравненіи съ профессоромъ Мунтеромъ даже полна; лицо блѣдно-желтое; носъ, показывающій желаніе сблизиться съ подбородкомъ; ротъ впавшій; глаза маленькіе сѣрые; лобъ чистый и красиво-осѣненный сѣдыми кудрями; руки еще прекрасныя; большой палецъ и тоненькій кончикъ указательнаго правой руки обыкновенно сжимали щепотку табаку, которую она держала въ нѣкоторой

пріятной перспективѣ отъ носа, а между-тѣмъ, облокотившись на спинку софы или креселъ, читала маленькія проповѣди и нравоученія, потому-что одною изъ ея маленькихъ слабостей была увѣренность, что она все знаетъ. Въ продолженіе своей долгой отшельнической жизни она привыкла вовсе не заботиться о своемъ туалетѣ, а потомъ ей уже трудно было отстать отъ этой привычки, и ея изношенныя шелковыя платья, изъ которыхъ на многихъ мѣстахъ, особенно на локтяхъ, проглядывала вата, ея штопаные и перештопаные воротники и завалявшіеся чепчики съ лентами, замаранными табакомъ, тяжко оскорбляли эстетическое чувство Элизы. Со всѣмъ тѣмъ была у ней Гуниллы, что называется, пріятная наружность; а по своему характеру, званію, состоянію и по уваженію, какимъ пользовалась, она принадлежала «haute volée», не смотря на изорванныя платья и запачканныя ленты, и имѣла большой вѣсъ въ обществѣ того города. Она была въ дальнемъ родствѣ съ Элизой, очень ее любила и давала ей часто совѣты на счетъ воспитанія (NB. Гофмаршальша никогда не имѣла дѣтей), за что многіе укоряли Элизу въ пристрастіи къ «haute volée», а почтмейстерша Баскъ и негоціантка Суръ ставили это ей даже въ порокъ. Въ тонѣ, обращеніи, и пріемахъ Гофмаршальши было что-то очень рѣзкое. Она всегда кланялась важно и низко, какъ мы это сейчасъ видѣли при ея входѣ въ гостинную Элизы, къ чему мы опять возвращаемся. Элиза поспѣшно встала, привѣтствовала гостью и предста-

вила Якоби, который вскрикнулъ отъ удивленія, подошелъ къ Гофмаршальшѣ съ выраженіемъ непритворнаго чувства и, поцѣловавъ почтительно ея руку, изъявилъ радость, что опять видитъ се.

Гофмаршальша моргала своими маленькими глазами и говорила: «Въ самомъ дѣлѣ, мой милый! мнѣ также очень пріятно васъ видѣть. Хе, хе, хе!»

«Какъ?» сказала Элиза съ удивленіемъ. «Г. Якоби знаетъ... вы знакомы съ Якоби?»

Кандидатъ хотѣлъ-было объяснить, какъ произошло это знакомство; но фру Гунилла, съ легкой краской на блѣдныхъ щекахъ и движеніемъ бровей, предупредила дальнѣйшее объясненіе и поспѣшно сказала: «Мы когда-то жили въ одномъ домѣ», потомъ просила продолжать прерванный ею и, какъ ей казалось, «важный разговоръ», «если я не помѣшаю», прибавила она, устремивъ испытующій взоръ на Элизу и Кандидата. — Нисколько! — Кандидатъ ждалъ только малѣйшаго знака, чтобы со всѣхъ силъ пуститься опять въ свою систему. Гофмаршальша вынула изъ кармана пакетъ съ старыми галунами и начала дергать ихъ. Кандидатъ прокашлялся и поправился.

(*Продолженіе въ XXIX т.*)

ЗОЛОТАЯ ЦѢПЬ.

Расказъ.

L'ombre et l'abime ont un mystère
Que nul mortel ne pénétra;
C'est Dieu qui leur dit de se taire
Jusqu'au jour où tout parlera.

V. Hugo.

Въ 1815-мъ году, когда одна часть нашихъ войскъ занимала Парижъ и Францію, а другая стояла въ Германіи, я, въ чинѣ подполковника, за ранами оставленъ былъ близъ Лейпцига, и за неимѣніемъ полковаго командира, убитаго въ славномъ Лейпцигскомъ сраженіи, командовалъ.... скимъ Гусарскимъ полкомъ. Нашъ полкъ занималъ Брейтенфельсъ, одну изъ ближайшихъ деревень отъ Лейпцига. Я не стану описывать вамъ ни сраженія, бывшаго здѣсь, ни наше житье-бытье, а разскажу вамъ луч-

ше что-нибудь другое, вовсе не касающееся до этой достопамятной войны, слишкомъ уже извѣстной всѣмъ вамъ и безъ моихъ расказовъ.

И такъ слушайте же! Занимаемая мною квартира принадлежала зажиточному крестьянину. Не смотря на всѣ ущербы и опустошенія, неразлучные съ войною, домъ его и семейство его представляли во всемъ порядокъ, чистоту, рачительность, расчетливую экономію и тишину мирнаго времени, такъ-что, когда я сидѣлъ дома, то забывалъ, что я одно изъ дѣйствующихъ лицъ кровопролитной войны. Честный Нѣмецъ, хозяинъ мой, былъ страстный обожатель Императора Александра и приверженецъ Русскихъ, и потому онъ и все семейство его окружали меня безпрестанными услугами и старались доставить мнѣ всевозможныя удобства спокойной жизни; а когда разговоръ касался Наполеона, тогда мой смирный Нѣмецъ выпускалъ изъ зубъ свою коротенькую трубку съ кнастеромъ, и вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ вылетали изъ устъ его тысячи бранныхъ словъ и проклятій на завоевателя Европы. Хозяинъ мой былъ лѣтъ сорока; его свѣжее лице, высокій ростъ говорили мнѣ, что смолоду онъ былъ не дуренъ собой. Черты лица его жены, которая и теперь была бы миловидна, если бы не ея дородность, доказывали, что она была нѣкогда красавицею. Старикъ, отецъ жены, сынъ и двѣ дочери составляли семейство моего добраго Нѣмца.

Какъ-то однажды я былъ дома. У меня не было никого изъ моихъ сослуживцевъ, и я дружелюбно разговаривалъ съ своимъ хозяиномъ о суетѣ мірской. Разговоръ касался различныхъ предметовъ, и наконецъ, послѣ многихъ переходовъ, мой простодушный Нѣмецъ предложилъ мнѣ разсказать свою собственную исторію. Я былъ радъ этому и, попросивши его начать разсказъ, закурилъ трубку и, выпуская кольцы изъ своего черешневаго чубука, принялся его слушать. Онъ началъ.

«Назадъ тому лѣтъ двадцать или болѣе, селеніе наше, въ которомъ я родился, было опустошено пожаромъ. Многіе изъ жителей жестоко пострадали отъ этаго пожара, но болѣе всѣхъ я; потому-что все наше доброе и отецъ мой погибли въ огнѣ. Меня не было въ это время въ селеніи—я работалъ въ Лейпцигѣ; но когда пришла туда вѣсть объ этомъ несчастіи, я поспѣшилъ провѣдать о своихъ родителяхъ и землякахъ. Пришедши на мѣсто, я нашелъ лишь голыя, обгорѣлыя стѣны, кучу пепла, да узналъ о горестной смерти своего несчастнаго отца. Горько было мнѣ, но я отеръ слезы и спѣшилъ утѣшать свою бѣдную мать. Увы! для нея безполезны были утѣшенія: я нашелъ ее на смертномъ одрѣ. Она не могла вынести потери того, что ей было всего дороже на свѣтѣ, и умерла на моихъ рукахъ. Я оплакалъ ее, отыскалъ подъ грудами головней обгорѣвшее тѣло своего отца, вырылъ могилу, добрый пасторъ освятилъ ее,

и я похоронилъ вмѣстѣ отца и мать. Горько плакалъ я, опуская ихъ въ землю, и еще горьче, когда навсегда засыпалъ ихъ землею.

«Я сирота; нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни крова родимаго, ни ласокъ родимыхъ, и долго я плакалъ, и горько я плакалъ. Всю ночь провелъ я въ слезахъ надъ могилою своихъ родителей; а къ утру я съ усердіемъ помолился Богу за упокой ихъ душъ, и Богъ послалъ мнѣ утѣшеніе. Я отеръ свои слезы. Что дѣлать? Такова воля Божія, не надо отчаяваться, прошлаго не воротимъ. Я сирота, теперь меня никто не приголубитъ, у меня нѣтъ и куска насущнаго хлѣба: такъ надобно работать, у меня есть руки, есть сила, такъ чего же мнѣ еще?. Нѣтъ, не стану унывать, а возложу свою надежду на Бога. Я помолился еще, еще поплакалъ, и хотя съ горестью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ твердостью побрелъ я обратно въ городъ. Тамъ ожидала меня работа, которая теперь осталась моимъ единственнымъ средствомъ къ пропитанію; но, покидая могилу родителей, я далъ себѣ обѣщаніе приходить туда каждое воскресенье, чтобы молиться за упокой ихъ душъ.

«Прошло около года; я былъ вѣренъ своему обѣщанію. Я работалъ и этими трудами добывалъ себѣ насущный хлѣбъ, а въ воскресенье я приходилъ въ свое селеніе и, отстоявши обѣдню, отправлялся на

могилу родителей. Къ-вечеру я возвращался въ городъ и на другой день снова принимался за работу.

«Въ одно воскресенье подлѣ меня сидѣла какая-то молоденькая и хорошенькая дѣвушка. Она была такъ хороша, что я забывалъ даже молиться и, не слушая проповѣди пастора, только глядѣлъ на нее; она же ни на кого не смотрѣла и молилась, молилась усердно — и только, когда кончилась служба, она взглянула на меня. Вышедши изъ церкви, я пошелъ по обыкновенію своему на могилу; но я не могъ молиться: я думалъ только о своей хорошенькой сосѣдкѣ. Въ этотъ день я не возвращался въ городъ, а провелъ вечеръ въ селеніи и танцовалъ съ Генріэтою; послѣ же ночевалъ у одного изъ своихъ пріятелей: меня любили въ деревнѣ; не смотря на свою бѣдность я былъ не безъ друзей.

«Такимъ образомъ провелъ я нѣсколько воскресеній. Мы довольно коротко познакомились съ Генріэтою. Она была довѣрчива и мила со мною болѣе, какъ мнѣ казалось, нежели съ другими; а я, я просто влюбился въ нее по-уши. Работа опостылѣла мнѣ; я не думалъ уже о томъ, какъ добывать свой хлѣбъ, какъ угодить своему хозяину; нѣтъ, совсѣмъ другое было въ головѣ моей; я считалъ дни и ждалъ только воскресенья: по-этому работа моя была уже не такъ рачительна, и хозяинъ чаще и чаще сталъ выговаривать мнѣ. Я чувствовалъ, что онъ справедливо былъ

недоволенъ мною, но не могъ никакъ поправиться. Генріэта занимала всѣ мои мысли.

«Однажды я прихожу, какъ всегда это дѣлалъ, на могилу родителей и вижу женщину, стоящую на колѣнахъ и молящуюся. Я боялся сперва подойти, чтобы не помѣшать ей; но когда узналъ въ этой женщинѣ Генріэту, тогда не могъ удержаться и рѣшился прервать ея набожное занятіе. Въ это время она только-что кончила свою молитву и, увидѣвши меня, смутилась и покраснѣла.

«Милая, добрая Генріэта, сказавъ я, и ты молишься за моихъ родителей?

—Какъ же не молиться мнѣ, Фрицъ, отвѣчала она, нѣсколько оправившись, вѣдь это твои отецъ и мать?

Отвѣтъ ея обрадовалъ меня. Ахъ! какъ счастливъ былъ я, услыша его! Онъ ободрилъ меня; я взялъ ее за руку; она не отымала ея.

«Послушай, Генріэта, сказалъ я, я буду говорить съ тобою откровенно. Я бѣдный сирота, у котораго нѣтъ и куска хлѣба, и который лишь въ потѣ лица можетъ добывать его; но я люблю тебя. Милая Генріэта, я люблю тебя! Хочешь ли ты быть моею женою? Скажи только одно слово, и я сей часъ пойду просить тебя у твоего отца; онъ вѣрно не будетъ противиться.

Генріэта! Генріэта! скажи мнѣ только, любишь ли ты меня?

Она молчала, и румянецъ стыдливости покрывалъ ея миленькое личико; но она не отымала у меня своей руки, которую я крѣпко жалъ. Наконецъ, тихо и запинаясь, она отвѣчала мнѣ:

— Ступай, Фрицъ! если отецъ благословитъ насъ, я готова быть твоею женою.

Я былъ внѣ себя отъ счастія и въ избыткѣ восторга осмѣлился, забывъ святость мѣста, запечатлѣть на ея челѣ чистый поцѣлуй непорочной любви.

Мы разстались; я пошелъ къ ея отцу.

«Послушай, почтенный Вильгельмъ, сказалъ я, когда пришелъ къ нему, я у тебя за важнымъ дѣломъ и безъ всякихъ околичностей скажу тебѣ, что я пришелъ просить у тебя руки твоей дочери. Ты знаешь, кто я таковъ, знаешь меня самаго; хочешь ли ты отдать мнѣ ее и тѣмъ сдѣлать меня самымъ счастливымъ человѣкомъ? Я съ своей стороны обѣщаю тебѣ быть для дочери твоей добрымъ мужемъ, а передъ тобою почтительнымъ сыномъ: и день и ночь стану я работать для счастія ея и для спокойствія твоего.

Старикъ молчалъ, покачалъ головою и отвѣчалъ мнѣ.

—Слушай, Фрицъ, я зналъ твоего покойнаго отца: хорошій былъ онъ человѣкъ, царство ему небесное! Мы были съ нимъ друзьями. Знаю я и тебя съ малолѣтства и знаю какъ хорошаго и честнаго малаго, такъ-что если бы не одно обстоятельство, я съ радостію бы отдалъ тебѣ свою дочь. Но разсуди самъ, Фрицъ: у тебя ничего нѣтъ, ты самъ бѣдный работаешь день и ночь изъ-за скудной платы, которая достаточна только для пропитанія тебя однаго. У меня также немного; да притомъ у меня есть и сыновья, которыхъ я не могу обидѣть и отдать все своей дочери. Чѣмъ же вы двое будете жить? У васъ пойдутъ дѣти: чѣмъ вы будете ихъ кормить? на что одѣвать, обувать? На все надобны деньги, добрый мой Фрицъ, а у тебя ихъ нѣтъ. Такъ разсуди же самъ, каково будетъ ваше житье-бытье? Можете ли вы быть счастливы, когда нужда будетъ безпрестанно стучаться къ вамъ въ дверь? Нѣтъ, Фрицъ, послушай лучше моего совѣта, я люблю тебя, мнѣ очень жаль, что я огорчилъ тебя этимъ отказомъ. Но лучше правду сказать теперь, нежели тогда, какъ будетъ уже поздно, и потому я совѣтую тебѣ отложить намѣреніе жениться. Ты еще молодъ, поработай еще лѣтъ пять-шесть, да поработай поприлежнѣе, откладывай по-немногу отъ своего жалованья, собери такимъ образомъ маленькій капиталъ: на первый разъ этаго будетъ довольно. А тамъ, если ты все еще бу-

дешь любить мою Генріэту, а она тебя — я, можетъ быть, отдамъ тебѣ ее; но не забывай моихъ словъ, честный Фрицъ: молись Богу, да работай!

«Я простился съ старикомъ, и съ стѣснепнымъ сердцемъ побрелъ обратно въ Лейпцигъ. Горестенъ былъ мнѣ этотъ отказъ; но тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что Вильгельмъ говорилъ правду. Да, думалъ я, бѣдняку и одному тяжело жить, а съ женою, да съ дѣтьми — еще того тяжелѣе. Конечно, я радъ бы былъ, если бы онъ тотчасъ отдалъ мнѣ свою Генріэту: я былъ бы счастливъ тогда. Но потомъ, когда мои малютки со слезами и крикомъ придутъ просить у меня хлѣба, а у меня его не будетъ, когда жена моя въ рубищѣ пойдетъ просить милостыню, каково мнѣ будетъ тогда? Да, старикъ Вильгельмъ правъ. Буду работать, день и ночь буду сидѣть; такъ, можетъ быть, Господь Богъ и поможетъ мнѣ, и тогда я уже буду вполнѣ счастливъ. Да, Фрицъ, потерпи пока, а тамъ самому будетъ хорошо.

«Съ этими мыслями я возвратился домой. Было уже поздно; товарищи мои уже спали, и я, слѣдуя ихъ примѣру, раздѣлся и легъ, думая о томъ, какъ бы мнѣ угодить хозяину и болѣе выработать. Съ этимъ я заснулъ.

«Вдругъ я вижу странный сонъ. Ко мнѣ приходитъ рыцарь въ полномъ вооруженіи — въ бронѣ, въ

шеломѣ, съ мечемъ, точь въ точь такимъ, какъ видѣлъ я рыцарей, изображенныхъ на стѣнахъ залы въ ратушѣ, куда однажды ходилъ изъ любопытства съ своими товарищами. Лице его было закрыто опущеннымъ забраломъ. Вотъ онъ подходитъ ко мнѣ все ближе и ближе, и наконецъ становится у моего изголовья и говоритъ мнѣ.

«Фрицъ! ты бѣденъ и хочешь жениться на дѣвушкѣ, которую любишь. Тебѣ нужны деньги; слушай меня, я тебѣ помогу въ этомъ. Ступай въ свое селеніе, пройди его все, поверни направо, и ступай все прямо; ты дойдешь до небольшой часовни; отъ нея возьми не много влѣво, и ты дойдешь до широкой равнины, гдѣ нѣкогда въ достопамятную тридцатилѣтнюю войну было Лейпцигское сраженіе. Пройди эту равнину и ступай вверхъ по ручейку; тутъ ты увидишь ракитовой кустъ. Копай землю подъ этимъ кустомъ, и ты дороешься до костей человѣческихъ. Эти кости мои. Я убитъ въ этомъ сраженіи, въ которомъ славный и добрый нашъ король мстилъ за бѣдныхъ Магдебургцевъ, и мои кости неотпѣтыми лежатъ до сихъ поръ въ томъ мѣстѣ, о которомъ я тебѣ сказалъ. Возьми ихъ, почти ихъ долгомъ Христіанскимъ, и я тебѣ буду вѣчно благодаренъ. Награду за труды ты найдешь вмѣстѣ съ костями. Прощай!

«Онъ исчезъ, и я проснулся; товарищи мои уже встали и одѣвались. Я поспѣшилъ сдѣлать то же,

и, принявшись за работу, сталъ разсуждать о своемъ сновидѣніи. Что за странный сонъ? думалъ я; откуда явился этотъ рыцарь? Не уже ли я въ самомъ дѣлѣ пойду отрывать его, и потеряю день работы, не оказавши ни услуги ему, ни пользы себѣ? Мало ли что видишь во снѣ; да не всему же вѣрить. И я рѣшился нейти, а работать. Я работалъ прилежно, и хозяинъ по-прежнему былъ доволенъ мною. Пришелъ вечеръ, пришла ночь, мы всѣ легли, и я опять вижу тотъ же сонъ.

«Ступай, Фрицъ, говорилъ рыцарь; вмѣстѣ съ костями моими ты найдешь богатую награду за свое доброе дѣло, которое теперь будетъ тебѣ очень кстати.

«Что за чудо, думалъ я, когда вставалъ поутру; другая ночь — и тотъ же самый сонъ! Пойду лучше, да посовѣтуюсь съ Вильгельмомъ.

«Я отпросился у своего хозяина идти въ Брентенфельдъ; онъ отпустилъ меня. Пришедши, я разсказалъ все подробно отцу Генріэты и описалъ ему мѣсто, назначенное рыцаремъ.

«Подожди, Фрицъ, отвѣчалъ онъ; это въ самомъ дѣлѣ странно; подожди, что будетъ на третью ночь. Если опять тоже, тогда ты скажи обо всемъ своему хозяину, и мы пойдемъ съ тобою вмѣстѣ отрывать этаго рыцаря.

«Пришла третья ночь — опять вижу тотъ же сонъ,

«Ты сомнѣваешся, говорилъ рыцарь; такъ вотъ тебѣ залогъ справедливости моихъ словъ и награды, обѣщанной мною; остальное ты найдешь вмѣстѣ съ моими костями.

«И онъ исчезъ, сунувши мнѣ что-то подъ подушку.

«Проснувшись поутру, я опять сталъ дивиться странности этаго сна, который видѣлся мнѣ уже въ третій разъ. Слѣдуя совѣтамъ Вильгельма, я рѣшился объявить обо всемъ своему хозяину; но когда я сталъ одѣваться, вспомнилъ, что рыцарь сунулъ мнѣ что-то подъ подушку. Любопытство заставило меня посмотрѣть, и я нашелъ обломокъ толстой золотой цѣпи длиною съ футъ. Это уже совершенно рѣшило меня, и я вмѣстѣ съ этимъ отломкомъ пошелъ къ хозяину, которому расказалъ свой сонъ, видѣнный мною въ продолженіе трехъ ночей сряду. Хозяинъ дивился и отпустилъ меня къ Вильгельму, къ которому я просился.

«Я пришелъ къ нему, расказалъ о вновь видѣнномъ мною снѣ въ третій разъ и показалъ ему цѣпь, найденную мною подъ подушкою.

«Пойдемъ, Фрицъ, сказалъ онъ; видно это правда; пойдемъ, отроемъ рыцаря и похоронимъ его. Это, значитъ, Богъ посылаетъ тебѣ, добрый мой Фрицъ, за твое терпѣніе и трудолюбіе.

«Мы взяли два заступа и отправились; мы шли по дорогѣ, назначенной мнѣ рыцаремъ, и скоро отыскали и равнину и ракитовой кустъ, которые онъ описалъ мнѣ.

«Тутъ мы принялись рыть. Не прошло получаса работы, какъ заступъ мой стукнулъ обо что-то желѣзное. Мы удвоили стараніе, и чрезъ нѣсколько минутъ отрыли рыцаря: онъ былъ въ полномъ вооруженіи, и точь въ точь въ такомъ, въ какомъ онъ являлся въ моихъ снахъ. На груди его была длинная золотая цѣпь; я тотъ-часъ вынулъ изъ кармана свой обломокъ; приложивши его къ ней, нашелъ, что онъ точно отъ этой самой цѣпи.

«Съ помощію Вильгельма, я поднялъ рыцаря. Онъ совершенно уже истлѣлъ; только кости, да его вооруженіе, покрытое ржавчиною, остались отъ него. Мы принесли рыцаря въ деревню. Народъ, узнавъ объ этомъ, толпами сходился смотрѣть его; нашъ пасторъ прочелъ надъ остовомъ молитву за упокой его души, освятилъ его могилу, и мы похоронили его, какъ Христіанина и доблестнаго воина, погибшаго въ честномъ бою за родину и вѣру.

«Золотую цѣпь, найденную на рыцарѣ, я взялъ себѣ (это была обѣщанная мнѣ награда). Я продалъ ее за дорогую цѣну одному лорду, который, въ это время, проѣзжалъ чрезъ Лейпцигъ; на вырученныя за нее деньги я купилъ порядочный клочекъ земли и сталъ обработывать его. Такимъ образомъ я обезпечилъ свое состояніе, и старикъ Вильгельмъ, видя это, рѣшился отдать за меня свою Генріэту.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я отыскалъ и похоронилъ рыцаря, благословеніе Божіе не покидало меня. Генріэта меня любила и дѣлала меня счастливымъ. Я работалъ трудолюбиво, она ревностно помогала мнѣ. Жатва на моихъ поляхъ всегда была самая обильная; словомъ, мое маленькое состояніе съ каждымъ днемъ увеличивалось, и наконецъ, при помощи Божіей, я достигнулъ того, что меня стали называть зажиточнымъ фермеромъ; у меня теперь сынъ да двѣ дочери. Старикъ Вильгельмъ, женившіи вскорѣ послѣ этаго своихъ сыновей, перешелъ жить ко мнѣ, и этотъ старикъ, котораго вы всякой день видите и котораго мы называемъ отцомъ, а дѣти нашп дѣдушкою, это Вильгельмъ. Въ память неожиданнаго благословенія Божія я сохранилъ остатокъ цѣпи и передамъ его старшему сыну, съ тѣмъ, чтобы онъ въ свою очередь передалъ его своему старшему сыну — и чтобы онъ такимъ образомъ переходилъ въ нашемъ родѣ отъ отца къ сыну».

Мой честный Нѣмецъ, кончивъ свой расказъ, показалъ мнѣ этотъ замѣчательный обломокъ цѣпи, и я самъ видѣлъ, что кусокъ не отпиленъ, а именно отломанъ, или отбитъ отъ большей цѣпи. Теперь пусть судитъ каждый по-своему объ этомъ странномъ и чудесномъ сновидѣніи; я передалъ только то, что слышалъ отъ самаго дѣйствующаго лица.

Г. Токаревъ.

1839-*го года*, 26 *Августа*.
С. Петербургъ.

ТРИ ВЕЧЕРА У ПРІЯТЕЛЬНИЦЫ.

Свѣтскій случай.

На стѣнныхъ часахъ старушки Лириной было два часа. «Боже мой! какъ летитъ время въ вашей милой бесѣдѣ,» сказала молодая хорошенькая Леонора Ивановна Фебусова, прощаясь съ любезною хозяйкой и крѣпко сжимая въ дружескихъ объятіяхъ старшую дочь ея. «Мнѣ на модныхъ вечерахъ часы кажутся безконечными чаще, нежели здѣсь, втроемъ съ вами.»

Въ послѣднихъ словахъ привлекательной вѣтрепицы заключалось несравненно болѣе лести достоинствамъ Лириныхъ, нежели во всѣхъ взглядахъ и рѣчахъ молодежи, которая любовалась въ почтительномъ отдаленіи стройною Софьею, когда она покидала свое уединеніе. Софья Дмитріевна была одно изъ тѣхъ элегическихъ созданій съ нѣжными чертами, испол-

ненными болѣе мягкаго чувства, нежели суровой мысли, одно изъ созданій, которыя родятся только въ воображеніи истиннаго поэта и иногда являются въ мірѣ для того, чтобы своимъ обаяніемъ напомнать смертному о существованіи чистой красоты. Станъ ея былъ гибокъ до эфирности, млечная бѣлизна лица рѣдко оживлялась яркимъ румянцемъ, но свѣжесть розовыхъ губокъ была роскошна, какъ молодой розанъ. Въ улыбкѣ ея было столько неподдѣльной прелести, столько непорочности ребенка, что свѣтская пріятельница любила нарочно смѣшить ее, чтобъ тѣшить свой праздный взглядъ этимъ милымъ дѣтскимъ личикомъ. Нерѣдко Фебусова по получасу не сводила съ нея своихъ большихъ темно-карихъ глазъ.

Не удивляйтесь, что свѣтская женщина съ такимъ радушіемъ любовалась привлекательностію своей пріятельницы: онѣ нигдѣ еще не показывались *вмѣстѣ* въ большомъ обществѣ. Подождите! Теперь еще прошло не болѣе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, какъ Лирины возвратились изъ провинціи, сохраня привычку къ уединенію и равнодушіе къ свѣту. Фебусова сама искала ихъ знакомства и полюбила ихъ прежде, нежели онѣ свою домовую хозяйку. Мать Софьи нанимала въ домѣ Фебусовой небольшую квартиру.

Непостижимо, почему Леонора Ивановна съ такимъ рвеніемъ искала дружбы идеальной Софьи! Характеры ихъ, мнѣнія о жизни, привычки, наклон-

ности такъ ярко отдѣлялись, что невозможно было и подозрѣвать когда-нибудь въ нихъ малѣйшее сочувствіе.

Леонора Ивановна, цвѣтущая всею полнотой жизни, съ открытымъ и быстрымъ взглядомъ карихъ глазъ, мелькающихъ какъ потѣшные огни — когда глаза эти пересчитывали свои побѣды и неподвижныхъ, если красавица останавливала ихъ на лицѣ, чѣмъ-нибудь завлекавшемъ ея вниманіе — такъ мало походила на свою пріятельницу, какъ пестрѣющій тюльпанъ на ярко-бѣлую лилію. Не смотря на полноту, лице ея лишено было того розоваго оттѣнка, который составляетъ главную прелесть свѣжей красоты. Даже черезъ-чуръ маленькій ротъ ея былъ всегда мертвенно блѣденъ. Выраженіе лица не имѣло никакаго отпечатка мысли или чувства. Маленькій, нѣсколько вздернутый носикъ обличалъ ее въ непростительномъ легкомысліи. Въ походкѣ — никакого достоинства, въ пріемахъ и движеніяхъ недоставало благородства и пріятности. Но въ свѣтѣ никто такъ анатомически не разлагалъ ея недостатковъ — и, увлекаясь привлекательностію этой прямо-свѣтской физіономіи, всѣ звали ее хорошенькою. И въ самомъ-дѣлѣ, черты ея, взятыя вмѣстѣ, не смотря на отсутствіе въ нихъ правильности и оригинальности, могли нравиться и занимать взгляды. Достаточное состояніе ея мужа позволяло ей предаваться почти ежедневно свѣтскимъ удовольствіямъ, хотя, пресыщенная ихъ изобиліемъ, причудница рѣдко возвращалась

съ бала довольною собой и другими. Супружество не имѣло для нея другихъ обязанностей, какъ только приготовить сюрпризъ къ именинамъ мужа и подавать ему руку на гуляньѣ, если онъ изъявлялъ желаніе слѣдовать за нею. Впрочемъ они оба были очень счастливы изумительнымъ сходствомъ характеровъ.

Знакомство съ Лириными не много остепенило Фебусову. Она начала отказываться отъ ежедневныхъ выѣздовъ, чтобъ провести вечеръ за полночь съ своими новыми друзьями.

Приближалась осень. Фебусова заговорила о «короткихъ вечерахъ», которые хотѣла назначить разъ въ недѣлю. Надѣюсь, говорила она самой Лириной, что не только Софья Дмитріевна будетъ непремѣннымъ ихъ украшеніемъ, но и Nadine «изумрудные глазки» захочетъ танцовать у меня. Это относилось къ маленькой сестрѣ Софьи. Фебусова любила ее за пылкую живость характера и дѣтскую смѣтливость.

Наконецъ 5 го Сентября, въ день рожденья Леоноры Ивановны, открылся первый назначенный вечеръ. Когда стройная, воздушная Софья, въ бѣломъ, прозрачномъ платьѣ, убранная съ простотою изящества, вошла съ маленькою сестрой въ гостиную Фебусовой, молодая хозяйка была окружена только дѣвицами. Всѣ онѣ съ нежданою лаской привѣтствовали

милую гостью, и не прошло получаса, какъ легкій, игривый разговоръ сдѣлался общимъ. О мужской половинѣ общества еще нельзя было сказать ничего опредѣлительнаго. Кто былъ въ ожиданіи танцевъ, а кто зеленаго стола. Немногіе изъ мущинъ входили въ гостиную и, казалось, слишкомъ мало заботились объ угожденіи хозяйкѣ. Вообще у насъ теперь ввелось нестерпимое обращеніе съ дамами. На танцовальномъ вечерѣ небрежность, съ какою мущины ангажируютъ дамъ, оскорбительнѣе самой холодности и нѣкотораго презрѣнія къ танцамъ, которыя овладѣли теперь всѣмъ ихъ поломъ. Двѣ цѣли изгоняютъ ихъ изъ кабинета въ общество: карты и роскошный обѣдъ или ужинъ.

Нѣкоторыя дѣвицы, наскуча любоваться своимъ отраженіемъ въ большомъ трюмо, за кресломъ хозяйки, нетерпѣливо поглядывали въ залу.

Замѣтно было, что и Леонору Ивановну безпокоило какое-то ожиданіе. Вдругъ звонъ шпоръ и сабли кавалериста электрическою искрой пронзилъ внимательный слухъ ожидающихъ. Въ дверяхъ гостиной явился высокій, молодой уланъ. Хотя наружность стройнаго гостя не отличалась особенною красотой, но благородная осанка, умное выраженіе лица и что-то особенно привлекательное въ чертахъ могли обратить на него самое разсѣянное вниманіе.

щенъ. Каждому опредѣляется для семи лѣтъ 6 или 7 тысячь знаковъ, кои выдаются за хорошее поведеніе, за исправную работу. Каждый можетъ заслужить до 60 знаковъ въ недѣлю. Чѣмъ скорѣе онъ пріобрѣтетъ всѣ 6000 знаковъ, тѣмъ скорѣе онъ освобождается. На эти знаки каждый можетъ покупать различныя пріятности и выгоды, наприм. чай, сахаръ, чтеніе книгъ и пр. Правда, что такимъ образомъ время заключенія продолжается, ибо число знаковъ уменьшается покупкою; но надзиратель тюрьмы старается иначе вознаграждать сію потерю. Недавно учреждена тамъ школа для молодыхъ ссыльныхъ и библіотека для чтенія. За то и за другое они платятъ своими знаками. Такъ-какъ нѣкоторые, случайно или отъ болѣзни, могутъ лишиться возможности работать, и слѣдовательно пріобрѣтать знаки, и слѣдственно *ускорить освобожденіе*; то сами ссыльные, безъ всякаго участія директора, составили кассу посредствомъ своихъ знаковъ, и даютъ ихъ тѣмъ, кои не могутъ работать, дабы сіи послѣдніе не теряли надежды скорѣе освободиться. Директоръ завелъ также школу музыки, и по воскресеньямъ они поютъ и играютъ на различныхъ инструментахъ. Наконецъ были и театральныя представленія. Директоръ, въ рапортѣ своемъ, говоритъ, что совершенно строптивыхъ или такихъ, коихъ нельзя исправить, нѣтъ въ его колоніи, что есть только лѣнивые и глупые. Благородный энтузіасмъ основателя сей системы побудилъ его наконецъ дать праздникъ, въ

день рожденія Королевы. Были иллюминаціи, фейерверки, различныя игры; и такъ-какъ невозможно было въ семъ случаѣ сохранить надъ бѣдными ссыльными обыкновеннаго надзора, то онъ публиковалъ, что полагается на ихъ деликатность и, позволяя имъ оставаться на свободѣ до 8 часовъ вечера, надѣется, что они сохранятъ порядокъ. Никто не нарушилъ его; все произошло тихо и спокойно *. *Лордъ Джонъ Руссель*, бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, не одобрилъ сего послѣдняго опыта, основываясь на томъ, что, «стремясь къ исправленію самихъ преступниковъ, надлежитъ также имѣть въ виду, что примѣръ ихъ участи долженъ *устрашать* другихъ **», и далъ позволеніе главному губернатору колоніи отрѣшить директора отъ должности, если найдетъ нужнымъ. Къ-счастію губернаторъ не нашелъ сей нужды. Если бы *лордъ Джонъ Руссель* зналъ Нѣмецкую теорію (*Гедѣ* *** и другихъ) о цѣли наказаній,

Какъ бы мнѣ пріятно было указать на подобныя сему явленія и на *Воробьевыхъ горахъ*, гдѣ, обыкновенно, между ссыльными, дѣлежъ подаваемой имъ милостыни совершается въ строгомъ порядкѣ и съ примѣрною честностію! Никогда еще я не замѣтилъ, чтобы получившій уже подаяніе принялъ оное вторично, если полагалъ, что оно подавалось ему ошибкою.

** Вы видите, что есть *запоздалые*, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ здравымъ началамъ уголовной юриспруденціи, и въ Англіи и между *вигами*.

*** *Гедѣ* былъ профессоромъ уголовнаго права въ Гетингенѣ, въ началѣ XIX столѣтія, и однимъ изъ ученѣйшихъ и глубокихъ криминалистовъ въ Германіи. Онъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ и оставилъ по себѣ только классическое путешествіе въ Англію, въ 4 кни

Взглядъ хозяйки будто закаменѣлъ на новомъ гостѣ. Всѣ дѣвушки, вкось и прямо, устремили на него прихотливые глазки. Мелькомъ взглядъ Лириной скрестился со взглядомъ улана. Двѣ минуты медлилъ онъ въ дверяхъ, спросилъ о чемъ-то родственницы Фебусовой и ловко подошелъ привѣтствовать хозяйку.

— Вотъ человѣкъ! сказала съ неудовольствіемъ Леонора Ивановна, когда уланъ вышелъ въ залу; четвертый разъ видитъ меня и все еще не знаетъ!—

— Развѣ онъ близорукъ? спросила одна блондинка съ истомленной физіономіей. —

— Кто его знаетъ! былъ отвѣтъ оскорбленной хозяйки; чего мнѣ стоило привлечь его въ свой домъ! Онъ пріѣзжій, съ юга; недавно переведенъ изъ арміи. —

— Вѣрно не отвыкъ еще отъ провинціальной жизни, примолвила другая блондинка, страстная обожательница танцевъ.

— Нѣтъ, это что-то другое; онъ довольно развязенъ и скорѣе можетъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, нежели деревенскимъ флегмой. —

Ясно, что хозяйку занималъ новый гость ея не первый вечеръ. Между-тѣмъ неблагодарный кумиръ этаго маленькаго общества не спѣшилъ любезничать съ кокетливою Леонорой и медленно ходилъ по залѣ съ ея родственникомъ, стариннымъ своимъ пріятелемъ и одноземцемъ. Всякій разъ глубокій взглядъ его останавливался исключительно на лицѣ Лириной. Она одна только не слѣдила его неосторожными взорами и спокойно продолжала слушать пустую болтовню сосѣдокъ.

Начались танцы. До конца вечера уланъ былъ преданъ одной Софьѣ и не удостоилъ хозяйку ни одной кадрилью. Изъ приличія пригласилъ онъ ее на мазурку, или, можетъ быть, Софья была ангажирована. Отъ наружности до рѣчей все согласовалось въ Лириной съ образомъ мыслей Ч---го о женщинахъ. Его образованный, истинный умъ отличилъ въ ней ту же образованность и истину ума, какія внутренно сознавалъ въ себѣ. Дѣтскость ея улыбки шевельнула неиспорченное свѣтомъ сердце молодаго человѣка; глубокое знаніе свѣта и почтительность обращенія его съ дамою, съ которою онъ танцевалъ, обратили на него вниманіе Софьи. Нельзя было не простить ему разсѣянности и небрежности къ другимъ дѣвушкамъ; его плѣнила съ перваго взгляда Лирина. Оканчивая съ нею кадриль, онъ боялся опоздать ангажировать ее на другую, и не скрывалъ своего нетерпѣнія отъ

милой дѣвушки: она какъ солнышко свѣтила ему такою ясною улыбкой!

Въ концѣ мазурки Леонора, танцуя съ Ч---мъ въ первой парѣ, сама назначила фигуру «кошка и мышка». Дѣвицы со смѣхомъ бѣгали по залѣ, уклоняясь отъ своихъ кавалеровъ. Софьѣ Дмитріевнѣ не нравилась эта ловля. Выйдя изъ круга, она тотчасъ подала руку ищущему ее улану.

— Ахъ, Sophie, вскричала хозяйка, не стыдно ли нарушить наше условіе — не сдаваться такъ скоро! Что бы помучить шг. Ч---го! —

Уланъ увлекъ виноватую въ веселый вихрь танца, и восклицаніе Фебусовой осталось потерянным. Откланиваясь Ч---му при концѣ танца, хозяйка призналась ему, что это была не мазурка, а очарованіе! И эта необдуманность не вызвала упрямца на привѣтствіе. Онъ спѣшилъ отдохнуть въ отдаленной комнатѣ отъ внутренняго волненія. Онъ чувствовалъ себя подъ вліяніемъ какаго-то отраднаго впечатлѣнія, которое хотѣлъ бы надолго упрочить за собою. Призывъ къ ужину вывелъ его изъ краткой задумчивости. Хозяйка окружила себя за большимъ столомъ однѣми женщинами, а мущинамъ было разставлено нѣсколько столиковъ въ глубинѣ залы. Не смотря на неудачу своего кокетства, Леонора была, или старалась быть, необыкновенно любезною и веселою.

У женщинъ, особенно у свѣтскихъ, не скоро отличишь ложь отъ истины. Надобно отдать имъ справедливость въ умѣньѣ притворяться. Не правда ли, что это показываетъ крѣпость воли и твердость духа? Не смотря на ихъ истерическую и нервическую слабость, въ нихъ несравненно болѣе истиннаго мужества, нежели въ отважныхъ представителяхъ могучаго пола. Причудница упадетъ въ обморокъ при какомъ-нибудь нечаянномъ стукѣ въ другой комнатѣ, и скроетъ подъ веселою улыбкой самыя слезы оскорбленія своей мечты. Такова ихъ природа.

На другой или на третій день вечера Леонора посѣтила свою пріятельницу, и, не упоминая ничего о минувшихъ проказахъ своего праздника, завела рѣчь о томъ, какъ *всѣ* гвардейцы проматываютъ свои имѣнія, тонутъ въ долгахъ и избираютъ цѣлію жизни — женитьбу на богатой. Я увѣрена, и это доказано ста примѣрами, говорила она съ особеннымъ жаромъ, что ни одинъ гвардейскій на бѣдной не женится. Глупа та дѣвушка, которая вѣритъ ихъ исканіямъ: они клонятся ни къ чему болѣе, какъ только къ особенному хвастовству передъ товарищами, чтобъ послѣ выставить «дурочку» сказкою общества.

Язвительный смыслъ подобныхъ рѣчей сжалъ сердце бѣдной дѣвушки. Гордость ея была незаслуженно обижена, достоинство оскорблено. Ей сдѣлалось душно и тяжко въ объятіяхъ своей свѣтской

пріятельницы, когда та прощалась съ нею, отозванная мужемъ на чей-то бальной вечеръ.

Что думала Софья, оставшись сама съ собою? Ч---ій не могъ въ одинъ разъ овладѣть ея сердцемъ: она была не изъ числа самолюбивыхъ и вмѣстѣ робкихъ дѣвушекъ, трепещущихъ отъ легкой побѣды. Ей нужно было долгое и постоянное вниманіе, неподдѣльная теплота чувства, чтобы занять и наполнить свободныя мечты ея. Провинціалку конечно восхитило бы подобное торжество; немного новаго вниманія, и неосторожная простилась бы съ спокойствіемъ. Но Софья Дмитріевна раннимъ опытомъ разгадала свѣтъ, и такъ мало цѣнила его обольщенія, что не могла вдаться въ этотъ несчастный обманъ, которымъ грозила ей пріятельница. Леонора мѣтко попала въ цѣль. Я докажу ей, какъ она ошиблась! размышляла обиженная; пусть та и ловитъ, которой за рѣдкость побѣды, а я уживусь въ моемъ уединеніи съ мечтами одиночества.

Наканунѣ 1-го Октября, Леонора звала Лизину на прогулку въ Академію Художествъ (въ тотъ годъ была выставка). Софья Дмитріевна уже два раза была въ теченіе Сентября на художественной выставкѣ и потому отказалась отъ прогулки, предполагая итти къ обѣднѣ къ храмовому празднику. Пріятельница ея не настаивала, но пригласила ее на-вечеръ къ себѣ въ день ихъ приходскаго празднества.

У Софьи Дмитріевны была усердная горничная, которая утромъ 1-го Октября проболталась барышнѣ, что на прошедшемъ вечерѣ у ихъ домовой хозяйки всѣ дѣвицы гнѣвались на Софью Дмитріевну за побѣду надъ уланомъ, который, какъ расказывала хозяйская горничная, безъ ума отъ Софьи Дмитріевны и въ этомъ не скрывается даже отъ Леоноры Ивановны! Всѣ въ домѣ, продолжала болтунья, того и ждутъ, что онъ къ вамъ присватается.

— Поди отъ меня съ своими глупостями, говорила осторожная Софья; ты знаешь, я не люблю никакихъ сплетней. —

— Помилуйте, барышня, какія это сплетни! Я не то, чтобы какая-нибудь посторонняя: я няньчила вашу сестрицу, и ужъ десятый годъ, какъ служу вамъ усердно. Позвольте же мнѣ хоть немножко вольности. Вѣдь уланъ-то началъ очень часто бывать у Леоноры Ивановны, только все что-то не надолго пріѣзжаетъ. Намедни, какъ хозяйка была у васъ вечеромъ, для него вызвала ее Маша-то. Я слышала, какъ она шепнула Леонорѣ Ивановнѣ: г-нъ Ч---ій пріѣхали, сударыня. Она ничего вамъ не сказала и простилась будто за тѣмъ, что дома дѣло ждетъ. —

Софья Дмитріевна одѣвалась къ обѣднѣ, слушая по неволѣ эти доносы, потому-что сама Лирина, любя няньку Наденьки за ея преданность господамъ,

иногда позволяла ей въ рѣчахъ болѣе, нежели сколько сама имѣла довѣрія къ этому неблагодарному племени.

Когда наступилъ вечеръ, и Наденька торопила сестру приготовленіями къ вечеру, Софья сказала матери, что она остается дома отъ головной боли и просила отпустить Наденьку одну, которой такъ хотѣлось итти на-вечеръ. Лирина удивлялась причудѣ дочери, но уступила ея убѣжденіямъ, не ожидая большаго удовольствія своей Сонечкѣ въ обществѣ ихъ любезной вѣтреницы, тѣмъ болѣе, что наканунѣ Леонора Ивановна ничего не сказала объ ожиданіи гостей.

Можетъ быть, въ чистую и возвышенную душу Софьи слишкомъ глубоко заронилось сомнѣніе въ благородствѣ мыслей ея свѣтской пріятельницы, и, чужлая лицемѣрія, она хотѣла прежде разубѣдить себя въ этомъ непріятномъ чувствѣ и потомъ уже возвратиться къ прежней короткости съ нею.

Смѣтливую Наденьку очень удивило, когда она встрѣтила улана въ залѣ Фебусовой: ребенокъ этотъ такъ любилъ свою ненаглядную Сонечку, что не могъ упустить изъ вида всего, что было связано съ ея участью. А рѣзвушкѣ очень хотѣлось, чтобъ сбылись слова ея няни. Почему, думала малютка, Леонора Ивановна не говоритъ ничего Сонечкѣ объ уланѣ и скрываетъ даже, когда онъ у нея будетъ? Она сама ужъ

за-мужемъ; ей не для чего мѣшать судьбѣ Сонечки. Не правда-ли, что Наденька была очень справедлива?

На вопросъ хозяйки о сестрѣ Наденька сказала, что Сонечка простудилась немного у обѣдни и проситъ извинить ее: она страдаетъ головною болью. Уланъ закусилъ губы, и всѣ черты его выразили что-то похожее на досаду и неудовольствіе.

Очень, очень жаль, протяжно сказала Леонора Ивановна и завела рѣчь о другомъ. Уланъ долго не вмѣшивался въ общій разговоръ, вовсе не обращая вниманія на заботливость и рвеніе хозяйки увлечь его своею неуловимою бѣглостію рѣчей и взглядовъ. Когда Ч---ій вышелъ изъ гостиной и вздумалъ перебирать ноты на краснвомъ флигелѣ въ залѣ, Леонора топнула въ паркетъ маленькой ножкой и почти съ грустью сказала дѣвицамъ: неумолимый чудо-юдо! Что вздумалось Софьѣ Дмитріевнѣ сегодня засѣсть отшельницей и растроить мой вечеръ?

Уничтоженная причудница жалѣла, что и посредничествомъ соперницы не заставила гордеца по крайней мѣрѣ замѣтить свое вниманіе къ нему.

Сестрица вѣрно еще болѣе васъ досадуетъ на свое нездоровье, отвѣчала Наденька.

Э! просто упрямица! продолжала кокетка, будто скучая безъ пріятельницы и желая выставить Софью съ самой невыгодной стороны.

Танцы не составлялись. Хозяйка гнѣвалась, задумывалась, часто скучала, а болѣе всѣхъ скучалъ Ч--ій. Отъ чего же такое разстройство? Не ужели присутствіе Софьи было такъ необходимо Леонорѣ Ивановнѣ для полнаго удовольствія? Да! чтобъ развеселить, оживить кумиръ общества. Одна изъ жеманныхъ блондинокъ, вѣроятно въ душѣ клянущихъ бѣдную Софью Дмитріевну, сѣла за рояль и заграла арію изъ Робера: «Жалѣй меня!» Ч--ій сталъ за ея стуломъ. Леонора подошла къ нему и заговорила что-то о пріятности женскаго голоса.

Чѣмъ болѣе пріятности въ женщинѣ, сказалъ сквозь усы недовольный уланъ, тѣмъ болѣе въ ней причудъ. Какъ бы я желалъ, чтобъ сегодня провалились въ бездну всѣ женщины отъ тридцати до двенадцати лѣтъ включительно.

Леонора звонко захохотала. Дѣвицы его окружили съ различными восклицаніями.

Наденька, отомстите хоть вы за пасъ, вскричала хозяйка, это и до васъ касается. За что вы такъ благопріятствуете демонамъ, спросилъ род-

ственникъ Фебусовой, и хотите подарить имъ столько прекрасной добычи?

Но Ч---ій просто злился и молча кусалъ губы. Кажется, ему было досадно, что онъ такъ внезапно открылъ себя. Между-тѣмъ разговоръ завязался и сдѣлался шумнымъ и общимъ. Женщины защищались, мущины нападали. Но желчное краснорѣчіе Ч---го перемѣшивало всѣ ихъ пренія—и, среди всего этаго хаоса междоусобія, Наденька, въ сторонѣ отъ спорющихъ, съ радостнымъ біеніемъ сердца наблюдала за порывами негодованія Ч---го.

Вечеръ кончился. Наденька все пересказала матери. Софья смѣялась восхищенію малютки и, казалось, была рада, что успѣла доказать своей пріятельницѣ, какъ мало она заботилась о томъ, чего всѣ дѣвушки такъ пламенно ищутъ.

Вечернія бесѣды Фебусовой въ домѣ Лирныхъ текли по-прежнему. Леонора ни слова не говорила ни о прогулкѣ въ Академію, куда сопровождалъ ее Ч---ій, вмѣстѣ съ мужемъ ея и родственникомъ, какъ узнала послѣ Софья, ни о самомъ Ч---мъ. Иногда ее тихонько вызывали домой, и рѣзвая Наденька одинъ разъ видѣла въ освѣщенномъ окнѣ кабинета Фебусова высокую тѣнь улана. Леонора никогда почти не проспла Софью Дмитріевну навѣщать ее по вечерамъ, почему Лирина бывала у нея только по утрамъ. Въ одно изъ нихъ

пріятельница, вдругъ перемѣня текущій разговоръ, спросила Софью: поѣхала ли бы она опять въ деревню? Софья Дмитріевна, полагая, что она говоритъ о той деревнѣ, которую онѣ недавно оставили, простодушно отвѣчала: ни за что на свѣтѣ! Имъ въ самомъ дѣлѣ было очень не хорошо въ глуши, лишенной образованнаго сосѣдства и даже нѣкоторыхъ необходимостей жизни. Вопросъ и отвѣтъ равно остались безъ объясненія.

Въ слѣдующій назначенный вечеръ Фебусовыхъ Софья Дмитріевна не отговаривалась болѣе нездоровьемъ. Кокетство Леоноры доходило до послѣдней степени. Свиданіе Ч---го съ Лирной началось вопросомъ: не страдаетъ ли она опять головной болью?

Я не бываю такъ часто больна, отвѣчала спокойно Лирна.

Пылкій Ч---ій снова всѣсилъ хозяйку исключительнымъ вниманіемъ къ Софьѣ. Противъ беззащитной дѣвушки открыли заговоръ. Родственникъ Леоноры вмѣстѣ съ короткими ея знакомыми наперерывъ ангажировали Софью Дмитріевну, послѣ танцевъ окружали ее, осыпали угожденіями; Леонора на лету ловила слова Ч---го, слѣдила за нимъ, ублажала, такъ сказать, своими неотступными призывами и исканіями. Онъ показывалъ ей не только небрежность вниманія, но даже всю холодность неуваженія. Ничто не остана-

вливало доведенной до отчаянія кокетки. Она хваталась за серебреныя битп уланскаго мундира, когда Ч---ій наклонялся къ стулу Софьи, и заставляла его почти защищаться отъ себя, отзывала его по имени, когда тотъ подходилъ къ Лиринои, чтобъ ангажировать ее на новую кадриль. Какъ необдуманно дѣйствуетъ женщина съ притязаніемъ на права мущины, когда, забывая свое скромное назначеніе быть цѣлью искапія, сама избираетъ цѣль предосудительной ловитвы и бросаетъ свое достоинство къ ногамъ хвастливаго властелина своей слабой природы!

Грустно холодна была бѣдная Лирина, окончательно разочарованная дружбою свѣтской женщины. Ч---ій не видалъ болѣе этой ясной, ласкательной улыбки, которая поразила его въ первый вечеръ такимъ магическимъ впечатлѣніемъ. Онъ задумался. Не углубляясь въ изслѣдованіе отношеній Лиринои съ Леонорой, онъ въ душѣ назвалъ благоразумную Софью капризною, хитрою кокеткой и обвинялъ себя въ ошибкѣ. Кто знаетъ, что было сказано пріятельницею гордому Ч---му, въ отсутствіи всѣхъ защитниковъ истиннаго достоинства Лиринои, когда Леонора Ивановна принимала его одпаго въ своемъ будуарѣ?

Утомленная безпрерывными опытами и слишкомъ раннимъ наблюденіемъ надъ сердцами близкихъ людей, Софья Дмитріевна заключилась въ семьѣ своей, охлаждая себя строгимъ размышленіемъ.

До самаго Новаго-года Лирина не видала улана и даже ничего не слыхала объ немъ, хотя онъ продолжалъ изрѣдка ѣздить къ Фебусовымъ.

2-го Генваря Леонора Ивановна давала настоящій балъ. Наленька неотступно упрашивала Софью не отказываться отъ приглашенія. Жаркія убѣжденія малютки и просьбы матери вызвали наконецъ съ упрямыхъ устъ согласіе.

Передъ трюмо, примѣряя уборъ за уборомъ, отбрасывая самые затѣйливые наряды свои, Леонора Ивановна два часа не могла выбрать ни однаго изъ нихъ по-сердцу, не смотря на искусную помощь ловкой горничной, и одѣлась, въ первый разъ въ жизни, безъ вкуса и не къ-лицу. Это сказало ей не одно безпристрастное зеркало: мужъ и родственникъ безъ всякой совѣсти подтвердили ея несчастное замѣчаніе, что она сегодня будетъ послѣднею на балѣ.

Привѣтствіе ея вошедшей пріятельницѣ было сухо и отрывисто. Почти съ равною злостью принимала она всѣхъ гостей своихъ, которые наполнили наконецъ до нестерпимой тѣсноты всѣ ея комнаты. Танцовали въ двухъ залахъ.

Кто опишетъ изумленіе Софьи, когда передъ нею явился Ч--ій какимъ-то внезапнымъ оборотнемъ? Ничто, отъ поступи до разговора, не обличало въ

немъ прежняго ловкаго, благородно-развязнаго офицера! Войдя въ маленькую гостиную, гдѣ находились однѣ дамы, онъ, едва поклонясь, опустился на небольшую софу противъ самой Лириной, съ такою свободою, какъ будто онъ посѣтилъ своего холостаго пріятеля. Не всталъ, когда подошла къ нему хозяйка, и небрежно крутилъ усы, быстро взглядывая на Лирину. Ни слова, ни взгляда прежняго. Софью Дмитріевну безъ того тяготила вся эта бальная сумятица безъ смысла, безъ чувства, безъ удовольствія, въ сжатой атмосферѣ душной гостиной; она отказалась отъ мазурки послѣ нѣсколькихъ кадрилей и одной съ Ч---мъ. На прочіе танцы онъ избиралъ даму между царь-дѣвицами и устарѣлыми кокетками. Всякій разъ, сколько было возможности, онъ язвилъ Лирину самымъ недостойнымъ себя образомъ, Наденька хохотала до слезъ, глядя изъ гостиной, какъ неистово носился онъ въ мазуркѣ съ какою-то полновѣсною старушкой-граціей. Наконецъ Софья Дмитріевна, подъ гнетомъ глубокаго презрѣнія ко всему этому пустоголовому обществу, холодно простилась съ хозяйкой и незамѣтно исчезла съ сестрою, двумя часами ранѣе ужина.

Услужливая няня-горничная расказывала послѣ маленькой барышнѣ, что за ужиномъ было шумно-весело; что молодежь кричала «ура!» развеселившейся хозяйкѣ, дѣвицы падали въ обморокъ отъ головокруженія, а уланъ превзошелъ всѣхъ удалью на этой стран-

ной оргіи... Вотъ что значитъ коварная пріятельница! За-чѣмъ въ свѣтѣ клевета могущественнѣе правды?

Вскорѣ послѣ бурнаго вечера Софья Дмитріевна прочла въ газетахъ объ отъѣздѣ Ч---го въ Могилевъ.

Леонора Ивановна никогда и шутя не говорила при Софьѣ о своемъ любимомъ гостѣ и неожиданной перемѣнѣ его службы. Софья Дмитріевна, отдалясь душою отъ своей пріятельницы послѣ неосторожныхъ козней этой женщины противъ нея, вмѣстѣ съ благоразумною матерью старалась вовсе отклониться отъ знакомства съ Фебусовой, тѣмъ болѣе, что опасный возрастъ Наденьки, при живомъ ея характерѣ, требовалъ образцовъ женской добродѣтели, болѣе достойныхъ, нежели обманчивая свѣтскость Леоноры.

Прошло уже около шести лѣтъ послѣ описываемаго происшествія — и пріятельница не старается оправдать своего коварства съ прежнею своей любимицей, радуясь, можетъ быть, отсутствію опасной дѣвушки, которая теперь могла бы своею поэтическою томностію затмить цвѣтущую гордыню жрицы моды.

Е. Ш.

ВЫПИСКА ИЗЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРЕПИС РУССКАГО ХРОНИКАНТА.

$\frac{15}{3}$ Сентября 1842. «Сегодня въ одной изъ Англійскихъ газетъ читалъ я статью о новой системѣ, принятой въ управленіи ссыльными на островѣ *Норфолькъ* (Norfolk), въ V части свѣта, куда посылаютъ теперь часть присужденныхъ въ Англіи къ *транспортаціи*. Нѣкто капитанъ *Maknochie* придумалъ эту систему и получилъ отъ правительства управленіе тюрьмою или колоніею, содержащею 1800 ссыльныхъ. Главныя основанія сей системы слѣдующія: онъ раздѣляетъ время ссылки на два періода. Если ссылка *на семь лѣтъ*, то первые три года почитаются временемъ возмездія за преступленіе; остальное время почитается какъ приготовленіе къ освобожденію. И тотъ и другой срокъ можетъ быть сокра-

то онъ конечно не объявилъ бы *устрашенія* главною цѣлію наказаній. Одинъ изъ уголовныхъ судей находилъ, что тюрьма *должна* необходимо быть вредною для здоровья заключеннаго. Теорія лорда Джона Русселя не благоразумнѣе. Французы много толкуютъ теперь о тюремной дисциплинѣ. Комитеты, циркуляры слѣдуютъ одинъ за другимъ; но я нигдѣ еще не замѣтилъ извѣстія о семъ новомъ опытѣ дисциплины тюремной; а вотъ уже два года, какъ она существуетъ. *Maknochie* весьма не одобряетъ долговременныхъ ссылокъ, на 15, 20 лѣтъ, находя, что долговременность, лишая надежды, вредитъ цѣли наказанія.

«Англійскіе журналы наполнены толками и спорами о послѣднихъ безпорядкахъ между работниками. *Тори* говорятъ, что мануфактуристы, желая уничтоженія закона о хлѣбѣ, то есть, желая свободнаго ввоза иностраннаго хлѣба, всячески старались притѣснять работниковъ, не увеличивать работной платы, чтобы довести ихъ до сихъ безпорядковъ, надѣясь чрезъ то заставить парламентъ дозво-

8 томикахъ, и добрую славу. *Геде* не успѣлъ издать теоріи уголовнаго права, но слушатели его сохранили его лекціи объ ономъ, не для себя только, но и для потомства. Ученіе его перешло въ жизнь и въ правосудіе, теорія его сдѣлалась во многихъ мѣстахъ Германіи юридическою практикою. Одинъ изъ учениковъ его передалъ мнѣ полный курсъ его лекцій объ уголовномъ правѣ въ рукописи, а я подарилъ оную Московскому университету, при продажѣ оному моей библіотеки.

лить ввозъ хлѣба и чрезъ то дать возможность иностранцамъ покупать Англійскіе товары. *Виги* опровергаютъ сію клевету—и, кажется, справедливо. Какъ бы то ни было, *Тори* весьма глупо разсуждаютъ о сихъ происшествіяхъ и предлагаютъ почти заставить мануфактуристовъ платить извѣстную плату работникамъ, à peu près какъ въ 93 году, во Франціи, *конвенція* установила minimum и maximum. Здѣсь (т. е. во Франціи) все спокойно. Журналы пустословятъ.» и пр. и пр.

Э. А.

1 ІЮЛЯ 1842.

Семейное торжество въ Царскомъ Домѣ, праздникъ двадцатипятилѣтія послѣ бракосочетанія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, этотъ радостный день для всей Россіи, не долженъ былъ и не могъ пройти безъ вдохновеннаго Гимна того Поэта, котораго талантъ посвященъ Религіи, Отечеству и Престолу. Въ уединеніи своемъ, посреди тихихъ семейныхъ радостей и заботъ, за любимыми своими трудами, безъ которыхъ умъ его и сердце не понимаютъ блага жизни, В. А. *Жуковскій*, и въ дали отъ Россіи, духомъ живетъ въ ней, сочувствуетъ съ нами—и вотъ его Пѣснь, выраженіе того, чѣмъ наше сердце исполнено. Онъ помнитъ и строго соблюдаетъ священный долгъ, который возложило на Поэта Провидѣніе: *быть провозвѣстникомъ всего великаго и прекраснаго на землѣ*. Съ появленія перваго его стихотворенія, *Сельское Кладбище*, написаннаго имъ въ дѣтствѣ, теперь прошло ровно сорокъ лѣтъ. Въ теченіе всей жизни своей онъ неизмѣнно былъ Поэтомъ по-преимуществу *Христіанскимъ*. Сколь ни разнородны предметы его стихотвореній и обстоятельства, служившія ему поводомъ къ сочиненіямъ, на всемъ отразилась его любящая и благоговѣйная душа. Посреди самыхъ лирическихъ движеній своего таланта,

«Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею Столицей»,

онъ и въ *Пѣвцѣ въ станѣ Русскихъ воиновъ* увлекаетъ читателя въ лучшій міръ, въ эту вожделѣнную отчизну Христіанина. Начиная съ 1812 года до сего времени, всѣ блестящія эпохи Русской Ис-

торіи врѣзались неизгладимо въ нашей памяти его вдохновенными стихами.

«Внимая имъ, воспламенится младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.»

В. А. Жуковскій живетъ нынѣ въ Дюссельдорфѣ (въ загородномъ домикѣ). Онъ особенно занимается переводомъ на Русской языкъ *Одиссеи Гомера*. Какое пріобрѣтеніе готовится для Русской Литературы! Съ нимъ живетъ *Поэтъ живописи*, знаменитый *Рейтернъ*, отецъ супруги нашего Поэта. Два великихъ Художника, они, въ маленькомъ своемъ обществѣ, образовали прекрасный, завидный міръ, въ которомъ все дышетъ неземнымъ счастіемъ.

Передъ праздникомъ, который, по благословенію Божію, готовился Царскому Дому и Россіи 1 Іюля 1842 года, Живописецъ и Поэтъ соединили свои таланты, чтобы ознаменовать этотъ день изъявленіемъ своего вѣрноподданническаго усердія. *Рейтернъ* написалъ картину (здѣсь прилагается эстампъ съ нея въ уменьшенномъ * видѣ), на которой изображенъ *Св. Побѣдоносецъ Георгій*. Картина писана масленными красками на деревѣ. Вокругъ нея находятся слѣдующія слова, изображенныя церковными буквами: «*Блаженъ еси и добро тебѣ будетъ; жена твоя яко »лоза плодовита въ странахъ дому твоего; сынове твои »яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея, и »узриши сыны сыновъ твоихъ* (Псал. 127, ст: 3, 4, 7.).« Картина эта внушила *Жуковскому* стихи, которые слѣдуютъ. Живописецъ и Поэтъ, препрово-

* Подлинная картина въ вышину 9 верш., а въ ширину 6¼ верш.

дивъ свои произведенія къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, имѣли счастіе принести дары, не недостойные Царскаго Семейнаго Праздника.

Плетневъ.

Встаетъ Христовъ знаменоносецъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ;

Сѣдлаетъ бѣлаго коня,
И въ панцырѣ свѣтлѣе дня,
Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ,
По свѣтозарнымъ небесамъ,
По громоноснымъ облакамъ
Летитъ въ знакомый край полночи;
Горятъ звѣздами чудны очи;
Прекрасенъ блескъ его лица;
Въ рукѣ могучей два вѣнца:
Одинъ вѣнецъ изъ лавровъ чистыхъ,
Другой изъ бѣлыхъ розъ душистыхъ.

За-чѣмъ же онъ на Русь летитъ?...
Онъ съ тѣхъ временъ, какъ Русь стоитъ,
Всегда пророчески являлся,
Какъ скоро Божій судъ свершался
Во славу иль въ спасенье намъ.
Онъ въ первый разъ явился тамъ —
Какъ вождь, сподвижникъ и хранитель —
Гдѣ вѣнценосный нашъ крститель
Во Іордань Днѣпровыхъ водъ
Свой вѣрный погрузилъ народъ,
И стала Русь земля Христова.
Тамъ у Крещатика святаго
Союзъ свой съ нами заключилъ
Великій ратникъ Божьихъ силъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ.
Когда свирѣпый бѣдоносецъ
На Русь Половчанинъ напалъ,
Передъ врагомъ невѣрнымъ сталъ

Онъ вмѣстѣ съ бодрымъ Мономахомъ,
И надолго, объятый страхомъ,
Врагъ заперся въ своихъ степяхъ.
Но нашъ великій Мономахъ,
Тѣхъ дней послѣднее свѣтило,
Угасъ, и время наступило
Неизглаголанное золъ:
Пожаръ усобицъ и крамолъ
Повсюду вспыхнулъ; братъ на брата
Пошелъ войной и сопостата
Губить отчизну подкупилъ,
И обезумясь потащилъ
СамъРусскій матерь-Русь ко гробу . . . .
Тогда Господь на нашу злобу
Свой гнѣвъ карающій послалъ:
На насъ Ордынецъ набѣжалъ,
И опозорилъ Русь святую,
Тяжелую, двухвѣковую
На шею цѣпь набросивъ сй;
Тогда погибла честь Князей:
Топоръ Ордынца своенравно
Ругался ихъ главой державной;
И прежней славы самый слѣдъ
Исчезъ . . . . одинъ во мглѣ сихъ бѣдъ,
Въ шуму сихъ страшныхъ вражьихъ оргій.
Нашъ Божій ратникъ, нашъ Георгій
Намъ неизмѣнно вѣренъ бымъ;
Звѣздой надежды онъ свѣтилъ
Намъ изъ за-тучи испытанья;
О бодрыхъ праотцахъ преданья
Унывшимъ внукамъ онъ сберёгъ;

Его къ намъ милующій Богъ
Ниспосылалъ, чтобъ подкрѣплялъ насъ,
Пока въ огнѣ скорбей ковалъ насъ
Въ несокрушаемый булатъ
Тяжелый испытанья млатъ.
И, мученикъ побѣдоносный,
Онъ плѣнъ мучительно-поносный,
Терпѣть насъ мужески училъ;
Въ бояхъ онъ нашъ сподвижникъ былъ;
Онъ съ Невскимъ опрокинулъ Шведа —
И стала Невская побѣда
Въ началѣ долгихъ рабства бѣдъ
Святымъ пророчествомъ побѣдъ,
Создавшихъ снова нашу силу;
Онъ былъ Тверскому Михаилу
Утѣшнымъ спутникомъ въ Орду,
Предсталъ съ нимъ ханскому суду
И братскую страдальцу руку
Простеръ, чтобъ онъ во славу муку
За Русь и вѣру воспріялъ;
Когда Донской народъ созвалъ,
Чтобъ дать Ордынцу пиръ кровавый,
Въ день воскресенья нашей славы,
Надъ нашей ратью въ вышинѣ
Побѣдоносецъ на конѣ
Явился грозный, и, блистая
Какъ въ небѣ туча громовая,
Воздвиглось знамя со крестомъ
Передъ испуганнымъ врагомъ,
И первый Русскій бой свободы
Однимъ великимъ днемъ за годы

Стыда и рабства отомстилъ.
Срокъ искупленья наступилъ;
Въ насъ запылала жизнь иная;
Преображенная, младая,
Свершивъ дорогу темныхъ бѣдъ,
Дорогой свѣтлою побѣдъ
Пошла къ своей чредѣ Россія;
И все, что времена лихія
Насильно взяли, то она,
Въ благія славы времена,
Сама взяла обратно съ бою;
И вмѣстѣ съ ней рука съ рукою
Ея побѣдоносецъ шелъ.
Орды разрушился престолъ;
Казань враждебная исчезла;
За грань Урала перелѣзла
Лихая шайка Ермака,
И передъ саблей козака
Съ своими дикими ордами
И златоносными горами
Смирилась мрачная Сибирь;
И удалой нашъ богатырь,
Съ нашествіемъ и бунтомъ сладивъ,
И съ Руси слѣдъ послѣдній сгладивъ
Стыда и бѣдъ, взмахнулъ мечемъ
И быстро обошелъ кругомъ
Ея врагамъ доступной грани,
И начались иныя брани
На всѣхъ концахъ ея тогда;
Чудотворящая звѣзда
Петрова знаменіемъ славы
Намъ возсіяла въ день Полтавы,

И свѣтлый Ратникъ Божьихъ силъ
Побѣдоносно распустилъ
Хоругвь съ крестомъ надъ Русью славной:
Изъ Бельта флотъ ея державный
Намъ путь открылъ во всѣ моря;
Смирился Каспій, отворя
Ей древнія свои пучины;
Горами смерзшіяся льдины
И неподвижный свой туманъ
Ей ледовитый океанъ
Воздвигъ на полночь твердой гранью·
Могучею покрыла дланью
Весь сѣверъ Азіи она;
Ея съ побѣдой знамена
Черезъ Кавказъ переступили,
И грозно пушки огласили
Ея Балканъ и Араратъ;
Ихъ залпы потрясли Царьградъ,
Но тронъ султана не раздавленъ,
Лишь Туркомъ памятникъ поставленъ
Во славу Русскія войны.
И съ честію отомщены
Всѣ стародавнія обиды:
Законно взяли мы съ Тавриды,
Что было взято съ насъ ордой;
И за отнятое Литвой
Намъ Польша съ лихвой заплатила
Въ кровавый день, когда рѣшила
Судьба межъ двухъ родныхъ племенъ
Споръ, съ незапамятныхъ временъ
Сосѣдствомъ гибельнымъ зажженный,

И роковымъ лишь погашенный
Паденьемъ одного изъ двухъ.
И все свершилося: потухъ
Для насъ въ побѣдахъ пламень брани;
Несокрушаемыя грани
Намъ всюду создала война;
Жизнеобильна и сильна,
Въ могуществѣ миролюбива,
Въ избыткѣ славы нестроптива,
Друзьямъ сподвижникъ, врагъ врагамъ,
Надежный царствамъ и царямъ
Союзникъ въ дѣлѣ правды, славы,
Россія всѣ зоветъ державы
Въ могучій съ ней союзъ вступить,
Чтобъ миротворной правдой слить
Въ одно семейство всѣ народы.

Небесныя покинувъ своды,
За-чѣмъ же нынѣ посѣтилъ
Насъ свѣтлый Ратникъ Божьихъ силъ,
Сподвижникъ нашъ побѣдоносный?
Давно Ордынскій плѣнъ поносный
Забытъ; иноплеменный врагъ
На нашихъ нивахъ и поляхъ
Не разливаетъ раззоренья;
Мы сами для побѣдъ иль мщенья,
Какъ то бывало въ старину,
Не мыслямъ начинать войну —
За-чѣмъ же нынѣ вдругъ предсталъ онъ?
За-чѣмъ поспѣшно осѣдлалъ онъ
Лихаго бѣлаго коня,

И въ панцырѣ свѣтлѣе дня,
Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ,
По небесамъ, по облакамъ,
Нежданый вдругъ примчался къ намъ?—
Не бранный гость, а мироносецъ,
Георгій нашъ побѣдоносецъ,
Теперь пришелъ, не звать насъ въ бой,
А вмѣстѣ съ нами нашъ святой
Семейный пиръ Царевъ отправить,
И Русскій весь народъ поздравить
Съ прекраснымъ Царской жизни днемъ,
Съ такимъ поздравить торжествомъ,
Какаго царство не видало,
Какаго прежде не бывало
Подъ кровлей Царскаго дворца.
И два въ рукахъ его вѣнца:
Одинъ вѣнецъ Царю въ подарокъ;
Изъ свѣжихъ лавровъ онъ, и ярокъ
Нетлѣнный блескъ его листовъ;
Онъ не увянетъ какъ любовь
Къ Царю, какъ Царская держава,
Какъ честь Царя, какъ Руси слава.
Царицѣ въ даръ вѣнецъ другой
Изъ бѣлыхъ розъ—ихъ блескъ живой
Съ ея душею сходенъ ясной;
Какъ роза бѣлая, прекрасно
На тронѣ жизнь Ея цвѣтетъ
И благодатное лѣтъ
На все любви благоуханье;

Родной семьи очарованье,
Народа Русскаго краса,
Свѣтла, чиста, какъ небеса,
Да долго намъ Она сіяетъ,
Насъ радуетъ, насъ умиляетъ,
Незаходимою звѣздой
Горя надъ Русскою землей!..
Серебреную свадьбу правя
Царя великаго, и славя
Его домашній Царскій бытъ,
Которымъ Онъ животворитъ
На всѣхъ концахъ своей державы
Семейные благіе нравы —
Любви супружней образецъ,
Дѣтей заботливый Отецъ —
Народъ о томъ лишь Бога молитъ:
«Да нѣкогда Царю позволитъ,
«Чтобъ Онъ съ Царицею Своей,
«Всѣхъ сыновей и дочерей
«И чадъ и внуковъ ихъ собравши,
«И тратъ въ семьѣ не испытавши,
«Позвалъ народъ, какъ нынѣ, свой
«На праздникъ *свадьбы золотой*.

Жуковскій.

Дюссельдорфъ.
1842 $\frac{\text{іюня 22.}}{\text{іюля 4.}}$

НЕИЗВѢСТНАЯ СТРАНА.

Она сладка какъ свѣжесть утра
И свѣтозарiемъ полна,
Какъ сто отливовъ перламутра,
Та *неизвѣстная* страна. . .

Подъ блескомъ яхонтовыхъ сводовъ,
Страна та — таинство небесъ —
Безъ городовъ и безъ народовъ,
Полна и жизни и чудесъ ! . .

Тамъ, безъ черпа́ла, *воду жизни* —
Живой хрусталь — душа пила
И, въ дымъ земной своей отчизны,
Сошла, какъ радуга, свѣтла !

Но здѣсь, курящимся порокомъ,
Въ чаду страстей зачернена,
Надъ мутнымъ дѣлъ земныхъ потокомъ,
Сидитъ, смущенная, она !

Ѳедоръ Глинка.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXVIII ТОМА.

СТРАН.

(Первой нумераціи.)

I. Современныя записки.

О ежемѣсячномъ изданіи Современника въ 1843 году. 5

Глазговскій Университетъ. 9

Это очень любопытно. *Ѳ. Н. Глинки.* 23

Листки изъ Скандинавскаго міра. 29

II. Разборъ новыхъ книгъ.

Новыя сочиненія. 52

Новые переводы. 96

Новыя изданія. 109

(Второй нумераціи.)

III. Астрономія.

Наблюденія солнечнаго затмѣнія 1842 $\frac{8}{26}$ Іюля. *А. Шидловскаго.* 1

IV. Философія.

Замѣчанія на Лока. *К. А. Петерсона.* 17

V. Исторія.

Положеніе протестантизам въ 1563 году. 38

Сила папства послѣ Тридентинскаго собора. 52

Первыя Іезуитскія школы въ Германіи. 58

(*Третьей нумераціи*).

VI. Повѣсти и расказы.

Семейство, или домашнія радости и огорченія. 1

Утренній споръ и вечерняя размолвка. 6

Кандидатъ. 41

Гофмаршальша. 57

Золотая цѣпь. *Г. А. Токарева.* 63

Три вечера у пріятельницы. *Е. Н. Ш.* 78

VII. Корреспонденція.

Выписки изъ Европейской переписки Русскаго Хрониканта. *Э. А.* 80

VIII. Стихотворенія.

1 Іюля 1842 года. *В. А. Жуковскаго.* 103

Неизвѣстная страна. *Ѳ. Н. Глинки.* 114

Конецъ двадцать осьмаго тома.